

ISSN 2712-8407

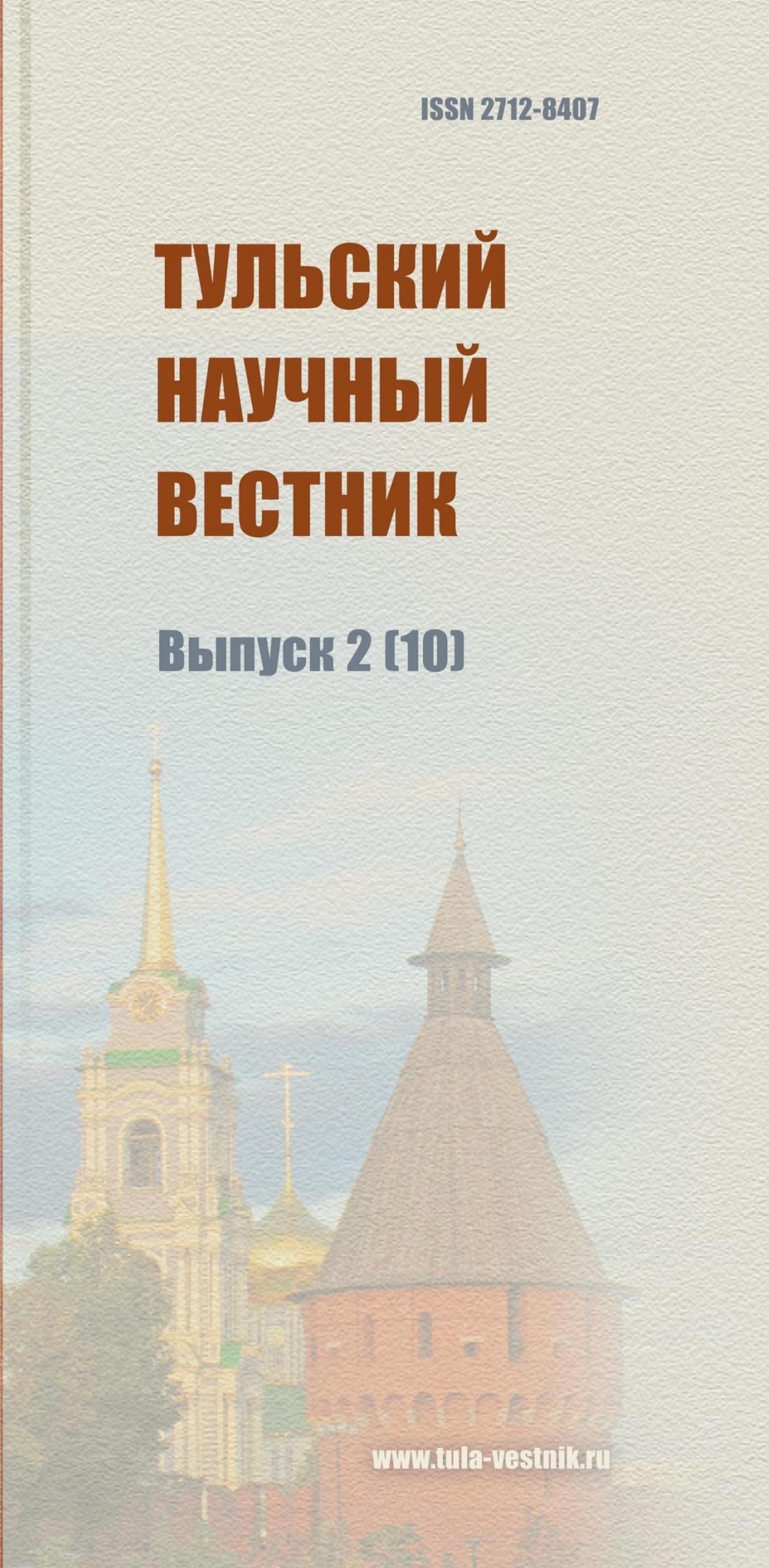
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (10)

2022

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (10)

**Тула
2022**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (10)

Дата выхода в свет: 10.10.2022 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистрации
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2022
© Авторы статей, 2022

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Клейменов А. А.* Македонская тяжелая пехота
в дофилипповское время: факты и предположения **6**
- Анисимов К. А.* Дипломатия одрисов:
между скифами и персами **20**
- Родович Ю. В.* Атлантический и российский векторы
внешней политики ФРГ: от В. Брандта до О. Шольца **31**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Буянова Л. Ю.* Регистр комментирования
в пространстве Интернет-коммуникации: **44**
креативно-эмоциогенный аспект
- Коренева А. В., Бычкова Н. Н.* Новая лексика
эпохи пандемии в английском и русском языках: **54**
лингвистические и лингводидактические аспекты
- Бхатнагар Мину.* К вопросу вторжения латиницей
в современный русский язык **67**
- Мозгачева К. С.* Роль прецедентных имен
в становлении региональной идентичности **75**
(на примере оружейного производства
Тульского края)
- Сидоркова Л. Р.* Микрополе «растения»
в семантическом поле природы **82**
произведений К. Г. Паустовского

DOI 10.22405/2712-8407-2022-2

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 2 (10)

Released on October 10, 2022

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586**

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2022
© Authors of articles, 2022

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**

**Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- Kleymeonov A. A.* Macedonian heavy infantry
in the pre-Philip times: facts and assumptions **6**
- Anisimov K. A.* Diplomacy of the Odrysians:
between the Scythians and the Persians **20**
- Rodovich Yu. V.* Atlantic and Russian vectors
of German foreign policy: from V. Brandt to O. Scholz **31**

LINGUISTICS

- Buyanova L. Yu.* Comment case in space of Internet
communication: creative and emotional aspect **44**
- Koreneva A. V., Bychkova N. N.* Linguodidactic Potential
of Regional Media Texts in the Study of Neologisms
in the Lessons of Russian as a Foreign Language **54**
- Bhatnagar Meenu.* On the invasion of modern Russian
by the Latin alphabet **67**
- Mozgacheva K. S.* The role of precedent names in the
formation of regional identity (on the exam-ple of
weapon production in the Tula region) **75**
- Sidorkova L. R.* The microfield "Plants" in the semantic
field of the nature in Konstantin Paustov-sky's works **82**

DOI 10.22405/2712-8407-2022-2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 6–19.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 2 (10). P. 6–19.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-6-19>

МАКЕДОНСКАЯ ТЯЖЕЛАЯ ПЕХОТА В ДОФИЛИППОВСКОЕ ВРЕМЯ: ФАКТЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. Цель работы заключается в рассмотрении проблемы появления тяжеловооруженной пехоты в составе македонского войска. Определено, что к эпохе правления Пердикки II в македонской армии отсутствовала собственная тяжелая пехота, а потребность в данном роде войск по возможности удовлетворялась посредством привлечения к участию в боевых действиях живших на территории царства Аргеадов греков и наемников. Эта ситуация сложилась из-за особенностей социально-экономического положения Македонии, где не было достаточного количества жителей, способных приобрести дорогое гоплитское снаряжение. Однозначно интерпретируемые сведения о появлении македонской тяжеловооруженной пехоты относятся к начальному периоду правления Филиппа II, снабдившего своих воинов соответствующим вооружением и обучившего их действовать в строю фаланги. Достаточно часто на основании некоторых данных Фукидида и Анаксимена предполагается, что македонские цари Александр I, Архелай или Александр II могли осуществить реформы, направленные на создание собственного корпуса тяжелых пехотинцев. Тем не менее, используемые для обоснования подобных выводов античные сообщения допускают и иные трактовки, не предусматривающие внедрения тяжеловооруженной пехоты в состав македонской армии. Наличие этого рода войска никак не прослеживается и в событиях военной истории дофилипповского времени. В результате рассмотрения проблемы констатируется, что македонская тяжеловооруженная пехота в тот период могла быть представлена лишь небольшим отрядом, входящим в личную гвардию монарха и не способным существенно влиять на ход боевых действий. Настоящим создателем фаланги как важной части македонской военной системы следует считать Филиппа II, а не кого-либо из его предшественников.

Ключевые слова: Македония, Филипп II, пехота, фаланга, гоплиты, педзетайры, Фукидид.

Для цитирования: Клейменов А. А. Македонская тяжелая пехота в дофилипповское время: факты и предположения // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 6–19. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-6-19>.

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(38).07
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-6-19>

MACEDONIAN HEAVY INFANTRY IN THE PRE-PHILIP TIMES: FACTS AND ASSUMPTIONS

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The problem of the appearance of heavily armed infantry as part of the Macedonian army is under consideration in this article. It defends that in Perdiccas' II times the Macedonian army lacked its own heavy infantry, and the need for this kind of troops was met, if possible, by attracting Greeks who lived in Macedonia to participate in hostilities mercenary troops. The Argead kingdom socio-economic development was the reason for the current situation because there was not a sufficient number of residents able to purchase the expensive hoplite equipment. Unambiguously interpreted information about the appearance of the Macedonian heavy infantry refers to the initial period of Philip's II government, when the Macedonians were equipped with the appropriate weapons and trained to act in the phalanx formation. Quite often, based on some Thucydides and Anaximenes data, it is assumed that such Macedonian kings as Alexander I, Archelau or Alexander II could implement reforms aimed at creating their own corps of heavy infantrymen. Nevertheless, the ancient reports used to substantiate such conclusions allow for other interpretations that do not provide for the introduction of heavy infantry into the structure of the Macedonian army. There is no evidence of using this military branch in the events of Macedonian military history before the Philipian time. As a result of the consideration of the problem, it is stated that the Macedonian heavy infantry at that time could only be represented by a small detachment that was part of the monarch's personal guard and was not able to significantly influence the course of hostilities. The real creator of phalanx as an important part of the Macedonian military system should be considered Philip II, and not any of his predecessors.

Keywords: Macedonia, Philip II, infantry, phalanx, hoplites, pezhetairoi, Thucydides.

For citation: Kleymeonov, AA 2022, 'Macedonian heavy infantry in the pre-Philip times: facts and assumptions', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 6–19, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-6-19> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander A. Kleymeonov* – Doctor of Science (History), Senior researcher of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Даже весьма поверхностное знакомство с военным делом античных государств и народов не может воспрепятствовать осознанию большой, а во многих случаях и решающей роли тяжело экипированных и действующих в плотных боевых порядках пехотинцев на древних полях сражений. Греческий гоплит, македонский фалангит и римский легионер вполне заслуженно являются настоящими символами вооруженных сил своего времени, что, впрочем, сочетается с наличием многочисленных «белых пятен» в наших представлениях о генезисе и развитии тяжелой пехоты как рода войск. В полной мере это наблюдение справедливо для Македонии Аргеадов, пехота которой в течении долгого времени не являлась заметной боевой силой, но на финальных этапах существования династии, овеянных громкими победами Филиппа II и его сына Александра Великого, была одной из лучших на просторах античной Ойкумены. Весьма важной и достаточно сложной для исследования проблемой, с которой приходится столкнуться при рассмотрении особенностей этого судьбоносного прорыва в военном деле, является определение времени и обстоятельств появления тяжелой пехоты в составе вооруженных сил македонского государства.

Материалы и методы

Как и многие другие аспекты античной военной истории, рассматриваемый вопрос может быть изучен, прежде всего, посредством обращения к нарративным источникам, из которых особое значение имеют материалы древних сочинений, созданных непосредственно в рамках рассматриваемой эпохи, а также та информация из работ сравнительно позднего времени, что имеет явно прослеживаемую генетическую связь с ранней исторической традицией. Для выявления и интерпретации содержащихся в письменных памятниках сведений и их верификации применялись методы исторической герменевтики и семиотики, включая приемы семантического анализа, позволяющие определить значение терминов, использовавшихся в рассматриваемых фрагментах древнегреческой литературной традиции. Полученные данные дали возможность определить характер анализируемых процессов и явлений, а также установить степень обоснованности присутствующих в историографии концепций. В ходе исследования были задействованы общенаучные и специальные исторические методы, из которых важнейшую роль сыграли историко-системный, историко-генетический и сравнительно-исторический, а также методы ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты

Весьма плохая информированность современных исследователей о македонской пехоте дофилипповского времени, несомненно, связана со скудностью источниковой базы, освещающей историю царства Аргеадов. Фактически, в нашем распоряжении есть лишь отдельные и в ряде случаев весьма неточные сообщения, оставленные греческими авторами, писавшими о северной монархии редко и, во многих случаях, тенденциозно [1, с. 46; 5, с. 59; 50, с. 1]. По сути, первая и единственная сравнительно подробная характеристика состава македонского войска того периода представлена в сочинении Фукидида (IV, 124, 1), который, описывая поход царя Пердикки II на правителя верхнемакедонского племени линкестов Аррабея, состоявшийся в 423 г. до н.э., указывает, что в армии македонского монарха, помимо возглавляемого Брасидом союзного контингента, были гоплиты из живших в Македонии греков. Кроме гоплитов, общее количество которых составляло примерно 3 тысячи, в войско входили тысяча македонских и халкидских всадников, а также «большая толпа варваров» (ὄμιλος τῶν βαρβάρων πολυς). Ниже автор сообщает, что после перехода иллирийских наемников на сторону врага «толпа варваров» впала в панику и обратилась в бегство, вынудив отступить и Пердикку, оставившего своих эллинских союзников перед лицом вражеского войска (Thuc., IV, 125, 1-2). Анализ данного весьма

ценного сообщения позволяет заключить, что афинский историк к категории гоплитов относил лишь воинов Брасида и живших во владениях Аргеадов греков. Последних, судя по соотношению представленных в сочинении чисел, было не более тысячи [59, с. 99]. Определяя особенности остальной пехоты македонской армии, следует обратить внимание на отрывки работы Фукидида, описывающие бой с линкестами и последовавшее за отступлением войска Пердикки обращение Брасида к своим воинам. Так, рассказывая о боевом столкновении, историк упоминает победу союзников над некими «линкестийскими гоплитами» (Λυκκηστῶν ὀπλιτῶν) (IV, 124, 3), а в речи, вкладываемой в уста Брасида¹, со ссылкой на прошедший бой сообщает, что «варвары» не строятся в правильный боевой порядок (οὐτε γὰρ τάξιιν ἔχοντες) и легко покидают свои позиции (IV, 126, 3-6). Судя по контексту речи, в ней представлена характеристика рассеянной в недавнем столкновении верхнемакедонской пехоты [46, с. 95]², при этом качества «варваров» противопоставляются стойкости греческих гоплитов, изображаемых носителями доблести более высокого порядка [51, с. 53]. В соответствии с этим упомянутые Фукидидом «гоплиты» из армии линкестийцев могут быть идентифицированы не как бойцы фаланги греческого типа, а как вооруженные копьями и щитами пехотинцы: использование термина ὀπλίτης в этом широком значении было достаточно характерно для греческой традиции классического времени [20, с. 301–302; 70, с. 6]. Аналогичная недисциплинированная, плохо организованная и не приученная сражаться в строю фаланги македонская пехота присутствовала и в войске Пердикки. Именно ее Фукидид, четко отличая от греческих гоплитов, называет «толпой варваров» [3, с. 37; 78, с. 585]³. О низких боевых качествах данного компонента армии македонского царя прямо или косвенно свидетельствуют и другие фрагменты сочинения афинского историка. Так, в его рассказе об участии македонских подразделений в событиях под Потидеей на начальной стадии Пелопонесской войны упоминается лишь конница Пердикки и его политических оппонентов (см. Thuc., I, 62, 3–4), а в сравнительно развернутом сообщении о вторжении в Македонию фракийского царя Ситалка, указано, что македоняне «не думали защищаться пехотой» (οἱ δὲ Μακεδόνες πεζῶ μὲν οὐδὲ διενοοῦντο ἀμύνεσθαι) и атаковали вражеское войско исключительно кавалерией (см. Thuc., II, 100, 5-6).

Сведения Фукидида в совокупности с полным отсутствием иных свидетельств о тяжеловооруженной македонской пехоте позволяют заключить, что к эпохе правления Пердикки II она не была сформирована. Как определяется в историографии, причиной этого являлись социально-экономические особенности Македонии, проявившиеся в отсутствии развитой полисной системы и, соответственно, достаточного количества зажиточных лиц, способных обеспечить себя дорогой экипировкой тяжелых пехотинцев, из-за чего в царстве Аргеадов не возник в те же сроки и в аналогичной форме характерный для ведущих греческих государств институт гоплитии [7, с. 18; 12, с. 12; 28, с. 42; 31, с. 423–424]. Некоторое, но, судя по сообщению Фукидида, достаточно ограниченное число тяжелых пехотинцев могли поставлять в македонское войско выходцы из Греции, жившие на территории царства Аргеадов. Существует предположение, что стремление увеличить этот компонент побуждало македонских царей приглашать эллинов в свои владения специально [50, с. 108]. Могли поступать греческие гоплиты в македонскую армию и в качестве наемников, однако полностью решить проблему нехватки тяжелой пехоты за счет этого источника Аргеады не имели возможности из-за своих весьма скромных финансовых возможностей [30, с. 8; 58, с. 12].

Первые прямые и не допускающие иных толкований сообщения о появлении македонской тяжелой пехоты относятся к правлению Филиппа II. Так, Диодор, рассказывая о положении, в котором оказался Филипп после прихода к власти и предва-

ря повествование о его первых победах, пишет, что новый правитель ввел улучшенное разделение войска на подразделения, снабдил людей подходящим военным снаряжением, проводил учения и соревнования, а также придумал (ἐπευόησε) сомкнутые порядки и снаряжение фаланги «в подражание прикрытому щитами строю троянцев», первым собрав македонскую фалангу (πρῶτος συνεστήσατο τὴν Μακεδονικὴν φάλαγγα) (XVI, 3, 1-2). Как было показано Н. Хэммондом, эта часть сочинения Диодора содержательно и стилистически примыкает как к сообщениям Полиэна (IV, 2, 10) и Фронтиня (Strat., IV, 1, 6) о проводимом Филиппом воинском обучении македонян, так и к немногим ныне известным фрагментам сочинения Эфора Кимского, которое, очевидно, выступило общим источником информации для Диодора и составителей сборников стратегем [35, с. 56; 36, с. 372]⁴. Соответственно, перед нами достаточно точное и развернутое указание, восходящее к неплохо информированному современнику событий. Сомнения вызывает лишь присутствующая в тексте отсылка к легендарным временам Ахиллеса и Гектора. Хотя в литературе встречается и буквальное восприятие сообщения Диодора, породившее выводы о том, что военные реалии гомеровского эпоса подтолкнули Филиппа к внедрению некоторых новшеств в практике применения пехоты [25, с. 62], в данном случае перед нами, вероятнее всего, результат осуществленного Эфором сугубо литературного сравнения облика македонской фаланги и описанных в «Илиаде» пехотных боевых порядков [54, с. 484]. Последнее обстоятельство, впрочем, не мешает оценивать как весьма ценное содержащееся в этом информационном блоке указание на создание корпуса тяжелой пехоты Филиппом II, который за счет государства вооружил и обучил бойцов фаланги. Эти сведения, в частности, хорошо соотносятся с иными данными о снабжении македонян вооружением за счет государства, относящимися и к эпохе великих завоеваний, и к более позднему времени⁵. Наличие у Филиппа особого, весьма боеспособного корпуса пехоты подтверждается и информацией хронологически синхронных источников о структуре македонского войска. Речь идет о замечании Феопомпа (FGrH 115, fr. 348), согласно которому Филипп отобрал из македонян самых сильных и назначил своими телохранителями, назвав педзетайрами (πεζεταῖροι, т.е. «пешие друзья»), а также о сообщении Демосфена (II, 17), указавшего на наличие при особе македонского царя педзетайров, наряду с наемниками имевших репутацию образцовых и закаленных воинов. Учитывая сам характер используемого термина, обозначались им, конечно, пешие воины, при этом обладавшие достаточно высоким статусом и посредством наименования приближенные к элитным всадникам-аристократам, известным как гетайры (ἑταῖροι, т.е. «друзья») [13, с. 98–99; 56, с. 96; 66, с. 343].

Были ли иные, более ранние попытки создания македонского корпуса тяжело-вооруженной пехоты? Пытающиеся дать утвердительный ответ на этот вопрос исследователи обращают внимание на два фрагмента античной письменной традиции. Первый из них содержится в труде Фукидида и сообщает о деятельности царя Архелая, который построил укрепления, проложил удобные дороги и подготовил все на случай войны: лошадей (ἵπποις), оружие (ὄπλοις) и прочее снаряжение (τῇ ἄλλῃ παρασκευῇ), в итоге сделав больше, чем все восемь царей до него (II, 100, 2). Данный отрывок был написан, видимо, уже после смерти македонского монарха как общий экскурс, при этом составивший его афинский историк знал об Архелее не понаслышке, будучи связанным с ним узами гостеприимства [15, с. 19]. Существует мнение, что здесь Фукидид подразумевает организацию македонского отряда гоплитов, для которого и заготавливалось вооружение [1, с. 217–218; 21, с. 41; 26, с. 85; 35, с. 54; 57, с. 8–11; 59, с. 101–102; 74, с. 33]. Часть специалистов делают вывод о наличии у этой реформы социальной базы в виде якобы появившегося в Македонии к концу V в.

до н.э. «среднего класса», имевшего возможность снабдить себя вооружением гоплитского типа [29, с. 87–96; 41, с. 58]. Последний тезис откровенно сомнителен из-за игнорирования прямого указания на заготовку снаряжения царской властью, а заключение о введении Архелаем корпуса тяжелых пехотинцев не является единственным вариантом интерпретации сообщения: велика вероятность того, что Фукидид использовал понятие ὄπλα в широком значении и, соответственно, описывал заготовку лошадей и вооружения для кавалерии, традиционно являвшейся важнейшим компонентом вооруженных сил государства Аргеадов [14, с. 152; 33, с. 147–148; 56, с. 92–93; 67, с. 467–468].

Второй интересующий фрагмент содержится в дошедших до нас осколках литературного наследия Анаксимена из Лампсака. Согласно этому источнику, некий македонский царь по имени Александр приучил знатнейших служить в коннице, назвав их гетайрами, а большинство пеших, разделив на лохи, декады и прочие части, назвал педзетайрами, чтобы оба войска, участвуя в царской гетайрии, оставались наиболее ревностными (FGrH 72, fr.4 = *Harprocrat. Suda*, Πεζέταιροι). Данный текст не позволяет понять какого именно из Александров подразумевает автор, что породило большое количество вариантов толкования сообщения. В частности, согласно мнению значительной части специалистов, перед нами информация о реформе, приведшей к созданию постоянного контингента тяжеловооруженных пехотинцев-педзетайров в дофилипповское время, причем связывают это нововведение с разными царями: Александром I Филэллином [3, с. 42; 14, с. 153; 21, с. 53; 57, с. 8–11], Архелаем [68, с. 7], и Александром II [11, с. 104; 13, с. 99; 28, с. 43–44; 32, с. 26–27; 52, с. 21; 55, с. 35–46; 59, с. 105–107]. Имеются и иные, не менее убедительные интерпретации, соотносящие сообщение с Александром III Великим, который посредством обозначенной реформы мог причислить к «гетайрам» и «педзетайрам» всех македонских кавалеристов и пехотинцев, при Филиппе таким статусом не обладавших [22, с. 393; 39, с. 33; 43, с. 163; 56, с. 96]. По третьей версии, текст Анаксимена существенно искажен из-за допущенной ошибки переписчика, указавшего имя Александра вместо его отца Филиппа [5, с. 127–128; 16, с. 30–33]. В соответствии с наиболее категоричным, но не лишенным оснований выводом, сообщение Анаксимена может быть откровенно ошибочным, так как данный автор уже в древности подвергался критике за плохое качество работы, а его рассказ о реформе «царя Александра» известен в значительно более позднем и, вполне возможно, искаженном переложении [8, с. 88]⁶.

Как следует из вышеизложенного, считать рассмотренные фрагменты античного наследия однозначным доказательством создания македонского корпуса тяжелой пехоты в дофилипповское время не представляется возможным. Следует отметить, в историографии имеются выводы о формировании фаланги в предшествующие правлению знаменитого царя-реформатора периоды, вовсе не опирающиеся на указания каких-либо источников, а основанные на самом факте быстрого создания корпуса македонской тяжелой пехоты, которая уже в 358 г. до н.э., то есть спустя год после воцарения Филиппа, доказала свою боеспособность в битве с иллирийцами на Лихнидском озере. Исходя из этого предполагается, что внедрение фаланги в македонскую военную практику началось задолго упомянутого сражения, а Филипп лишь ускорил и расширил реформы, начатые предшественниками [55, с. 35–46; 60, с. 839–840]. В данном случае перед нами, безусловно, предположение еще более гипотетическое.

Дискуссия

Представляется, что при обращении к проблеме определения состава и возможностей войска Аргеадов необходимо отталкиваться, прежде всего, от вполне однозначного факта в виде полного отсутствия данных о боевом применении македонской тяжелой пехоты в предшествующее реформам Филиппа время. Мало того, вплоть до

эпохи великих преобразований проявлялось характерное для времен Фукидида стремление македонского командования задействовать для решения боевых задач прежде всего конницу. Так, этот подход присутствует в решении царя Аэропа с помощью конницы блокировать продвижение армии Агесилая через Македонию, которое известно благодаря одной из стратегем Полиэна (II, 1, 17). Сообщение о данном событии может быть и не достоверно в полной мере [33, с. 171], но хорошо вписывается в созданную Фукидидом картину. Не разрушается она и информацией о последнем сражении дофилипповского периода, в котором, как сообщает Диодор (XVI, 2, 5), македоняне были разгромлены иллирийцами, потеряв павшими 4 тысячи воинов, включая и самого царя Пердикку III. У. С. Гринволт, подчеркивая, что отсутствие успешных последствий не свидетельствует против возможности проведения реформ, считает большие потери армии Пердикки аргументом в пользу вывода о большой роли пехоты в тактическом замысле македонского царя [27, с. 83–84]. Приводимый исследователем довод малоубедителен, так как само наличие большого числа представителей какого-либо рода войск в составе полевой армии еще не означает, что они воспринимались как ведущая сила⁷. Гораздо более разумным выглядит критикуемое У. С. Гринволтом замечание Дж. Ройсмана: если военные преобразования в дофилипповское время и имели место, то результаты их, судя по трагической судьбе армии Пердикки III, были явно неутешительными [65, с. 162]. Даже оставив без внимания все многочисленные *contra* к доводам сторонников версии о создании собственного контингента гоплитов в Македонии дофилипповского времени, необходимо подчеркнуть, что если этот корпус и был сформирован, то он явно имел небольшой размер и в лучшем случае выполнял функции личной гвардии монарха. Возможно, данный элитный отряд телохранителей в дальнейшем сыграл свою роль в процессе реформ Филиппа, став основой знаменитых корпуса «щитоносцев» (ὐπασισταί) Александра Великого [4, с. 53–54; 9, с. 247; 34, с. 404–405; 59, с. 110], но на полной неурядиц военной истории царства Аргеадов его наличие в любом случае никак не сказалось и потому не привлекло внимания античных авторов. Для сравнения можно заметить, что присутствие македонской боеспособной пехоты и/или фаланги однозначно фиксируется не только при описании процесса реформ Филиппа, но и в весьма лаконичных сообщениях о большинстве проведенных им сражений, включая битву с иллирийским царем Бардилом (см. Diod., XVI, 4, 3-7; Front. Strat., II, 3, 2), неудачный первый бой с Ономархом (см. Polyae., II, 38, 2) и, конечно, эпохальное столкновение с греческими войсками при Херонее (См. Diod., XVI, 86, 1-5; Polyae., IV, 2, 2). Соответственно, вышеизложенное позволяет присоединиться к выводу о том, что вплоть до реформ Филиппа II тяжелой пехоты, достойной упоминания, в македонской армии не было [12, с. 12].

Заключение

Подводя итог рассмотрению обозначенной проблемы, следует отметить отсутствие достоверных и однозначных письменных сообщений о наличии в Македонском царстве предшествующего правлению Филиппа II времени собственного контингента тяжелой пехоты, идентичного или в некоторой степени сходного с греческими гоплитами. Особенности социально-экономического развития государства Аргеадов не способствовали формированию здесь института гоплитии в характерном для эллинских полисов варианте, в связи с чем появление македонской тяжелой пехоты связывается с целенаправленными усилиями царской власти. Выдвинутые рядом специалистов предположения о том, что подобные преобразования имели место еще до Филиппа II, опираются на малоинформативные и допускающие различные трактовки фрагменты античной традиции, при этом в военной истории Македонии того времени наличие боеспособной пехоты никак не проявляется. По сути, у нас нет весомых оснований ли-

шать Филиппа лавров настоящего создателя македонской тяжеловооруженной пехоты. Совокупность прямых указаний источников и динамика основных военно-политических событий показывают, что именно при этом царе-реформаторе, а не при каком-либо из его предшественников фаланга стала важным компонентом вооруженных сил царства Аргеадов, способным своими действиями влиять на исход сражений.

Примечания

1. Авторство речи приписывается как Брасиду [45, с. 236], так и самому Фукидиду [37, с. 161–180].
2. Выводы, согласно которым автор в рассматриваемом фрагменте описывает военное дело фракийцев [2, с. 250] или иллирийцев [10, с. 18; 24, с. 312–313; 75, с. 216], не учитывают структуру повествования и явно ошибочны.
3. Мнение о том, что в данном случае речь идет о наемном или союзном контингенте [59, с. 101], следует признать малообоснованным.
4. Аналогичный вывод о происхождении рассказа Диодора сделал М. М. Маркл [54; с. 484].
5. В корпусе речей Демосфена присутствует указание на заготовку оружия Филиппом (XIX, 89). Свидетельства того, что Александр снабжал своих воинов снаряжением, встречаются неоднократно (Агг. Anab., VII, 6, 1; Curt., VIII, 5, 4; IX, 3, 21; Just., XII, 7, 5; Diod., XVII, 95, 4; 108, 2). О снабжении македонян вооружением в эпоху Антигонидов сообщает и нарративная традиция (см. Liv., XLII, 12, 10; 52, 11; Plut. Aemil. Paul., 8), и эпиграфические памятники (SEG, XL, 524, ll. 1–9). Вполне закономерно господствующие позиции в историографии заняло мнение, согласно которому уже во времена Филиппа II вооружение македонянам предоставляло государство [12, с. 12–14; 32, с. 27; 49, с. 71; 55, с. 34–36; 61, с. 231]. Впрочем, в ряде случаев присутствуют и иные выводы, подразумевающие вооружение пехотинцев Филиппа за их собственный счет [31, с. 420–421; 42, с. 18].
6. Относительно близкое мнение, в соответствии с которым Анаксимен приписывает Александру Великому реформу, в реальности не имевшую места, ранее высказал Г. Т. Гриффит [31, с. 405–406].
7. В качестве наиболее наглядного контраргумента можно упомянуть значительное количество легковооруженных в армиях греческих полисов при ведущей роли на полях сражений часто не столь многочисленных гоплитов [6, с. 110; 48, с. 10–11; 76, с. 199; 77, с. 18–19].

Список источников и литературы

1. Борза Ю. Н. История античной Македонии (до Александра Великого) / пер. с англ. М. М. Холода. СПб.: Исторический факультет СПбГУ; Нестор-история, 2013. 591 с.
2. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII – V вв. до н.э. М.: Наука, 1971. 258 с.
3. Нефёдкин А. К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с.
4. Уортингтон Й. Филипп Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб. – М.: Клио, 2014. 397 с.
5. Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I. Казань: Издательство Казанского университета, 1960. 300 с.
6. Anderson J. K. Military theory and practice in the age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1970. 419 p.
7. Anson E. M. Alexander the Great: Themes and Issues. London – New York: Bloomsbury, 2013. 226 p.
8. Anson E. M. Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London – New York: Bloomsbury, 2020. 234 p.
9. Anson E. M. The Hypaspists: Macedonia's Professional Citizen-Soldiers // *Historia*. 1985. bd. 34. hf. 2. P. 246–248.
10. Ashley J. R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
11. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd.I. München: Beck, 1926. 803 s.
12. Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden – New York: Brill, 1995. 240 p.

13. *Bosworth A. B.* The Argeads and the Phalanx // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / edited by E. Carney and D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 91–102.
14. *Brunt P. A.* Anaximenes and King Alexander I of Macedon // *Journal of Hellenic Studies*. 1976. vol. 96. P. 151–153.
15. *Canfora L.* Biographical Obscurities and Problems of Composition // Brill's Companion to Thucydides / edited by A. Rengakos and A. Tsakmakis. Leiden – Boston: Brill, 2006. P. 3–31.
16. *Cawkwell G.* Philip of Macedon. London – Boston: Faber & Faber, 1978. 215 p.
17. *Demosthenes*. Vol. 1 / ed. R. Whinston. London: Whittaker & Co, 1859. 572 p.
18. *Diodorus Siculus*, Library of history. Vol. 7. Cambridge – London: Harvard University Press, 1980. 431 p.
19. *Diodorus Siculus*, Library of history. Vol. 8. Cambridge – London: Harvard University Press. 1989. 496 p.
20. *Echeverría F.* Hoplite and Phalanx in Archaic and Classical Greece: A Reassessment // *Classical Philology*. 2012. vol. 107. no. 4. P. 291–318.
21. *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
22. *Erskine A.* The of πεζέταροι Philip II and Alexander III // *Historia*. 1989. bd. 38. hf. 4. P. 385–394.
23. *Flavii Arriani Anabasis Alexandri* / Ed. A.G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
24. *Foster E.* Campaign and Battle Narratives in Thucydides // The Oxford Handbook of Thucydides / edited by R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 301–315.
25. *Gabriel R. A.* Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010. 303 p.
26. *Geyer F.* Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München – Berlin: R. Oldenbourg, 1930. 148 s.
27. *Greenwalt W. S.* Alexander II of Macedon // Ancient Historiography on War and Empire / edited by T. Howe, S. Müller and R. Stoneman. Oxford – Philadelphia: Oxbow Books, 2017. P. 80–91.
28. *Greenwalt W. S.* Infantry and the Evolution of Argead Macedonia // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / edited by T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson. Oxford – Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 41–46.
29. *Greenwalt W. S.* The Development of a Middle Class in Macedonia // Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 2007. P. 87–96.
30. *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge: Cambridge University Press, 1935. 337 p.
31. *Griffith G. T.* The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201–646.
32. *Hammond N. G. L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980. 358 p.
33. *Hammond N. G. L.* The Development of the Macedonia State // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 1–200.
34. *Hammond N. G. L.* The Various Guards of Philip II and Alexander III // *Historia*. 1991. bd. 40. hf. 4. P. 396–418.
35. *Hammond N. G. L.* Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 – 333 B. C. // *Antichthon*. 1980. vol. 14. P. 53–63.
36. *Hammond N. G. L.* What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1997. vol. 48. no. 4. P. 355–372.
37. *Hansen M. H.* The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction? // *Historia*. 1993. bd. 42. hf. 1. P. 161–180.
38. *Harpocration Lexeis of the ten orators* / edited by J. J. Keaney. Amsterdam: Hakkert, 1991. 293 p.
39. *Hatzopoulos M. B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Athènes: De Boccard, 2001. 196 p.
40. *Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. II. Epigraphic Appendix.

- Athens: De Boccard, 1996. 228 p.
41. *Hatzopoulos M. B.* Macedonians and Other Greeks // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / edited by R. J. Lane Fox. Leiden – Boston: Brill, 2011. P. 51–78.
 42. *Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea: War-games Research Group, 1982. 192 p.
 43. *Heckel W.* The Three Thousand: Alexander's Infantry Guard // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / edited by B. Campbell, L.A. Tritle. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 162–178.
 44. *Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis* / edited by B. Grenfell, A. Hunt. Oxford: Clarendon, 1909.
 45. *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1991. 538 p.
 46. *Hornblower S.* The Greek world, 479–323 BC. London – New York: Routledge, 2011. 410 p.
 47. *Ivli Frontini strategematon libri quattuor* / ed. G. Gundermann. Leipzig: Teubner, 1888. 176 p.
 48. *Kagan D., Viggiano G. F.* The Hoplite Debate // Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece / edited by D. Kagan and G. F. Viggiano. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2013. P. 1–56.
 49. *Karunanithy D.* The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC. Barnsley: Pen & Sword, 2013. 358 p.
 50. *King C. J.* Ancient Macedonia. London – New York: Routledge, 2017. 307 p.
 51. *Lendon J. E.* Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven – London: Yale University Press, 2005. 468 p.
 52. *Lock R.* The Army of Alexander the Great: Submitted to Satisfy the Requirements for the Degree of Ph D. Leeds: University of Leeds 1974. 473 p.
 53. *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum* / ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935. 375 p.
 54. *Markle M. M.* Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander // *American Journal of Archaeology*. 1978. vol. 82. no. 4. P. 483–497.
 55. *Mattew C. A.* An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War. Barnsley: Pen and Sword, 2015. 368 p.
 56. *Milns R. D.* The Army of Alexander the Great // *Alexandre le Grand. Image et réalité* / edited by E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P. 87–129.
 57. *Momigliano A.* Filippo il Macedone. Firenze: F. Le Monnier, 1934. 210 p.
 58. *Nawotka K.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. 440 p.
 59. *Noguera Borel A.* L'armée macédonienne avant Philippe // *Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 2007. P. 97–111.
 60. *Noguera Borel A.* L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse // *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium, Vol. 2.* – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1996. P. 839–850.
 61. *Noguera Borel A.* Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // *Rois, cités, nécropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine* / ed. A.-M. Guimier-Sorbets, M. B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athens: De Boccard, 2006. P. 227–236.
 62. *Plutarch's Lives. Vol. 6* / Translation by. B. Perrin. Cambridge – London: Harvard University Press; William Heinemann Ltd. 1918. 494 p.
 63. *Polyaeni Strategematon libri VIII* / ed. E. Woelfflin, J. Melber. Leipzig: Teubner, 1887. 562 p.
 64. *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
 65. *Roisman J.* Classical Macedonia to Perdiccas III // *A Companion to Ancient Macedonia* / edited by J. Roisman and I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 145–165.
 66. *Romm J.* Alexander's Army and Military Leadership // *The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation* / edited by J. Romm. New York: Pantheon Books, 2010. P. 343–351.
 67. *Sekunda N.* The Macedonian Army // *A Companion to Ancient Macedonia* / edited by J. Roisman and I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 446–471.

68. *Spendel A. L.* Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Breslau: Schlesischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 1915. 53 s.
69. *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 447 p.
70. *Taylor R.* The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World. Barnsley: Pen & Sword, 2021. 544 p.
71. *Thucydidis Historiae.* Vol. 1 / ed. C. Hude. Leipzig: Teubner, 1901. 425 p.
72. *Thucydidis Historiae.* Vol. 2 / ed. C. Hude. Leipzig: Teubner, 1903. 378 p.
73. *Titi Livi ab urbe condita libri:* Buch 39-42 /ed. W. Weissenborn. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1864. 398 p.
74. *Ueda-Sarson L.* The Evolution of Hellenistic Infantry Part 1: The Reforms of Iphicrates // *Slingshot.* 2002. vol. 222. P. 30–36.
75. *Wallace J. A.* (Hi)Story of Illyria // *Greece and Rome.* 1998. vol. 45. no. 2. P. 213–225.
76. *Wheeler E. L.* Archaic and Classical Greece: Land battle // *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare.* Vol. I / edited by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 186–223.
77. *Willekes C.* Greek Warriors: Hoplites and Heroes. Oxford – Philadelphia: Casemate, 2017. 160 p.
78. *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides // *Brill's Companion to Thucydides* / edited by A. Rengakos and A. Tsakmakis. Leiden – Boston: Brill, 2006. P. 589–614.

References

1. Borza, EN 2013, '*Istoriya antichnoj Makedonii (do Aleksandra Velikogo)*' (The history of ancient Macedonia (before Alexander the Great)), MM Kholod, History Department of St. Petersburg state University, Nestor-istoria, St. Petersburg. (in Russ.)
2. Zlatkovskaya, TD 1971, '*Vozniknovenie gosudarstva u frakijcev VII – V vv do n.e.*' (The emergence of the state among the Thracians of the 7th – 5th centuries BC), Nauka, Moscow. (in Russ.)
3. Nefedkin, AK 2019, '*Konnicza e `poxi e `llinizma*' (Hellenistic cavalry). Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. (in Russ.)
4. Worthington, I 2014, '*Filipp Makedonskij*' (Philip II of Macedonia), SV Ivanov, Klio, St. Petersburg, Moscow. (in Russ.)
5. Shofman, AS 1960, '*Istoriya antichnoj Makedonii*' (History of ancient Macedonia), vol. I, Kazan University Press, Kazan. (in Russ.)
6. Anderson, JK 1970, *Military theory and practice in the age of Xenophon*, University of California Press, Berkeley–Los Angeles.
7. Anson, EM 2013, *Alexander the Great: Themes and Issues.* Bloomsbury, London–New York.
8. Anson, EM 2020, *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues,* Bloomsbury, London–New York.
9. Anson, EM 1985, 'The Hypaspists: Macedonia's Professional Citizen-Soldiers', *Historia*, vol. 34, no. 2, pp. 246–248.
10. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC,* McFarland, Jefferson.
11. Berve, H 1926, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, vol. 1, Beck, München. (in German)
12. Billows, RA 1995, *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism,* Brill, Leiden–New York.
13. Bosworth, AB 2010, 'The Argeads and the Phalanx', in E Carney & D. Ogden (eds.) *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives,* Oxford University Press, Oxford, pp. 91–102.
14. Brunt, PA 1976, 'Anaximenes and King Alexander I of Macedon', *Journal of Hellenic Studies*, vol. 96, pp. 151–153.
15. Canfora, L 2006, 'Biographical Obscurities and Problems of Composition', in A Rengakos & A Tsakmakis (eds.) *Brill's Companion to Thucydides,* Brill, Leiden–Boston, pp. 3–31.
16. Cawkwell, G 1978, *Philip of Macedon,* Faber & Faber, London–Boston.

17. Whinston, R (ed.) 1859, *Demosthenes*. vol. 1, Whittaker & Co, London. (in Ancient Greek)
18. Diodorus Siculus, 1980, *Library of history*, vol. 7, Harvard University Press, Cambridge–London. (in Ancient Greek)
19. Diodorus Siculus, 1989, *Library of history*, vol. 8. Harvard University Press, Cambridge–London. (in Ancient Greek)
20. Echeverría, F 2012, ‘Hoplite and Phalanx in Archaic and Classical Greece: A Reassessment’, *Classical Philology*, vol. 107, no. 4, pp. 291–318.
21. Ellis, JR 1976, *Philip II and Macedonian Imperialism*, Princeton University Press, Princeton.
22. Erskine, A 1989, 1989 ‘The of πεζεταίροι Philip II and Alexander III’, *Historia*, vol. 38, no. 4, pp. 385–394.
23. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*. Teubner, Leipzig. (in Ancient Greek)
24. Foster, E 2017, ‘Campaign and Battle Narratives in Thucydides’, in RK Balot, S Forsdyke & E Foster (eds.) *The Oxford Handbook of Thucydides*, Oxford University Press, Oxford, pp. 301–315.
25. Gabriel, RA 2010, *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*, Potomac Books, Washington.
26. Geyer, F 1930, *Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II*, R. Oldenbourg, München–Berlin. (in German)
27. Greenwalt, WS 2017, ‘Alexander II of Macedon’, in T Howe, S Müller & R. Stoneman (eds.) *Ancient Historiography on War and Empire*, Oxbow Books, Oxford–Philadelphia, pp. 80–91.
28. Greenwalt, WS 2014, ‘Infantry and the Evolution of Argead Macedonia’, in T Howe, EE Garvin & G Wrightson (eds.) *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*, Oxbow Books, Oxford–Philadelphia, pp 41–46.
29. Greenwalt, WS 2007, ‘The Development of a Middle Class in Macedonia’, in *Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium*, 2002, Thessaloniki, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, pp. 87–96.
30. Griffith, GT 1935, *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge University Press, Cambridge.
31. Griffith, GT 1979, ‘The Reign of Philip the Second’, in NGL Hammond, GT & Griffith *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*, Clarendon Press, Oxford, pp. 201–646.
32. Hammond, NGL 1980, *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*, Noyes Press, Park Ridge.
33. Hammond, NGL 1979, ‘The Development of the Macedonia State’ in NGL Hammond, GT & Griffith *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*, Clarendon Press, Oxford, pp. 1–200.
34. Hammond, NGL 1991, ‘The Various Guards of Philip II and Alexander III’, *Historia*, vol. 40, no. 4, pp. 396–418.
35. Hammond, NGL 1980, ‘Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 – 333 B. C.’, *Antichthon*, vol. 14, pp. 53–63.
36. Hammond, NGL 1997, ‘What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes?’, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 48, no. 4, pp. 355–372.
37. Hansen, MH 1993, ‘The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction?’, *Historia*, vol. 42, no. 1, pp. 161–180.
38. Keaney, JJ (ed.) 1991, *Harpocratio Lexeis of the ten orators*, Hakkert, Amsterdam. (in Ancient Greek)
39. Hatzopoulos, MB 2001, *L’organisation de l’armée macédonienne sous les Antigonides*. De Boccard, Athènes. (in French)
40. Hatzopoulos, MB 1996, *Macedonian Institutions under the Kings*, vol. 2, De Boccard, Athens.
41. Hatzopoulos, MB 2011, ‘Macedonians and Other Greeks’, in RJ Lane Fox (ed.) *Brill’s Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*, Brill, Leiden–Boston, pp. 51–78.
42. Head, D 1982, *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*, Wargames Research Group, Goring-by-Sea.
43. Heckel, W 2013, ‘The Three Thousand: Alexander’s Infantry Guard’, in B Campbell & LA Tritle (eds.) *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*, Oxford University Press, Oxford, pp. 162–178.

44. Grenfell, B & Hunt, A (eds.) 1909, *Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis*, Clarendon, Oxford. (in English and Ancient Greek)
45. Hornblower, S 1991, *A Commentary on Thucydides*, vol. 2. Oxford University Press, Oxford.
46. Hornblower, S 2011, *The Greek world, 479–323 BC*, Routledge, London–New York.
47. Gundermann, G (ed.) 1888, *Iuli Frontini strategematon libri quattuor*, Teubner, Leipzig. (in Latin)
48. Kagan, D & Viggiano, GF 2013, ‘The Hoplite Debate’, in D Kagan & GF Viggiano (eds.) *Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece*, Princeton University Press, Princeton–Oxford, pp. 1–56.
49. Karunanithy, D 2013, *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*, Pen & Sword, Barnsley.
50. King, CJ 2017, *Ancient Macedonia*, Routledge, London–New York.
51. Lendon, JE, 2005, *Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity*, Yale University Press, New Haven–London.
52. Lock, R 1974, *The Army of Alexander the Great*, PhD thesis, University of Leeds, Leeds.
53. Rühl, F & Seel, O (eds). 1935 *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum*, Teubner, Leipzig. (in Latin)
54. Markle, MM 1978, ‘Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander’, *American Journal of Archaeology*, vol. 82, no. 4, pp. 483–497.
55. Matthew, CA 2015, *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War*, Pen and Sword, Barnsley.
56. Milns, RD 1976, ‘The Army of Alexander the Great’, in E Badian (ed.) *Alexandre le Grand. Image et réalité*, Fondation Hardt, Geneva, pp. 87–129.
57. Momigliano, A 1934, *Filippo il Macedone*, F. Le Monnier, Firenze. (in Italian)
58. Nawotka, K 2010, *Alexander the Great*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge.
59. Noguera Borel, A 2007, ‘L’armée macédonienne avant Philippe’, in *Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium*, 2002, Thessaloniki, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, pp. 97–111. (in Spain)
60. Noguera Borel, A 1996, ‘L’évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse’, in *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium*, 1996, vol. 2, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, pp. 839–850. (in Spain)
61. Noguera Borel, A 2006, ‘Le recrutement de l’armée macédonienne sous la royauté’, in AM Guimier-Sorbets, MB Hatzopoulos & Y Morizot (eds.) *Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine*, De Boccard, Athens, pp. 227–236. (in Spain)
62. Perrin, B (ed) 1918, *Plutarch’s Lives*. vol. 6, Cambridge, Harvard University Press; William Heinemann Ltd, London. (in English and Ancient Greek)
63. Woelfflin, E & Melber, J (eds.) 1887, *Polyaeni Strategematon libri VIII*, Teubner, Leipzig. (in Ancient Greek)
64. Vogel, Th (ed.) 1889, *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt*, Teubner, Leipzig. (in Latin)
65. Roisman J 2010, ‘Classical Macedonia to Perdicas III’, in J Roisman & I Worthington (eds.) *A Companion to Ancient Macedonia*, Blackwell, Oxford, pp. 145–165.
66. Romm, J 2010, ‘Alexander’s Army and Military Leadership’, in J. Romm (ed.) *The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation*, Pantheon Books, New York, pp. 343–351.
67. Sekunda, N 2010, ‘The Macedonian Army’, in J Roisman & I Worthington (eds.) *A Companion to Ancient Macedonia*, Blackwell, Oxford, pp. 446–471.
68. Spindel, AL 1915, *Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen*, doctoral thesis, Schlesischen Friedrich-Wilhelms-Universität, Breslau. (in German)
69. Tarn, WW 1948, *Alexander the Great*, vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge.
70. Taylor, R 2021, *The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World*, Pen & Sword, Barnsley.
71. Hude, C (ed.) 1901, *Thucydidis Historiae*. vol. 1. Teubner, Leipzig. (in Ancient Greek)
72. Hude, C (ed.) 1903, *Thucydidis Historiae*. vol. 2, Teubner, Leipzig. (in Ancient Greek)
73. Weissenborn, W (ed.) 1864, *Titi Livi ab urbe condita libri: Buch 39-42*, Weidmannsche Buchhandlung, Berlin. (in Latin)

74. Ueda-Sarson, L. 2002, 'The Evolution of Hellenistic Infantry Part 1: The Reforms of Iphicrates', *Slingshot*, vol. 222, pp. 30–36.
75. Wallace, J 1998, 'A (Hi)Story of Illyria', *Greece and Rome*, vol. 45, no. 2, pp. 213–225.
76. Wheeler, EL 2007, 'Archaic and Classical Greece: Land battle', in P Sabin, H Van Wees & M Whitby (eds.) *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*, vol. 1, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 186–223.
77. Willekes, C 2017, *Greek Warriors: Hoplites and Heroes*, Casemate, Oxford–Philadelphia.
78. Zahrnt, M 2006, 'Macedonia and Thrace in Thucydides', in A Rengakos & A Tsakmakis (eds.) *Brill's Companion to Thucydides*, Brill, Leiden–Boston, pp. 589–614.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2022
Одобрена после рецензирования: 01.10.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 25.09.2022
Approved after reviewing: 01.10.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 20–30.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 2 (10). P. 20–30.

Научная статья
УДК 94(398.9)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-20-30>

ДИПЛОМАТИЯ ОДРИСОВ: МЕЖДУ СКИФАМИ И ПЕРСАМИ

**Константин Александрович
Анисимов**

МБОУ «Центр образования №27»,
Тула, Россия, anisimov.cos@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются примеры дипломатической практики Одрисского царства в период 513–424 гг. до н.э. Ключевыми направлениями внешней политики одрисов на раннем этапе истории их державы были отношения со скифами в Северном Причерноморье и персидскими Ахеменидами. Несмотря на то, что источники часто подчеркивают дикость и варварство фракийцев, их знати и отдельных царей, внимательный анализ показывает, что цари одрисов предпочитали военным методам дипломатические. Дипломатическая практика одрисов в отношении этих политических партнеров была достаточно гибкой, меняясь в зависимости от ситуации. Описание первых контактов с Ахеменидами указывают на сдержанную, но враждебную позицию одрисов. Тем не менее, одрисы избежали прямого военного столкновения. Впоследствии, как свидетельствуют многие косвенные данные, это привело к тому, что между персами и одрисами сложились тесные союзнические отношения, продолжавшиеся на протяжении долгого времени. Благодаря этому союзу, по мере ухода персов из Фракии, их территории переходили под контроль одрисов. Более динамично развивались скифо-одрисские отношения. Можно предполагать военное столкновение со скифами в годы Ионийского восстания, завершившееся брачным союзом между царем скифов Ариапифом и дочерью одрисского царя Тереса. Брачный союз закреплял соглашение о границе по реке Дунай. При царе Ситалке новое обострение, связанное с внутренней борьбой в двух царствах, едва не привело к войне, но ее удалось избежать с помощью дипломатических решений. Арсенал дипломатических средств включал в себя использование политических браков, использование политических перебежчиков, военные демонстрации, обмен дарами.

Ключевые слова: одрисы, Фракия, дипломатия, Ахемениды, скифы.

Для цитирования: Анисимов К. А. Дипломатия одрисов: между скифами и персами // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 20–30. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-20-30>.

Сведения об авторе: К. А. Анисимов – учитель истории, МБОУ «Центр образования №27», 300041, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Ленина, 21.

© Анисимов К. А., 2022

Scientific Article
UDC 94(398.9)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-20-30>

DIPLOMACY OF THE ODRYSIANS: BETWEEN THE SCYTHIANS AND THE PERSIANS

Konstantin A. Anisimov

Center of education No 23,
Tula, Russia, anisimov.cos@yandex.ru

Abstract. The article examines examples of diplomatic practices of the Odrysian kingdom in the period of 513–424 BC. The key directions of the foreign policy of the Odrysians at the early stage of the history of their power were relations with the Scythians in the Northern Black Sea area and the Persian Achaemenids. Despite the fact that sources often emphasize the savagery and barbarity of the Thracians, their nobles and individual kings, a careful analysis shows that the kings of the Odrysians preferred military methods to diplomatic ones. The diplomatic practices of the Odrysians towards these political partners were quite flexible, varying according to the situation. Descriptions of the first contacts with the Achaemenids indicate a restrained but hostile stance of the Odrysians. Nevertheless, the Odrysians avoided a direct military confrontation. In the aftermath, as many circumstantial accounts indicate, this led to a close alliance between the Persians and the Odrysians that lasted for a long time. Thanks to this alliance, as the Persians withdrew from Thrace, their territories came under the control of the Odrysians. The Scytho-Odrysian relations developed more dynamically. A military clash with the Scythians during the Ionian revolt, culminating in a marriage alliance between the Scythian king Ariapeithes and the daughter of the Odrysian king Teresa, may be assumed. The marriage alliance secured an agreement on the border along the Danube River. Under King Sitalces a new aggravation, connected with the internal struggle in the two kingdoms, almost led to war, but it was avoided by means of diplomatic solutions. The arsenal of diplomatic means included the use of political marriages, the use of political defectors, military demonstrations, and the exchange of gifts.

Keywords: Odrysian kingdom, Thrace, diplomacy, Achaemenids, Scythians.

For citation: Anisimov, KA 2022, 'Diplomacy of the Odrysians: Between the Scythians and the Persians', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 20–30, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-20-30> (in Russ.)

Information about the Author: *Konstantin A. Anisimov* – History teacher, Center of education No 23, 21 Lenina Street, Tula, 300041, Russia.

В трудах античных авторов фракийцы неизменно выступают в образе воинственных варваров, знаменитых своими воинскими талантами и неудержимой храбростью. Война является их образом жизни (7. V, 6). В греческих мифах с Фракией тесно связан Арес, бог бессмысленной и варварской войны, «войны ради войны». «Фракийский» Арес противопоставлялся Афине, богине войны справедливой и разумной, «войны по-гречески». В мифах Фракией, как правило, правят потомки Ареса, свирепые цари-полубоги (Диомед, Терей), он выступает прародителем некоторых фракийских племен. Неизбежно это откладывало отпечаток на восприятие фракийцев в глазах эллинов, а позднее римлян. Особенно ярко эта мифологическая вуаль проявляется в «Истории» Фукидида (27. II, 29, 3), которому пришлось объяснять своим читателям, что основатель Одрисского царства во Фракии Терес и мифологический злодей фракиец Терей – разные лица.

На фоне таких представлений кажется удивительным, что реальные цари одрисов, как можно судить по тем сведениям, что сохранили для нас нарративные и эпиграфические источники, предпочитали действовать дипломатическими методами и рассматривали войну лишь как последнее средство. Даже свирепый Терес, который говорил, что если он не воюет, то ему кажется, что он мало отличается от своих конюхов (18. Мор. III. 13), не исключение. На заре Одрисского царства перед молодым фракийским государством стояли два главных вопроса – персидский и скифский. Эти вопросы были очень тесно взаимосвязаны. Поэтому, представляется оправданным выделить их в отдельное исследование, оставив в стороне другие примеры дипломатических контактов одрисских царей.

Уже первое упоминание одрисов в письменных источниках связано с персидско-скифским конфликтом 512 г. до н.э. (7. IV. 92): царь Дарий, проходя с войском по землям одрисов, приказал своим воинам насыпать кучи камней, чтобы продемонстрировать численность армии. В связи с этим походом упоминаются «фракийцы Салмидесса», скирмиады и нипсеи, добровольно признавшие власть царя царей, геты, оказавшие героическое сопротивление, но, в конце концов, склонившиеся перед мощью Дария, а также одрисы. Из сообщения «Отца Истории» не ясно, каковы были взаимоотношения одрисов с персами, однако весьма показательным, что в числе подчинившихся персам племен их не называют.

У Геродота мы не находим упоминаний о дипломатической подготовке похода Дария, но, как отметила М. Тачева, в пользу того, что такая подготовка имела место, свидетельствует участие в экспедиции независимых в то время тиранов Византия и Херсонеса [23, с. 14]. Наиболее вероятным объяснением странной акции на границе одрисских земель, как представляется, будет следующее: царю царей было известно о силе и возможностях одрисов¹. Дарий не планировал ввязываться с ними в войну, накануне столкновения со скифами. Кучи камней на одрисских рубежах явно имели целью устрашение [3, с. 105]. Следовательно, Дарию не удалось договориться с одрисами, иначе акция устрашения не имеет смысла. Одрисы воздержались от прямой конфронтации, в отличие от гетов. Мудрость и осторожность одрисских вождей позволила сохранить им свои военные ресурсы. В последствии, это стало важным фактором возвышения одрисов в V в. до н.э. [9, с. 96].

О том, как в дальнейшем развивались персидско-одрисские отношения мы можем судить лишь по косвенным данным. Главным итогом скифской кампании Дария стало покорение ряда фракийских территорий, судя по всему, ограничившихся прибрежной полосой вдоль Эгейского, Мраморного и Черного морей, которые, судя по всему, вошли в сатрапию Скудра². Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники свидетельствуют в пользу того, что одрисы и подвластные им земли не входили в состав сатрапии Скудры, тем не менее, персидские владения окружали раннее Одрисское царство с юга и востока, отрезая его от моря. В этих условиях одрисы не

могли не поддерживать какие-то дипломатические отношения с Ахеменидами.

Отсутствие сведений о конфликтах между двумя державами указывает на то, что отношения эти были мирными. Отсутствие одрисов в списках фракийских подданных Ахеменидов, выставлявших войско во время походов Дария на скифов и Ксеркса на Элладу, позволяет сделать вывод, что они не подчинялись персидским сатрапам в период Греко-персидских войн [4, с. 98–99]. В тоже время, именно к одрисам переходит контроль над черноморским побережьем, ранее признававшим власть Ахеменидов (сравните: 7. IV, 93 и 27. II, 96). Наиболее подходящим временем, когда персы могли потерять эти территории, является Ионийское восстание 499–493 гг. до н.э. [4]. После умиротворения полисов Геллеспонта и Ионии персы начинают восстанавливать свою власть на южном побережье Фракии. О подобных попытках в северном направлении ничего не известно. Между тем, в годы Ионийского восстания отсюда исходила прямая угроза персидским владениям в лице скифов (7. VI, 40). Представляется вероятным, что одрисы распространили свою власть на западнопонтское побережье, получив формальные права на него от персов, которые утратили фактический контроль над гетами и другими приморскими племенами. Каким образом последним удалось реализовать это право, наши источники умалчивают [3, с. 107].

Можно предположить, что отношения одрисов с персами строились по той же схеме, что и отношения персов с македонянами [3, с. 107–108]. Македония сохраняла в составе державы Ахеменидов значительную долю автономии. При Дарии были оформлены какие-то союзнические отношения македонян с Ахеменидами, скрепленные браком дочери царя Аминты со знатным персом Бубаром, возглавлявшим персидское посольство в Македонию (7. VIII, 136). Позднее царь Александр I получил от персидского царя Ксеркса разрешение на подчинение всех фракийских земель до реки Стримон (28. VII, 4, 1). Наиболее вероятно, что мандат на завоевание соседних фракийских областей Александр получил от Ксеркса после того, как власть персов в этом регионе была фактически ликвидирована, поскольку во время вторжения Ксеркса в Элладу и после его отступления захваченные македонянами земли были еще независимыми от македонского царя. При отступлении персидского войска македоняне, в отличие от тех же фракийцев, сохранили свою лояльность Ахеменидам (7. VIII, 126; IX, 89). Это могло стать причиной того, что Великий царь предпочел иметь дело на этом участке своих потерянных владений с одним лояльным властителем.

Двумя десятилетиями ранее аналогичная ситуация сложилась на восточном побережье Фракии. После того, как персидская власть над западнопонтским побережьем пала, одрисы могли воспользоваться положением союзников Ахеменидов, как и цари Македонии, для укрепления своей власти над племенами внутренних областей Фракии (24, с. 365 сл.). Ахемениды могли санкционировать или признать уже осуществившегося подчинения племен, еще недавно покоренных персами на востоке Фракии. Подобное соглашение могло быть скреплено брачным союзом. В нашем распоряжении нет прямых указаний на династический союз между одрисами и персами, однако косвенные доводы в пользу этого есть [3, с. 108]. Предполагать нечто подобное можно, исходя из самой дипломатической практики того времени и конкретных примеров из истории Македонии и одрисов (7. IV, 80; 7. V, 21; 27. II, 101, 5), однако эти примеры указывают, что скорее одрисы бы выдали свою царевну за персидского аристократа. Впрочем, исключать того, что одной из жен одрисского царя могла стать знатная персиянка, также нельзя. Учитывая долголетие первого известного одрисского царя Тереса (16. Масгоб. 10), скорее всего он уже находился у власти уже в 513 г. до н.э., соответственно, именно он должен был налаживать отношения с Ахеменидами. След гипотетического брачного союза с представительницей персидской аристократии видят в одной из гробниц близ погребального комплекса у с. Дуванлий, где

были обнаружены изящные персидские сосуды и бижутерия из драгоценных металлов. В другом погребении, близ с. Даскал Атанасовского района Старозагорской области, были обнаружены два золотых фиала персидского происхождения, датируемые серединой VI в. до н.э. [23; 25]. С персидским (шире – иранским) влиянием некоторые исследователи связывают появление целого ряда т.н. «царских имен»: «Спарадок», «Спарток», «Медок», «Амадок», «Садок», «Берисад» («Перисад»), «Садал», «Сараток». Впрочем, не все согласны с таким толкованием, например, «Берисад/Перисад» рядом исследователей считается фракийским именем. А главное, фракийские «царские имена» не встречаются в таком же виде у персов [8, с. 62–63; 14, с. 78–79].

Когда-то, доказывая сатрапия Скудра включала в свои границы внутренние районы Фракии, Н. Хаммонд выдвинул тезис, что в пользу этого говорит отсутствие постоянных крупных военно-морских сил в регионе: без флота контролировать приморские территории можно только при условии того, что внутренние территории также контролировались персидской администрацией [13, с. 299–301]³. Заключение союза с одрисами решало проблему безопасности персидских опорных баз во Фракии [3, с. 108].

Все указывает на то, что распространение власти одрисов на Черноморском побережье Фракии было тесно связано с вторжением скифов. Если следовать изложению Геродота, вторжение персов в Скифию закончилось для Дария катастрофой: скифы по пятам отступающего царя персов вторглись во Фракию, дойдя до Херсонеса Фракийского. Однако, если приглядеться, то реальность выглядит несколько иначе. Персы сохранили все свои приобретения на Балканах (альтернативное мнение: [20, с. 177]) и расширили их, подчинив побережье Пропонтиды и Эгейского моря, разгромив пеонов и распространив власть на Македонию (7. V, 1–21). Скифы при этом не упоминаются. Это заставляет согласиться с точкой зрения, что скифское вторжение во Фракию произошло значительно позже. Сам же Геродот связывает появление скифов на Фракийском Херсонесе с событиями Ионийского восстания 499–493 гг. до н.э.: тиран Херсонеса Мильтиад Младший бежал при их приближении в 496 г. до н.э., за три года до возвращения персов и вели переговоры со спартанским царем Клеоменом (7. VI, 83–84) [1, с. 170; 4, с. 99].

В рассказе о скифском царе Скиле Геродот сообщает, что Истр (Дунай) служил границей между скифами и одрисами, а дочь одрисского царя Тереса стала женой Ариапифа, царя скифов (7. IV, 80). Скил был современником царя Ситалка, его заключения можно приблизительно датировать около 450–430 гг. до н.э. [2, с. 222]. Позднее Фукидид (27. II, 96–97) также отмечает, что по Истру проходила северная граница Одрисского царства, а геты и другие племена между Дунаем и Гемом (горы Стара Планина) подчинялись одрисам, описывая его границы в период расцвета фракийского государства в 431–424 гг. до н.э. Признание реки границей двух царств – Скифского и Одрисского уместнее всего связывать с женитьбой Ариапифа на одрисской царевне. Этот брак должен был стать гарантом мира между скифами и одрисами. Можно предполагать, что браку предшествовал конфликт (возможно, война), который логичнее всего связать именно с вторжением 499–494 гг. до н.э.⁴ (7. IV, 80). С этими же событиями уместнее всего связывать переход под контроль одрисов бывших владений персов на западнопонтийском побережье и признание гетами власти одрисского царя. Эти события можно приблизительно датировать около 493 г. до н.э. [4, с. 99].

Наши выводы подкрепляются наблюдением А. Фола и Н. Хаммонда, которые отметили, что «сака парадрайя», в которых вероятнее всего видеть гетов, перестают называться в числе подданных Ахеменидов после 492 г. до н.э. [13, с. 302]. Нельзя исключать, что Терес или кто-то из его окружения в свою очередь взял в жены скифскую царевну. Роль скифских родственных связей ярко демонстрирует имя «Скифодок» на

кольце одрисского аристократа, захороненного в кургане Голямата могила у с. Дуванлий⁵. Другим примером служит одно из самых популярных одрисских «царских имен» – «Амадок». Гелланик, современник «Отца истории», называет амадоками одно из скифских племен (Hellan. Fr. 170). Иранское происхождение одрисских «царских имен» можно объяснить не только гипотетическим персидским влиянием. Скифские их корни представляются более надежными, а родственные связи между одрисской и скифской знатью подтверждаются прямым указанием источников (7. IV, 80). С уходом персов из Фракии, именно одрисы возглавили сопротивление скифским набегам на балканском направлении. На сколько мы можем судить, умелая политика Тереса обеспечила стабильность на дунайской границе минимум в течение ста лет [4, с. 99–100].

Среди территорий, утраченных Ахеменидами во время Ионийского восстания, были, судя по имеющимся данным, также земли Юго-Восточной Фракии, между устьем реки Гебр и Аполлонией. Этот обширный край в письменных источниках часто именуется Приморской областью (15. Anab. VII, III, 16; 15. Hell. IV, 8, 27). Населявшие ее воинственные племена не упоминаются среди подвластных Ксерксу фракийцев (7. VII, 110), а позднее одно из них – апсинтии – выступало как откровенно враждебная персам сила (7. IX, 119). Восточнее апсинтиев проживали фины, занимавшие треугольник между городами Перинф – Византий – Аполлония Понтийская [26, с. 85, 105; 31, с. 251, карта 17]. Ксенофонт приводит фракийское предание о том, что знаменитый царь одрисов понес большие потери и потерял обоз в борьбе с этим племенем, которое славилось умением совершать ночные атаки (15. Anab. VII, 2, 22). Из сообщения вовсе не следует, что финам удалось сохранить свою независимость, как иногда предполагалось в литературе [17, с. 29]. Несмотря на отчаянное сопротивление, они все же были вынуждены подчиниться одрисам, Тересу или его ближайшему преемнику [4, с. 100].

Тогда же одрисы закрепились в окрестностях Византия (15. Anab. VII. V, 1). С этим полисом связано предание, которое сохранил позднеантичный автор Гезихий, в котором говорится о войне, которую византийцы вели с «царем скифов» Одрисом. Очевидно, нападение Одриса, которое переносится в легендарные времена аргонавтов, в искаженном виде отражает события V в. до н.э. – нападения скифов и царя Тереса. Многие исследователи высказывали гипотезу, что одрисы и скифы после заключения мира действовали совместно [25, с. 119; 23, с. 27–28; 19, с. 151]. Нам представляется более вероятным, что у Гезихия смешались два последовательных натиска на Византий [4, с. 100].

Молчание Геродота и других авторов о проникновении одрисов в приморскую зону в годы борьбы эллинов с Дарием и Ксерксом заставляет предполагать, что одрисская экспансия на побережье Мраморного и Эгейского морей имела место в более позднее время, после утраты Ахеменидами контроля над приморскими фракийскими племенами. Данные нумизматики и молчание греческих источников позволило нам сделать вывод о том, что продвижение одрисов в страну финов и к Византию было последним предприятием Тереса и должно датироваться около 477–471 г. до н.э. [4, с. 100]. В эти годы афиняне были заняты утверждением контроля над союзниками и успешными действиями против персов далеко от Юго-Восточной Фракии, вследствие чего в источниках не получило отражения расширения одрисского господства вплоть до Византия, Перинфа, Эноса и Херсонеса Фракийского (7. VII, 107; 27. I, 98; I, 100, 1; 18. Sim. 7-8.2; обзор событий: 21, с. 136–143; 22, с. 220 след.). Закрепление здесь и дальнейшее продвижение одрисов вдоль побережья Эгейского моря было связано, судя по данным нумизматики, уже с преемником Тереса, царем Спарадокком [4, с. 100–101].

Деятельность этого правителя, единственным источником о правлении которого служат его монеты, была связана в первую очередь с рассматриваемым регионом [5; 19, с. 161; 24, с. 378–379; 30]. С покорением Приморской области одрисы вошли в непосредственный контакт с афинянами. При этом возникает вопрос об их позиции в Греко-персидских войнах. Плутарх сообщает, что афинский стратег Кимон, сын Мильтиада Младшего, освободил Херсонес Фракийский от персов и их союзников – «фракийцев из внутренних областей» (18. *Сим*, 14). Древний биограф поместил экспедицию Кимона на Херсонес между его победой при Эвримедонте и войной с Фасосом. Списки погибших граждан, составлявшиеся в Афинах, также учитывают потери в Херсонесской и Фасосской экспедициях вместе (*Агора*. XVII: № 142^a). Это позволяет поместить интересующее нас событие непосредственно перед походом на Фасос в 465/464 г. до н.э. (27. I, 100; см. 21, с. 141) и датировать около 466–465 гг. до н.э. На наш взгляд, в это время «фракийцами из внутренних областей» могли быть только одрисы, у которых с персами, насколько можно судить, существовали определенные дружественные отношения [4, с. 102]. Предположение, что «фракийцами из внутренних областей» были ближайшие к полуострову фракийские племена во главе с апсинтиями, маловероятно, так как апсинтии проводили последовательную антиперсидскую политику в предшествующий период: они и их восточные соседи не принимали участия в походе Ксеркса на Элладу, одним из итогов которого стало повсеместное возмущение приморских фракийских племен (7. VIII, 115–116; IX, 89), апсинтии при этом даже принесли в жертву богам персидского наместника в соседней с ними Кардии – Эобаза (7. IX, 119)⁶. Появление одрисов на Херсонесе Фракийском свидетельствует о том, что они подчинили враждебные персам племена.

Монеты Спарадока указывают на его тесные связи с Эносом, крупным полисом в устье Гебра [30]. Распространение этих монет [24, с. 378–379] маркирует завоевания Спарадока в Юго-Восточной Фракии. Гебр отделял покоренных апсинтиев от земли киконов, бистонов и других племен северного побережья Эгейского моря (7. VII, 59; VII, 108; VII, 110). Античная традиция практически ничего не сообщает нам об исторических судьбах этого обширного региона в междуречье Гебра и Неста в период после 478 г. до н.э. Здесь, на обширной равнине у устья Гебра, принадлежащей племени киконов, находилась персидская крепость Дориск, основанная на Дарием еще во время похода на скифов (7. VII, 59). На протяжении всего периода Греко-персидских войн Дориск, расположенный в землях племени киконов, оставался одной из основных военных баз персов во Фракии. Персы сохраняли контроль над ней как минимум до 444 г. до н.э.⁷ Сатрап Дориска Маскам мог продержаться так долго в своей крепости только при поддержке одрисов, так как местные племена фракийцев не обладали достаточной силой, чтобы защитить тыл персов от атак афинян (сравните с судьбой, постигшей коллегу Маскама из крепости Эйон на Стримоне Бога (7. VII, 107; 18. *Сим*. 7-8.2)). Киконы, таким образом, должны были признать власть одрисов уже в 460-е гг. до н.э., но важнее, что при Спарадоке сохранялся союз одрисов с персами, который проявился при набеge «фракийцев из внутренних областей» на Херсонес Фракийский [4, с. 102; 5, с. 189–190].

Третьим царем одрисов стал второй сын Тереса Ситалк. Он заработал у древних авторов репутацию выдающегося правителя и талантливой полководца (10. XII. 50). Наиболее вероятной датой его воцарения, на наш взгляд, является 447–445 гг. до н.э., поэтому связывать передачу одрисам персидской крепости Дориск следует именно с Ситалком [19, с. 94–97]. Учитывая данные Фукидида, который не упоминает о персидском гарнизоне в Дориске, но отмечает, что одрисам принадлежало все побережье Фракии от города Абдеры до устья Дуная (27. II, 97, 1), можно довольно уверенно датировать уход персидского гарнизона из этой крепости около 444–440 гг. до н.э. Таким образом, союз одрисов с персами сохранялся и при преемнике Спарадока [4, с. 106–

107].

При Ситалке, как мы видели, вновь обострился скифский вопрос. Причиной стала внутренняя борьба среди одрисских и скифских династов. Во Фракии победу одержал Ситалк, а его неизвестный по имени брат нашел убежище у своей сестры в Скифии. Это позволяет предположить, что рассматриваемые события происходили в самом начале правления Ситалка. Вскоре уже скифский царь Скил был изгнан своим братом Октомасадом, племянником одрисского царя и его безымянного брата. Скил в свою очередь бежал к одрисам. Преследуя бывшего царя, скифское войско подошло к берегам Дуная, где встретилось с фракийским войском. Царь одрисов предложил племяннику решить дело миром: он передавал Октомасаду Скила, а взамен ему отдавали беглого брата⁸. Восстановление дружеских отношений одрисов и скифов нашло отражение также в археологии. Во второй половине V в. до н.э. увеличивается количество материальных свидетельств контактов между Фракией и Скифией [2, с. 223]. Молчание о скифских вторжениях на Балканы вплоть до второй половины IV в. до н.э. красноречиво свидетельствует об успехе дипломатии Ситалка, умело использовавшего противоречия в скифском царском роде для достижения своих целей⁹ (о Ситалке, как полководце, правителе и дипломате: 4, с. 105 след.).

Подводя итоги, можно отметить, что первые цари одрисов умело играли на противоречиях между Ахеменидами и скифами на рубеже VI–V вв. до н.э. Выступив против скифов в условиях временного падения персидской власти во Фракии во время Ионийского восстания, одрисы распространили свою власть на западнопонтийское побережье, закрепив свои права на приобретение брачными союзами со скифским царем и, вероятно, с представителями персидской аристократии. Как мы видим, отношения с персами претерпели определенную эволюцию: от сдержанного враждебного в 513 г. до н.э. до плодотворного сотрудничества на протяжении всего V в. до н.э. Реконструируемые партнерские отношения царей одрисов и Ахеменидов позволили одрисам укрепиться в окрестностях Проливов и получить контроль над междуречьем Неста и Гебра, перехватив инициативу у афинян. Скифское направление политики Тересидов носило иной характер. Одрисские монархи не имели здесь территориальных претензий. Задачей на данном направлении было обеспечить безопасность границ фракийского государства и обеспечить невмешательство соседей в их сферу влияния. Здесь, как мы имели возможность увидеть, также использовались брачные союзы с одной стороны (брак скифского царя Ариапифа с дочерью Тереса; имена Скифодока и Амадока также указывают на родственные отношения знати двух народов) и военные демонстрации с другой (встреча фракийского и скифского войска на Дунае за несколько лет до этого), использовались также неурядицы в правящей семье скифов (Ситалк дал пристанище свергнутому скифами царя Скилла, которого предпочел обменять на собственного брата, бежавшего к скифам).

Таким образом, мы видим, что уже первые одрисские династы были мудрыми и дальновидными политиками и гибкими дипломатами, вопреки репутации воинственных варваров, предпочитающими решать противоречия без применения силы, умело использующими для достижения своих целей весь имеющийся в их распоряжении арсенал разнообразных дипломатических средств. При этом они успешно взаимодействовали как с могущественной восточной монархией, так и с племенным союзом кочевых племен.

Примечания

1. О том, что одрисы представляли собой к 513 г. до н.э. значительное военно-политическое образование [3].

2. Форма господства Ахеменидов во Фракии и его границы остаются вопросом дискуссионным. Мнения по этому поводу см.: [6, с. 375–376; 11; 13, с. 299–303; 20, с. 177; 29, р. 11–26; 32, р. 120–121, 369].
3. При этом, Н. Хаммонд упускает из виду прямое указание Геродота, что персам были неподконтрольны внутренние горные районы страны, даже непосредственно примыкавшие к побережью (7. V, 16; VII, 111).
4. Потенциальная угроза со стороны скифов, возможно, также объясняет причину того, что одрисы не принимали участия в Греко-персидских войнах даже в качестве союзников Ксеркса. Конфликт со скифами закончился, судя по тому, что скифы к югу от Дуная не закрепились, победой фракийцев.
5. Тут и основа «скиф», и характерный для одрисских царских имен элемент «-докос/-токос» [23, с. 26].
6. К. Порожанов отождествляет фракийских противников Кимона с финами, подвластными одрисам [19, с. 153], но он ошибочно, как нам представляется, помещает их вблизи Херсонеса Фракийского, тогда как мы видели, что имеющиеся данные помещают финов к востоку от Перинфа.
7. По словам Геродота, это была единственная крепость, откуда грекам персидский гарнизон «не удалось изгнать и поныне, несмотря на неоднократные попытки» (7. VII, 107). Таким образом, персы сохраняли контроль над этой крепостью, еще когда «Отец истории» работал над своей VII книгой. Опираясь на хронологические маркеры, которые в других случаях приводит Геродот, можно сделать вывод, что с одной стороны, он не знал о важных событиях в Греции между 444–430 гг. до н.э. (7. VI, 98; VII, 137; 233; IX, 73; 12, с. 44).
8. Характерно, что скифский царь сразу же казнил Сила, тогда как Ситалк оставил брата в живых и увел его с собой (7. IV, 80).
9. Ситалк также использовал конфликт в македонском царском доме для решения своих задач, приютив бежавшего из Македонии царевича Аминту (27. II, 95, 3).

Список источников и литературы

1. *Азбунов М. В.* Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989. 191 с.
2. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб, 2003. 417 с.
3. *Анисимов К. А.* Внутренние и внешние аспекты образования Одрисского царства // Исторический Формат. №4. 2020. С. 98–114.
4. *Анисимов К. А.* Установление одрисской гегемонии на севере Балканского полуострова в V веке до н.э. // Исторический Формат. №2. 2021. С. 97–112.
5. *Анисимов К. А.* Забытый фракийский царь Спарадок // *Thracia Balcanica*. № 1. 2022. С. 183–198.
6. *Борза Ю. Н.* История Античной Македонии (до Александра Великого). СПб., 2013. 592 с.
7. *Геродот.* История / Пер. Г.А. Стратановского. - М.: Ладомир, 2005. 700 с.
8. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981. 240 с.
9. *Данов Хр.* Траки. София, 1982. 184 с.
10. *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека / Пер. В. В. Латышев; М. Е. Сергенко; В. М. Строгоцкий; О. П. Цыбенко; А. Г. Алексанян; О. А. Васильева, Д. В. Мещанский и другие. М.: Самиздат, 2012. 750 с.
11. *Издмирски М.* Персийската администрация в древна Тракия // *Анали*. 2008. № 2-4. С. 129–136.
12. *История греческой литературы.* В 3-х томах. Том II: история, философия, ораторское искусство классического периода / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1955. 310 с.
13. *Кембриджская история Древнего мира.* Т. IV. Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, Д.- М. Льюиса, М. Оствальда. Пер. с англ. А. В. Зайкова. М., 2017. 1112 с.
14. *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. 330 с.
15. *Ксенофонт.* Анабасис. Греческая история / Перевод с древнегреческого С. Я. Лурье, М. И. Максимовской, С. И. Соболевского. М.: Ладомир, 2011. 641 с.
16. *Лукиан Самосатский.* Сочинения. В 2-х томах. Том II / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб, 2001. 538 с.
17. *Невская В. П.* Византизм в классическую и эллинистические эпохи. М., 1953. 156 с.
18. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Отв. ред. С. С. Аверинцев. М.: Наука, 1994. 674 с.

19. Порожанов К. Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г.пр.хр. Благоевград, 2011. 292 с.
20. Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. М.-СПб: Изд-во РХГА, 2018. 743 с.
21. Строецкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.). СПб, 2008. 291 с.
22. Суриков И. Е. Политики в контексте эпохи: Время расцвета демократии. М., 2008. 383 с.
23. Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София, 2006. 245 с.
24. Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София, 2014. 687 с.
25. Фол А. Политическа история на траките. София, 1972. 216 с.
26. Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н.е. София, 1983. 188 с.
27. Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1999. 736 с.
28. Юстин М. Ю. Эпитома сочинения Помпея Трога «HISTORIAE PHILIPPICAE» / Пер. А. А. Деконского. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. 490 с.
29. Vacheva G. D. Detecting a satrapy: The Skudra case // Thracia. Volume XX. София, 2012. P. 11–26.
30. Psoma S. Le monnayage de Sparadokos des Odryses. Unetat de la question // Thrace and the Aegean. Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology, Sofia-Yambol, 25-29 September 2000, Volume II. Sofia, 2002. P. 513–522.
31. Stronk J. P. The Ten Thousand in Thrace. An archaeological and historical commentary on Xenophon`s Anabasis, books VI – iii-vi – VII. Amsterdam, 1995. 356 p.
32. Vasilev M. I. The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia. Leiden, 2015. 258 p.

References

1. Agbunov, MV 1989, *Puteshestviye v zagadochnuyu Skifiyu (Journey to the mysterious Scythia)*, Moscow. (In Russ)
2. Alekseyev, AYu 2003, *Khronografiya Yevropeyskoy Skifii VII–IV vv. do n.e. (Chronography of European Scythia 7th-4th centuries BC)*, St. Petersburg. (In Russ)
3. Anisimov, KA 2020, 'Vnutrenniye i vneshniye aspekty obrazovaniya Odrisskogo tsarstva' (Internal and external factors of formation of the Odrisian Kingdom and the problem of localization of the original territory of the Odrysiens), *Istoricheskiy Format (Historical Format)*, no 4, pp. 98–114. (In Russ)
4. Anisimov, KA 2021, 'Ustanovleniye odrisskoy gegemonii na severe Balkanskogo poluoostrova v V veke do n.e.' (The establishment of the Odrisian hegemony in the North of the Balkan Peninsula in the 5th century BC), *Istoricheskiy Format (Historical Format)*, no 2, pp. 97-112. (In Russ)
5. Anisimov, KA 2022, 'Zabytyy frakiyskiy tsar' Sparadok' (Forgotten Thracian King Sparadocos), *Thracia Balcanica*, no 1, pp. 183–198. (In Russ)
6. Borza, YuN 2013, *Istoriya Antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo) (History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great))*, St. Petersburg. (In Russ)
7. Herodotus, 2005 *Istoriya (The Histories)*, trans. GA Stratanovsky, Ladomir Publ, Moscow. (In Russ)
8. Gindin, LA 1981, *Drevneyshaya onomastika Vostochnykh Balkan (frako-khetto-luviyskiye i frako-maloaziyskiye izoglossy) (Ancient onomastics of the Eastern Balkans (Thraco-Hetto-Luvian and Thraco-Asia Minor isoglosses))*, Sofia. (In Russ)
9. Danov, Khr 1982, *Traki*. Sofia. (In Bulgarian)
10. Diodorus Siculus, 2012 *Istoricheskaya biblioteka (Bibliotheca)*, trans. VV Latyshev, ME Sergeyenko, VM Strogetskiy, OP Tsybenko, AG Aleksanyan, OA Vasil'yeva, DV Meshchanskiy et al, Samizdat Publ, Moscow. (In Russ)
11. Izdmirski, M 2008, 'Persiyskaya administratsiya v drevna Trakiya', *Anali*, nono 2-4, pp. 129–136. (In Bulgarian)

12. Sobolevsky, SI, Grabar'-Passek, ME & Petrovsky, FA (eds.) 1955, *Istoriya grecheskoy literatury. V 3-kh tomakh. Tom II: istoriya, filosofiya, oratorskoye iskusstvo klassicheskogo perioda (History of Greek Literature. In 3 volumes. Volume II: history, philosophy, oratory of the classical period)*, Moscow. (In Russ)
13. Boardman, J, Hammond, NGL, Lewis, DM & Ostwald, M (eds.) 2017, *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. IV. Persiya, Gretsia i Zapadnoye Sredizemnomor'ye ok. 525-479 gg. do n.e. (Cambridge History of Ancient World. Vol. IV. Persia, Greece, and the Western Mediterranean.)*, trans. AV Zaykov, Moscow. (In Russ)
14. Krykin, SM 1993, *Frakiytsy v antichnom Severnom Prichernomor'ye (Thracians in the ancient Northern Black Sea region)*, Moscow. (In Russ)
15. Xenophon, 2011, *Anabasis. Grecheskaya istoriya (Anabasis)*, trans. SYa Lur'ye, MI Maksimovskaya, SI Sobolevsky, Lodomir Publ, Moscow. (In Russ)
16. Lucian of Samosata & Zaytsev, AI (ed) 2001, *Sochineniya. V 2-kh tomakh. Tom II (Works. In 2 vols. Volume II)*, St. Petersburg. (In Russ)
17. Nevskaya, VP 1953, *Vizantiy v klassicheskuyu i ellinisticheskiye epokhi (Byzantium in the classical and Hellenistic eras)*, Moscow. (In Russ)
18. Plutarch, 1994, *Sravnitel'nyye zhizneopisaniya. V 2 t. (Parallel Lives)*, eds. SS Averintsev, ML Gasparov, SP Markish, Nauka Publ, Moscow. (In Russ)
19. Porozhanov, K 2011, *Odriskoto tsarstvo, polisite po negovite kraybrezhiya i Atina ot kraja na VI vek do 341 g.pr.khr. Blagoevgrad.* (In Bulgarian)
20. Saprykin, SYu 2018, *Drevneye Prichernomor'ye (Ancient Black Sea region)*, Izd-vo RKHGA Publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ)
21. Strogetskiy, VM 2008, *Afiny i Sparta. Bor'ba za gegemoniyu v Gretsii v V v. do n.e. (478–431 gg.) (Athens and Sparta. The struggle for hegemony in Greece in the 5th century BC (478–431))*, St. Petersburg. (In Russ)
22. Surikov, IE 2008, *Politiki v kontekste epokhi: Vremya rastsveta demokratii (Politicians in the context of the era: The heyday of democracy)*, Moscow. (In Russ)
23. Tacheva, M 2006, *Tsarete na drevna Trakiya. Kniga p"rva*, Sofia. (In Bulgarian)
24. Topalov, S 2014, *K"m politicheskata istoriya na Odriskoto tsarstvo ot kraja na VI do sredata na IV v. pr. n.ve. Ch. II*, Sofia. (In Bulgarian)
25. Fol, A 1972, *Politicheska istoriya na trakite*, Sofiya. (In Bulgarian)
26. Fol, A & Spiridonov, T 1983, *Istoricheska geografiya na trakiyskite plemena do III v. pr. n.ve*, Sofia. (In Bulgarian)
27. Thucydides, 1999, *Istoriya (The History)*, trans. GA Stratanovsky, Lodomir Publ, Moscow. (In Russ)
28. Yustin, MYu 2005, *Epitoma sochineniya Pompeya Troga «HISTORIAE PHILIPPICAE»*, trans. AA Dekonsky, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ, St. Petersburg. (In Russ)
29. Bacheva, GD 2012, 'Detecting a satrapy: The Skudra case', *Thracia. Volume XX*. Sofia, pp. 11–26.
30. Psoma, S 2002, 'Le monnayage de Sparadokos des Odryses. Unetat de la question', *Thrace and the Aegean. Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology*, Sofia-Yambol, 25-29 September 2000, Sofia, vol. II, pp. 513–522. (In French)
31. Stronk, JP 1995, *The Ten Thousand in Thrace. An archaeological and historical commentary on Xenophon`s Anabasis, books VI – iii-vi – VII*, Amsterdam.
32. Vasilev, MI 2015, *The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia*, Leiden.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2022
Одобрена после рецензирования: 30.09.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 15.09.2022
Approved after reviewing: 30.09.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Научная статья
УДК 94(430)87
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-31-43>

АТЛАНТИЧЕСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ВЕКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ: ОТ В. БРАНДТА ДО О. ШОЛЬЦА

**Юрий Владиславович
Родович**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, yura.rodovich@mail.ru

Аннотация. В статье показана эволюция атлантического и российского направлений внешней политики ФРГ – от правления «малой коалиции» во главе с социал-демократом В. Брандтом до правления коалиции, возглавляемой социал-демократом О. Шольцем. Правительство «малой коалиции» проводило «новую восточную политику», направленную на нормализацию отношений с СССР и восточноевропейскими государствами. При этом В. Брандт считал необходимым заручиться поддержкой западных партнеров. Эта политика была продолжена при канцлере Г. Шмидте, хотя и при усилении атлантического вектора. В период правления коалиционного кабинета во главе с Г. Колем ФРГ рассматривалась как близкий союзник США. При поддержке Вашингтона Г. Колю удалось добиться от руководства СССР согласия на объединение Германии и членство ее в НАТО. После распада Советского Союза Германия первой из ведущих держав признала Россию в качестве независимого государства. РФ добилась от ФРГ переноса сроков выплаты долгов по торговым операциям между СССР и ГДР, а Г. Коль – досрочного вывода из Германии советских/российских войск. При правительстве СДПГ – Союз-90/Зеленые во главе с социал-демократом Г. Шредером Германия оставалась одним из ближайших союзников США. Однако в 2003 г. ФРГ выступила против военной акции США в отношении Ирака. После избрания на президентский пост в России В. В. Путина сотрудничество между ФРГ и РФ достигло своего пика. При правительствах, возглавляемых лидером ХДС А. Меркель, отношения с США значительно улучшились, хотя они стояли на втором месте по значимости после европейской интеграции. Завершилась фаза наиболее конструктивного сотрудничества между Берлином и Москвой. При коалиционном правительстве во главе с О. Шольцем (СДПГ) Германия подчинила свои национальные интересы американским и потеряла значительную часть суверенитета. Федеральный канцлер О. Шольц покончил с традиционной «новой восточной политикой» В. Брандта – Г. Шредера.

Ключевые слова: Германия, США, СССР, Россия, «новая восточная политика».

Для цитирования: Родович Ю. В. Атлантический и российский векторы внешней политики ФРГ: от В. Брандта до О. Шольца // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 31–43. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-31-43>.

Сведения об авторе: Ю. В. Родович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(430)87
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-31-43>

ATLANTIC AND RUSSIAN VECTORS OF GERMAN FOREIGN POLICY: FROM V. BRANDT TO O. SCHOLZ

Yuri V. Rodovich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, yura.rodovich@mail.ru

Abstract. The article shows the evolution of the Atlantic and Russian directions of German foreign policy – from the rule of the “small coalition” led by the Social Democrat V. Brandt to the rule of the coalition led by the Social Democrat O. Scholz. The government of the “small coalition” pursued a «new Eastern policy» aimed at normalizing relations with the USSR and Eastern European states. At the same time, Brandt considered it necessary to enlist the support of Western partners. This policy was continued under Chancellor G. Schmidt, although with the strengthening of the Atlantic vector. During the reign of the coalition cabinet headed by G. Kohl, Germany was seen as a close ally of the United States. With the support of Washington, G. Kohl managed to get the USSR leadership to agree to the unification of Germany and its membership in NATO. After the collapse of the Soviet Union, Germany is the first of the great powers recognized Russia as an independent state. The Russian Federation has obtained from Germany the postponement of the payment of debts on trade transactions between the USSR and the GDR, and G. Kohl – the early withdrawal of Soviet/Russian troops from Germany. Under the government of the SPD – Alliance 90/The Greens led by the Social Democrat G. Schroeder, Germany remained one of the closest allies of the United States. However, in 2003, Germany opposed the US military action against Iraq. After the election of Vladimir Putin to the presidential post in Russia, cooperation between Germany and the Russian Federation reached its peak. Under the governments headed by CDU leader Angela Merkel, relations with the United States improved significantly, although they were in second place in importance after European integration. The phase of the most constructive cooperation between Berlin and Moscow has ended. Under the coalition government led by O. Scholz (SPD), Germany subordinated its national interests to American ones and lost a significant part of sovereignty. Federal Chancellor O. Scholz has done away with the traditional “new Eastern policy” of V. Brandt – G. Schroeder.

Keywords: Germany, USA, USSR, Russia, «new Eastern policy».

For citation: Rodovich, YuV 2022, ‘Atlantic and Russian vectors of German foreign policy: from V. Brandt to O. Scholz’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 31–43, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-31-43> (in Russ.)

Information about the Author: *Yuri V. Rodovich* – Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

О внешней политике ФРГ написано немало монографий и статей. В последнее время в поле зрения ученых находятся атлантический и российский аспекты германского внешнеполитического курса [5; 8]. Это во многом связано с тем, что специальная военная операция России в ответ на усиление угрозы безопасности страны со стороны коллективного Запада, эскалацию украинского кризиса в феврале 2022 г. способствовала перелому в формировании нового миропорядка, поляризации сил на международной арене, усилению зависимости ФРГ от США. Была подведена черта под сложившимся за десятилетия характером германо-российских отношений. Цель данной статьи – проследить, какие изменения претерпели два указанных вектора во внешней политике ФРГ – от канцлера, социал-демократа В. Брандта до главы правительства, социал-демократа О. Шольца.

Методы

Автор статьи руководствовался общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции, принципами работы с информацией, связанной с установлением причинно-следственных связей между событиями. Из специальных методов исследования использовался историко-сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении атлантического и советского/российского направлений во внешней политике ФРГ в различные периоды времени.

Анализ

В начале 1970-х гг. во внешней политике ФРГ наблюдались ощутимые перемены. Проводимый христианическими демократами – от К. Аденауэра до Л. Эрхарда и К. Кизингера – ориентированный преимущественно на Запад внешнеполитический курс, реваншистские устремления Западной Германии в отношении соседних государств сильно ограничивали возможности страны на мировой арене. Не оправдались надежды правительств ФРГ, связанные с давлением Запада на Советский Союз для получения уступок в германском вопросе. Чтобы вывести Западную Германию из этого состояния, коалиционное правительство социал-демократов и свободных демократов во главе с В. Брандтом (СДПГ) (1969–1974 гг.) решило проводить «новую восточную политику», направленную на нормализацию отношений с СССР и восточноевропейскими государствами. Федеральный канцлер считал необходимым заручиться поддержкой западных партнеров, для чего неоднократно встречался с лидерами США, Великобритании и Франции. При этом В. Брандт заявлял своим союзникам по блоку НАТО о твердой приверженности атлантической солидарности и шел на сотрудничество ФРГ с США в самых разных сферах, включая взаимодействие спецслужб. Начиная с 1970 по 2018 гг., согласно расследованию немецкого телеканала ZDF, издания The Washington Post и швейцарской телерадиокомпании SRF, Федеральная разведывательная служба Германии (БНД) и Центральное разведывательное управление (ЦРУ) в рамках совместного проекта перехватывали секретную информацию из более 100 государств [24].

«Новая восточная политика» была реализована в серии договоров с Советским Союзом (Московского, 12 августа 1970 г.), Польшей (Варшавского, 7 декабря 1970 г.), ГДР (Берлинского, 21 декабря 1972 г.) и Чехословакией (Пражского, 11 декабря 1973 г.). Эти договоры содержали международно-правовые обязательства решать спорные проблемы без применения силы или угрозы ее применения, исключительно мирными средствами, подтверждали все сложившиеся послевоенные границы в Европе. В то же время В. Брандт решил не закрывать вопрос о воссоединении Германии: в «Письме о немецком единстве» по поводу Московского договора 1970 г., направленном главе МИД СССР, отмечалось, что «данный договор не противоречит политической цели ФРГ добиваться состояния мира в Европе, в условиях которого германский

народ путем свободного самоопределения вновь достигнет своего единства» [12]. Осуществить в будущем намеченную цель канцлер, по-видимому, намеревался, опираясь на поддержку США и других союзников по НАТО, а также на согласие руководства СССР.

1 февраля 1970 г. Советский Союз заключил с ФРГ сделку о поставке ему газовых труб для строительства газопровода в Западную Европу в обмен на газ с месторождений Западной Сибири. Соглашение назвали «сделкой века».

Нормализация отношений ФРГ с восточными соседями, международно-правовое признание ГДР, заключение СССР, США, Великобританией и Францией 3 сентября 1971 г. Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, которое закрепило особый правовой статус этой части города, наряду с улучшением советско-американских отношений, создали условия для успешного проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

«Новая восточная политика» правительств «малой коалиции» уравнивалась участием ФРГ в НАТО и тесным сотрудничеством со странами Запада. Но своей «новой восточной политикой» страна из тормоза разрядки напряженности стала мотором развития отношений Запад – Восток [3, с. 456].

После отставки В.Брандта новый канцлер Г. Шмидт подписал 1 августа 1975 г. в Хельсинки Заключительный акт, который зафиксировал политический и территориальный статус-кво в Европе, а также нормы взаимоотношений между 35 государствами-участниками СБСЕ.

Правительство Г. Шмидта придерживалось «стратегии равновесия» – баланса между сближением с СССР и восточноевропейскими странами, обеспечением национальной безопасности и атлантической солидарностью.

По мнению Г. Шмидта, правительство В. Брандта сделало слишком большой крен в сторону «восточной политики» и решил усилить во внешнеполитическом курсе атлантическую направленность.

На проведение внешнеполитического курса ФРГ сильно повлиял кризис политики разрядки напряженности: заметно обострившиеся на рубеже 1970–1980-х гг. отношения между Западом и Востоком. В связи с заменой СССР своих ракет средней дальности СС-4 и СС-5, размещенных на своих западных рубежах, на модернизированные СС-20 Г. Шмидт стал ратовать за размещение новых американских ракет на территориях западноевропейских государств, в том числе ФРГ. Соответствующее решение было принято на сессии НАТО 12 декабря 1979 г. и реализовано в конце 1983 г.

«Ракетная политика» повлекла за собой переход к более прагматичному курсу ФРГ в отношениях с СССР и странами Восточной Европы. Замедлился начавшийся при В. Брандте процесс сближения ФРГ и СССР, хотя Г. Шмидт за период своего канцлерства три раза посетил Советский Союз и дважды принимал с ответными визитами лидера СССР Л. И. Брежнева. Охлаждение политических взаимоотношений почти не отразилось на развитии экономических связей. В 1978 г. во время визита Л. И. Брежнева в ФРГ было подписано Соглашение о развитии и углублении долгосрочного сотрудничества ФРГ и СССР в области экономики сроком на 25 лет. Западная Германия с начала 1970-х гг. стала крупнейшим торговым партнером СССР среди западных стран [3, с. 465–466].

В период правления коалиционного правительства ХДС/ХСС – СвДП во главе с Г. Колем ФРГ рассматривалась как близкий союзник США. Она поддержала курс Вашингтона на конфронтацию с СССР, присоединилась к программе «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана (СОИ), согласилась на размещение на территории страны новых американских ракет. Позже, в 1987 г., канцлер Г. Коль содействовал заключению американо-советского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Лидеры ФРГ воспользовались кризисной ситуацией в СССР и ГДР для решения германской проблемы на выгодных для себя условиях. В феврале 1990 г. Г. Коль получил от М. С. Горбачева согласие на объединение Германии как «дела самих немцев». При этом он заверил Горбачева, что «НАТО не должна расширять сферу своей деятельности. Нужно найти разумное решение» [18]. 24–25 февраля на встрече президента США Дж. Буша и канцлера ФРГ Г. Коля ими было решено твердо настаивать на полном членстве Германии в НАТО. Во время бесед с Дж. Бушем 1–3 июня 1990 г. в Вашингтоне М. С. Горбачев согласился с формулировкой американского президента, гласящей, что США однозначно выступают за членство объединенной Германии в НАТО, однако, если ФРГ сделает другой выбор, Москва не будет его оспаривать. Позиция высшего советского руководства относительно членства будущей единой Германии в НАТО была официально подтверждена во время встречи М. С. Горбачева с Г. Колем в Архызе, на Ставрополье, в июле 1990 г. 12 сентября 1990 г. в Москве между представителями ФРГ, ГДР, США, Великобритании, Франции и СССР был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. 3 октября 1990 г. объединение Германии стало реальностью. Это был триумф внешней политики Г. Коля.

Правовой основой отношений объединенной Германии с Россией стали Договор между ФРГ и СССР от 9 ноября 1990 г. и Совместное заявление президента России Б. Н. Ельцина и канцлера ФРГ Г. Коля от 21 ноября 1991 г. После распада СССР 26 декабря 1991 г. Германия первой из ведущих иностранных держав признала Россию в качестве независимого государства. Между лидерами двух стран установились теплые личные отношения. РФ добилась от ФРГ переноса сроков выплаты долгов по торговым операциям между СССР и бывшей ГДР, а Г. Коль – досрочного вывода из ГДР советских/российских войск с ее территории, что было реализовано в августе 1994 г. Германия стала для РФ важнейшим внешнеторговым партнером. В то же время ФРГ подняла проблемы статуса этнических немцев в России, создания особой зоны в Калининградской области, проблему реституции – возврате утраченных в годы Второй мировой войны культурных ценностей и др.

При правительстве СДПГ – Союз-90/Зеленые во главе с социал-демократом Г. Шрёдером (1998–2005 гг.) Германия оставалась одним из ближайших союзников США. Во время Косовского кризиса ФРГ активно поддерживала позицию США и НАТО и участвовала в их военной акции в отношении Югославии (март – июнь 1999 г.). Шрёдер заявил о солидарности с Соединенными Штатами после терактов 11 сентября 2001 г. Военнослужащие ФРГ приняли участие в возглавляемой Вашингтоном антитеррористической операции на территории Афганистана. В начале 2000-х гг. в отношении ФРГ с США были внесены серьезные коррективы. В 2003 гг. Германия, Россия вместе с Францией выступили против военной акции США и некоторых других стран в отношении Ирака. Впервые США столкнулись с противодействием важных союзников по НАТО. Вместе с тем разногласия не носили стратегического характера. В 2004 г. ФРГ поддержала вступление в Североатлантический блок семи новых членов, в том числе граничащих с РФ стран Прибалтики.

Что касается отношений с Россией, то во время визита Г. Шрёдера в Москву в ноябре 1998 г. канцлер Германии дал понять, что не намерен следовать примеру Г. Коля и завязывать личную дружбу с Б. Н. Ельциным. Просьба российского президента к Г. Шрёдеру повлиять на международные финансовые институты и ускорить выделение новых займов для России была отклонена.

С избранием на президентский пост в России В. В. Путина отношения между ФРГ и РФ претерпели качественные изменения. Сотрудничество между ФРГ и РФ в 2000–2005 гг. достигло своего пика, чему способствовали личные встречи Г. Шрёдера с президентом России В. В. Путиным. Появились новые формы этого сотрудничества,

в частности, «Петербургский диалог» – форум гражданских обществ двух стран. Начался бурный рост торгово-экономических отношений между ФРГ и РФ. В сентябре 2005 г. было подписано двустороннее соглашение о строительстве газопровода «Северный поток». По мнению В. В. Путина, Г. Шрёдера можно назвать не только одним из главных вдохновителей стратегического партнерства двух стран, но и человеком, который сыграл уникальную роль в завершении долгого и сложного процесса исторического примирения россиян и немцев [7].

С приходом к власти в ФРГ правительства А. Меркель (ХДС/ХСС – СДПГ) трансатлантические отношения значительно улучшились, хотя они стояли на втором месте по значимости после европейской интеграции. Канцлер заручилась американской поддержкой лидирующей роли Германии в Европе, хотя и в рамках глобального лидерства США. Успешно развивались политические, экономические и иные связи. Руководство ФРГ рассматривало вопросы германской и европейской безопасности только совместно с США. В Берлине считали, что тесная политическая координация с Вашингтоном повышает вес Германии в Европе и мире. Но это не означало, что Германия с слепой следовала за США во всех вопросах. В 2008 г. Меркель не поддержала предложение Дж.Буша–мл. о предоставлении Украине и Грузии «Плана действий по членству в НАТО». Динамика развития двусторонних отношений не изменилась после прихода к власти в США Б. Обамы, а в ФРГ – формирования правительства ХДС/ХСС – СвДП. Начались переговоры относительно программы Трансатлантического и инвестиционного партнерства. В то же время в 2011 г. Берлин отказался участвовать в военной операции блока против Ливии. Рассекреченная позже информация о прослушивании спецслужбами США телефонных разговоров немецких канцлеров, включая А. Меркель, отнюдь не способствовала росту доверия немецкого общества к своему союзнику.

А. Меркель заявляла о необходимости «стратегического партнерства» с Россией. Двустороннее германо-российское сотрудничество осуществлялось в самых разных формах и на всех уровнях. Однако фазе наиболее конструктивного сотрудничества между Берлином и Москвой наступил конец. Надежды политической элиты на то, что российское общество усвоит западные ценности, в России произойдет демократизация по образцу Запада, а руководство страны сконцентрируется на сугубо внутренних проблемах и согласится с расширением НАТО, не оправдались.

10 февраля 2007 г., выступая на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, президент России В. В. Путин заявил о неприемлемости однополярного мира, о возможности применения силы только на основе решений ООН, об угрозе действий США и НАТО безопасности России, о нарушении Западом гарантий нерасширения НАТО на Восток, на исторически сложившееся право России проводить независимую внешнюю политику. Это выступление вызвало негативную реакцию в ФРГ. Однако выдвинутая министром иностранных дел ФРГ в 2008 г. Ф.-В. Штайнмайером инициатива «Партнерства для модернизации» нашла понимание в России. Речь шла не только о расширении экономических связей, но и об обмене опытом в различных областях – от образования до правовой сферы и социальной работы, содействии развитию связей между людьми и укреплению диалога с гражданскими обществами. В августе 2008 г. германо-российские отношения выдержали проверку на прочность, когда Россия была вынуждена вооруженным путем пресечь грузинскую агрессию против Южной Осетии и принудить Грузию к миру.

«Трансатлантическая» часть правящей элиты ФРГ выразила неудовольствие в связи с новым избранием на президентский пост В. В. Путина в 2012 г. В конце того же года бундестаг ФРГ принял беспрецедентную резолюцию, в которой отмечались «нарушения прав человека» и «дефицит правовой государственности» в России.

Для американской политической элиты было необходимо не допустить соединения передовых немецких технологий с российскими природными ресурсами. Поэтому Вашингтон был заинтересован в создании барьера между ФРГ, Европейским союзом и Россией. Таким барьером должна была стать Украина.

В период украинского кризиса в 2014 г., государственного переворота в Киеве и последовавших за этим военных действий на Донбассе, воссоединения Крыма с Россией германо-российские отношения серьезно осложнились и обострились. ФРГ осудила действия РФ как «насильственное перекраивание границ», как «нарушение международного права» [19]. А. Меркель стала инициатором введения европейских санкций против России. В то же время канцлер проявила известную самостоятельность, предприняв попытки урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины, выступив в качестве одного из гарантов Минских соглашений 2015 г., правда, после консультаций с президентом США Б. Обамой.

Активное участие России в военных акциях против террористических группировок в Сирии также стало фактором, осложнившим двусторонние отношения. Германские политики стали обвинять Россию в «нарушении прав человека» при проведении операции воздушно-космических сил РФ против сирийских антиправительственных сил, содействии «применения химического оружия сирийскими войсками против гражданского населения». В СМИ пропагандировались утверждения, что в результате вмешательства России поток беженцев в Германию и другие страны ЕС значительно увеличился. В отношениях между ФРГ и Россией усилилась взаимная критика, а доверие, наоборот, уменьшилось. В 2020 г. А. Меркель, опираясь на данные лаборатории бундесвера, заявила, что российский оппозиционер А. Навальный якобы был отравлен нервно-паралитическим веществом и посетила его в больнице.

Тем не менее, для Москвы долгое пребывание Меркель на посту главы коалиционных правительств ФРГ было временем относительной предсказуемости в российско-германских отношениях. В. В. Путин во многом не соглашался с немецкой «канцлерин», но, безусловно, уважал ее.

Приход в американский Белый дом в январе 2017 г. Д. Трампа был в целом негативно оценен в Германии. Заявления президента о нежелании выполнять свои обязательства перед членами НАТО в случае отказа последних от увеличения военных расходов минимум на 2 %, выход США из международного соглашения по климату, соглашения между США, Россией, Великобританией, Францией, Германией и КНР с одной стороны, и Ираном – с другой, по иранской ядерной программе, Договора США с СССР/Россией о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 г.), нежелание ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний вызвал разочарование по отношению к Соединенным Штатам как к надежному партнеру и союзнику. В отличие от Б. Обамы, Д. Трамп ни разу не приезжал в ФРГ с официальным визитом. Германо-американский товарооборот с 2017 по 2021 гг. увеличился незначительно. И если в 2015 г. США впервые за 40 лет стали важнейшим торговым партнером ФРГ, то уже в 2018 г. торгово-экономические отношения находились уже на третьем месте, после Китая и Нидерландов. Вашингтон пытался задержать реализацию проекта «Северный поток-2». Д. Трамп отметил, что этот проект имеет геополитический характер и ставит Европу в уязвимое, зависимое от России, положение. Канцлер А. Меркель сочла проект чисто коммерческим, выгодным ФРГ и другим европейским странам. В условиях, когда Д. Трамп пытался оказывать давление на германское руководство, министр иностранных дел ФРГ Х. Маас в августе 2018 г. предложил по-новому выстроить отношения между США и Европой, используя идею «сбалансированного партнерства». По его мнению, Германия должна вместе

с Францией и другими странами ЕС создать независимые от США платежные системы, Европейский валютный фонд, независимую систему Swift, ввести цифровой налог на прибыль американских интернет-компаний, увеличить расходы на оборону, так как нельзя «полагаться на Вашингтон в той же степени, что и раньше» [16].

В годы президентства Д. Трампа, с которым у А. Меркель не сложились отношения, она фактически превратилась во временного лидера либерального Запада.

Избрание Дж. Байдена на пост президента США положило конец этому лидерству. Однако статус Германии как основного союзника Вашингтона в Евросоюзе только укрепился, особенно после «брекзита» – выхода Великобритании из ЕС. В 2021 г. А. Меркель защитила интересы Германии от давления США. Несмотря на резкую критику со стороны Польши, стран Прибалтики и особенно Украины, она сумела договориться с американским президентом о возможности завершения строительства «Северного потока – 2».

Эскалация кризиса на Донбассе и проведение Россией специальной операции на украинской территории обусловили поворот в энергетической политике Германии. Проект газопровода «Северный поток-2», который стал символом энергетического сотрудничества России и Германии, оказался заморожен без ясных перспектив ввода в эксплуатацию в обозримом будущем.

Ныне стало ясно, что Германия, как и Франция, помогла затянуть процесс урегулирования по Минским договорённостям, который, как признал украинский экс-президент П. Порошенко, был лишь фикцией с целью выиграть время, чтобы НАТО могло подготовить и оснастить вооруженные силы Украины для силового установления контроля над Донбассом и Крымом [2].

Однако в Вашингтоне в начале 2022 г. были недовольны показательным решением немецкой стороны отказаться от поставок оружия Киеву и помогать в этом другим государствам [21], а также ее позицией в отношении газопровода «Северный поток-2». Главой коалиционного правительства СДПГ – «Зеленые» – СвДП с декабря 2021 г. был О. Шольц (СДПГ). По мнению британо-немецкого журналиста А. Позенера, сославшегося на секретные документы Министерства госбезопасности бывшей ГДР (Штази), будущий канцлер в молодости заявлял, что противников мира нужно искать в военно-промышленном комплексе США и среди представителей западногерманских праворадикальных движений. По мнению Позенера, подобные высказывания свидетельствовали о сформировавшихся уже тогда у О. Шольца симпатиях к России, и этим частично объяснялась поддержка канцлером проекта российского газопровода «Северный поток-2» [6]. В ходе предвыборной кампании была выдвинута идея «новой восточной политики», но она не получила особого содержательного наполнения. Как отметил эксперт отдела стратегического развития ИМИ МГИМО МИД России А. Давыдов, Шольц неоднократно заявлял, что будет развивать отношения с Россией именно от лица всего Евросоюза [9]. Но эти намерения наткнулись на противодействие партнера по правительственной коалиции – сопредседателя партии «Зеленые» А. Бербок, занимающей явно проамериканскую позицию.

Визит в США для встречи с президентом Дж. Байденом, по утверждению журнала «Шпигель» (ФРГ), стал настоящим экзаменом для нового немецкого канцлера О. Шольца. Его многие обвиняли в мягкости по отношению к России; пресса Америки и ФРГ требовала от него однозначной ориентации на США и отказала от «русского газопровода». О. Шольц, отметив, что оба государства являются ближайшими союзниками, согласился на то, чтобы предпринять шаги «в борьбе с российской агрессией против Украины» [11].

После начала специальной военной операции российских войск с целью защиты населения республик Донбасса от геноцида со стороны киевского режима, демилитаризации и денацификации Украины, обеспечение безопасности РФ О. Шольц

27 февраля 2022 г. выступил на заседании бундестага. Он резко осудил действия России и отметил «поворот времени»: «Это означает, что мир после этого уже не такой, как мир до этого». «Суть в том, может ли власть нарушить право и может ли она позволить президенту России Владимиру Путину повернуть время вспять во времена великих держав XIX века» [13].

ФРГ была вовлечена в акции коллективного Запада, направленные на ослабление и уничтожение России. Она оказалась неспособной сопротивляться давлению США при принятии санкций в отношении РФ, хотя ряд немецких компаний обанкротились вследствие этих санкций, а цены на газ, электроэнергию, продовольствие в стране значительно возросли. Германия заморозила сертификацию газопровода «Северный поток–2». Однако она не решилась на немедленное введение эмбарго на российский газ, так как такой шаг вызвал бы в стране сильнейший экономический кризис.

О. Шольц приветствовал решение бундестага ФРГ о лишении экс-канцлера Г. Шрёдера части привилегий за его тесные политические и деловые связи с В. В. Путиным [22]. Дело в том, что Шрёдер после своего ухода с поста канцлера руководил комитетом акционеров компании, строившей «Северный поток», – газопровод, выгодный как ФРГ, так и России, а с 2017 г. возглавлял совет директоров «Роснефти», после чего был выдвинут в совет директоров «Газпрома». Руководство СДПГ осудило Шрёдера и потребовало исключить бывшего председателя из партии.

Таким образом, лидеры немецкой социал-демократии порвали с наследием В. Брандта и стали уничтожать достижения своих выдающихся однопартийцев.

Канцлер вместе с членами G-7 выступил за постоянную ревизию санкций против России для выявления их эффективности – «настолько долго, насколько потребуется». На итоговой пресс-конференции по завершении саммита G7 28 июня 2022 г. он заявил, что без честного соглашения с Украиной санкции против России будут оставаться в силе [23]. Вместе с тем Шольц призвал к снятию введенных Вильнюсом ограничений на транзит российских грузов в Калининградскую область через территорию Литвы, с учетом того, что транзит осуществляется между двумя частями одной страны и поэтому не должен попадать под санкции [14].

Германия стала участвовать в поставках украинской армии летального оружия. 26 апреля 2022 г., сразу после переговоров с партнерами по НАТО в Рамштайне, министр обороны К. Ламбрехт подтвердила поставку Украине 50 зенитных самоходных установок «Гепард» [20], а уже 28 апреля бундестаг принял соответствующую резолюцию. В то же время руководство ФРГ отметило, что не в состоянии так же интенсивно поставлять вооружения Киеву, как это делают США, поскольку Вашингтон тратит большое количество средств на оборону и у него есть «много вооружений в арсенале». Об этом канцлер О. Шольц заявил в интервью американскому телеканалу CBS [10].

Вместе с тем в конце мая 2022 г. О. Шольц заявил о намерении Германии иметь самую большую обычную армию в Европе в рамках НАТО. По его мнению, это значительно укрепит безопасность страны и ее союзников. При этом он пообещал, что его страна будет инвестировать на оборону не менее 2 % от национального ВВП в год и сообщил о создании специального фонда объемом 100 млрд евро для укрепления вооруженных сил [15]. Глава МИД России С. В. Лавров отметил, что слова Шольца свидетельствуют о возрождении в Германии «доминантных устремлений» [4]. Реализация гегемонистских намерений канцлера может привести к дисбалансу в Европе, а также создать хотя бы видимость противовеса Российской Федерации.

О. Шольц в конце июня 2022 г. принял участие в Мадридском саммите НАТО, на котором была принята новая Стратегическая концепция Альянса, а также Декларация, в которой Россия объявлялась значительной и прямой угрозой безопасности

блока [17]. Президент Дж. Байден и его партнеры по НАТО, включая ФРГ, объявили об историческом увеличении численности войск на восточном фланге Европы и приветствовали Финляндию и Швецию в качестве будущих членов Альянса, пообещав защищать «каждый дюйм» территории Североатлантического союза. Возможность вступления Украины в состав блока не рассматривалась. Вместе с тем США и их союзники решили показать, что их решимость помочь Украине и противостоять России не будет ослабевать, несмотря на успехи Москвы на поле боя и растущие внутренние издержки конфликта для Америки и других стран.

В Стратегической концепции было отмечено, что НАТО не стремится к конфронтации, но будет реагировать на враждебные действия. А занимающая проамериканские позиции министр иностранных дел А. Бербок заявила даже о необходимости сохранения основополагающего акта Россия – НАТО [1]. Преамбула этого документа, принятого в 1997 г., гласит, что НАТО и Россия не должны рассматривать друг друга как противников. В документе обозначены, в частности, принципы взаимного сотрудничества России и стран – членов Североатлантического альянса по строительству мира на принципах безопасности и демократии.

Заключение

Таким образом, внешняя политика ФРГ в двух ее векторах – трансатлантическом и российском – за более чем пять десятилетий претерпела значительную эволюцию. К настоящему времени Германия не только сохранила, но и укрепила трансатлантические отношения, при этом подчинив свои национальные интересы американским и потеряв значительную часть суверенитета.

Канцлер ФРГ О. Шольц первоначально заявил о необходимости «новой восточной политики». Однако при этом новая версия политики должна быть инициирована Европейским Союзом, а не Берлином. Фактически же канцлер под давлением Вашингтона и критики со стороны партнера по правительственной коалиции, сопредседателя партии «Зеленые» А. Бербок покончил с традиционной «новой восточной политикой» В. Брандта – Г. Шрёдера. Были разорваны практически все основные связи Германии с Россией. Новая власть в Берлине решила занять антироссийскую позицию и окончательно перестала играть роль связующего звена в отношениях Европейского союза и Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. *В Германии выступили за сохранение Основопологающего акта Россия – НАТО* // NEWS.ru: онлайн СМИ : сайт. Дата публикации: 29.06.2022. URL: <https://news.ru/europe/v-germanii-ne-hotyat-otkazvatsya-ot-osnovopolagayushhego-akta-rossiya-nato> (дата обращения: 05.07.2022).
2. *Договор на отсрочку: зачем на самом деле Киеву были нужны Минские соглашения* // RT на русском: новостной канал : сайт. Дата публикации: 22.06.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/video/1017358-minskie-soglasheniya-merkel-nuland> (дата обращения: 03.07.2022).
3. *История Германии. В 3 т. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века* / А. М. Бетмакаев [и др.] ; отв. ред. Ю. В. Галактионов ; под общ. ред. Б. Бонвеча. Москва: КДУ, 2008. 672 с.
4. *Лавров считает, что в ФРГ возрождаются «доминантные устремления»* // ТАСС: информационное агентство : офиц. сайт. Дата публикации: 01.06.2022. URL: <https://tass.ru/politika/14793611> (дата обращения: 10.06.2022).
5. *Онева А. В.* Трансатлантический вектор внешней политики ФРГ после Трампа // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 1. С. 79–88.
6. *«Противников мира нужно искать в ВПК США»: В Германии обнаружены документы с заявлениями будущего канцлера Шольца* // Военное обозрение: [сайт]. Дата публикации: 15.01.2022. URL: <http://militaryreview.ru/protivnikov-mira-nuzhno-iskat-v->

- vpk-ssha-v-germanii-obnaruzhilis-dokumenty-s-zayavleniyami-budushhego-kanclera-sholca.html (дата обращения: 03.07.2022).
7. *Путин В. В. Г. Шрёдер и международная политика // Президент России : офиц. сайт. М., 2005–2022. Дата публикации: 30.11.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/23309> (дата обращения: 03.07.2022).*
 8. *Соколов А. Ценности или иллюзии: будущее российско-германских отношений // Россия в глобальной политике. Дата публикации: 06.04.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/> (дата обращения: 01.07.2022).*
 9. *Торин А. Кто он, Олаф Шольц? // Международная жизнь. Дата публикации: 16.02.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33794> (дата обращения: 01.07.2022).*
 10. *Шольц: ФРГ по объективным причинам не может так же интенсивно помогать Киеву, как США // ТАСС: информационное агентство : офиц. сайт. Дата публикации: 03.07.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15111089> (дата обращения: 11.07.2022).*
 11. *Biden empfängt Scholz: «Zusammen im Kampf gegen die russische Aggression» // Spiegel Ausland. Date of publication: 07.02.2022. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/treffen-im-weissen-haus-us-praesident-joe-biden-und-bundeskanzler-olaf-scholz-betonen-verbundenheit-a-a9902b57-8c96-448f-99e9-e802887413da#ref=rss> (accessed: 12.06.2022).*
 12. *Brief zur deutschen Einheit, 12. August 1970 // Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen, Zehn Jahre Deutschlandpolitik, Bonn: Bundesmin. für innerdt. Beziehungen, 1980, S. 156–157.*
 13. *Bundeskanzler Olaf Scholz: Wir erleben eine Zeitenwende // Deutscher Bundestag: offiziellen Website. Date of publication: 27.02.2022. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kwo8-sondersitzung-882198> (accessed: 12.06.2022).*
 14. *Germany's Scholz urges free transit for Russian goods to Kaliningrad // Politico. Date of publication: 30.06.2022. URL: <https://www.politico.eu/article/olaf-scholz-urges-free-transit-for-russian-goods-to-kaliningrad/> (accessed: 07.07.2022).*
 15. *Kanzler Scholz. Deutschland hat bald größte konventionelle Nato-Armee in Europa // Spiegel. Date of publication: 31.05.2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-deutschland-hat-bald-groesste-konventionelle-nato-armee-in-europa-a-ab463e8f-2603-4ecd-b2be-8930d7d5fcd1> (accessed: 07.06.2022).*
 16. *Maas H. Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln // Spiegel. Date of publication: 21.08.2018. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html> (accessed: 04.07.2022).*
 17. *Madrid Summit Declaration // NATO+OTAN : website. Date of publication: 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=en (accessed: 07.07.2022).*
 18. *Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and Helmut Kohl // National Security Archive : official site. Date of publication: 10.02.1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16120-document-09-memorandum-conversation-between> (accessed: 1.07.2022).*
 19. *Merkel: Putin tritt das recht mit Füßen // <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/angela-merkel-kritisiert-putins-vorgehen-im-ukraine-konflikt-13270007.html> (accessed: 01.07.2022).*
 20. *Moskau droht mit Attaken auf westliche Politiker // Spiegel. Date of publication: 26.04.2022. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/ukraine-news-am-dienstag-spd-politiker-michael-roth-nennt-waffen-antrag-der-union-schaebig-a-27eb4941-a70b-4172-b20b-605e0c559b13> (accessed: 07.07.2022).*
 21. *Rogan T. Is Germany a Reliable American Ally? Nein // WSJ US. Date of publication: 23.01.2022. URL: https://www.wsj.com/articles/germany-reliable-american-ally-nein-weapon-supply-berlin-russia-ukraine-invasion-putin-biden-nord-stream-2-senate-cruz-sanctions-11642969767?mod=Searchresults_pos3&page=1 (accessed: 04.07.2022).*

22. *Scholz begrüßt Entzug von Schröders Privilegien* // BR24: Radiosender. Date of publication: 19.05.2022. URL: <https://www.br.de/nachrichten/meldung/scholz-begruesst-entzug-von-schroeders-privilegien,3004a9f4c> (accessed: 04.07.2022).
23. *Scholz zum G7-Abschluss*. Ohne «faire Vereinbarung mit der Ukraine» werden alle Sanktionen bleiben // Der TAGESPIEGEL. Date of publication: 28.06.2022. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/scholz-zum-g7-abschluss-ohne-faire-vereinbarung-mit-der-ukraine-werden-alle-sanktionen-bleiben/28457684.html> (accessed: 07.07.2022).
24. *Theveten E., Müller P., Stoll U.* Operation Rubikon. Wie BND und CIA die Welt belauschen // ZDF: webseite. Date of publication: 11.02.2020. URL: <https://www.zdf.de/politik/frontal/operation-rubikon-100.html> (accessed: 03.07.2022).

References

1. 'V Germanii vystupili za sokhraneniye Osnovopolagayushchego akta Rossiya — NATO' (Germany supported the preservation of the Russia-NATO Founding Act), 2022, *NEWS.ru*, 29 June, viewed 05 July 2022, <https://news.ru/europe/v-germanii-ne-hotyat-otkazvatsya-ot-osnovopolagayushchego-akta-rossiya-nato> (In Russ.)
2. 'Dogovor na otsrochku: zachem na samom dele Kiyevu byli nuzhny Minskiye soglasheniya' (Postponement agreement: why Kyiv did need the Minsk agreements), 2022, *RT na russkom*, 22 June, viewed 03 July 2022, <https://russian.rt.com/world/video/1017358-minskie-soglasheniya-merkel-nuland> (In Russ.)
3. Betmakayev, AM, Galaktionov, YuV & Bonvech, B (eds.) 2008, *Istoriya Germanii. V 3 t. (History of Germany. In 3 vols)*, vol. 2., Ot sozdaniya Germanskoy imperii do nachala XXI veka (From the creation of the German Empire to the beginning of the 21st century), KDU Publ, Moscow. (In Russ.)
4. 'Lavrov schitayet, chto v FRG vozrozhdayutsya «dominantnyye ustremleniya»' (Lavrov believes that "dominant aspirations" are reviving in Germany), 2022, *TASS*, 01 June, viewed 10 June 2022, <https://tass.ru/politika/14793611> (In Russ.)
5. Ogneva, AV 2022, 'Transatlanticheskiy vektor vneshney politiki FRG posle Trampa' (The transatlantic orientation of the German foreign policy after Trump), *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no 1, pp. 79–88. (In Russ.)
6. '«Protivnikov mira nuzhno iskat' v VPK SSHA»: V Germanii obnaruzhilis' dokumenty s zayavleniyami budushchego kantslera Shol'tsa' ("Enemies of peace must be sought in the US military-industrial complex": Documents with statements of the future Chancellor Scholz found in Germany), 2022, *Voyennoye obozreniye*, 15 January, viewed 03 July 2022, <http://militaryreview.ru/protivnikov-mira-nuzhno-iskat-v-vpk-ssha-v-germanii-obnaruzhilis-dokumenty-s-zayavleniyami-budushchego-kanclera-sholca.html> (In Russ.)
7. Putin, VV 2005, 'G. Shroder i mezhdunarodnaya politika' (G. Schroeder and international politics), *Prezident Rossii*, 30 November, viewed 03 July 2022, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/23309> (In Russ.)
8. Sokolov, A 2022, 'Tsennosti ili illyuzii: budushcheye rossiysko-germanskikh otnosheniy' (Values or Illusions: The Future of Russian-German Relations), *Rossiya v global'noy politike (Russia in Global Affairs)*, 06 April, viewed 01 July 2022, <https://globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/> (In Russ.)
9. Torin, A 2022, 'Kto on, Olaf Shol'ts?' (Who is Olaf Scholz?), *Mezhdunarodnaya zhizn' (The International Affairs)*, 16 February, viewed 01 July 2022, <https://interaffairs.ru/news/show/33794> (In Russ.)
10. 'Shol'ts: FRG po ob'yektivnym prichinam ne mozhet tak zhe intensivno pomogat' Kiyevu, kak SSHA' (Scholz: Germany, for objective reasons, cannot help Kyiv as intensively as the United States) 2022, *TASS*, 03 July, viewed 11 July 2022, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15111089> (In Russ.)
11. 'Biden empfängt Scholz: «Zusammen im Kampf gegen die russische Aggression»' 2022, *Spiegel Ausland*, 07 February, viewed 12 June 2022, <https://www.spiegel.de/ausland/treffen-im-weissen-haus-us-praesident-joe-biden-und-bundeskanzler-olaf-scholz-betonen-verbundenheit-a-a9902b57-8c96-448f-99e9-e802887413da#ref=rss> (In German)

12. 'Brief zur deutschen Einheit, 12. August 1970' 1980, *Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen, Zehn Jahre Deutschlandpolitik*, Bundesmin. für innerdt. Beziehungen, Bonn, pp. 156–157. (In German)
13. 'Bundeskanzler Olaf Scholz: Wir erleben eine Zeitenwende' 2022, *Deutscher Bundestag*, 27 February, viewed 12 June 2022, <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw08-sondersitzung-882198> (In German)
14. 'Germany's Scholz urges free transit for Russian goods to Kaliningrad' 2022// *Politiko*, 30 June, viewed 07 July 2022, <https://www.politico.eu/article/olaf-scholz-urges-free-transit-for-russian-goods-to-kaliningrad/>
15. Kanzler Scholz 2022, 'Deutschland hat bald größte konventionelle Nato-Armee in Europa', *Spiegel*, 31 May, viewed 07 June 2022, <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-deutschland-hat-bald-groesste-konventionelle-nato-armee-in-europa-a-ab463e8f-2603-4ecd-b2be-8930d7d5fcd1> (In German)
16. Maas, H. 2018, 'Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln', *Spiegel*, 21 August, viewed 04 July 2022, <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html> (In German)
17. 'Madrid Summit Declaration' 2022, *NATO+OTAN*, 29 June, viewed 07 July 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=en
18. 'Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and Helmut Kohl' 1990, *National Security Archive*, 10 February, viewed 01 July 2022, <https://nsarchive.gwu.edu/document/16120-document-09-memorandum-conversation-between>
19. 'Merkel: Putin tritt das recht mit Füßen' 2014, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 17 November, viewed 01 July 2022, <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/angela-merkel-kritisiert-putins-vorgehen-im-ukraine-konflikt-13270007.html> (In German)
20. 'Moskau droht mit Attacken auf westliche Politiker' 2022, *Spiegel*, 26 April, viewed 07 July 2022, <https://www.spiegel.de/ausland/ukraine-news-am-dienstag-spd-politiker-michael-roth-nennt-waffen-antrag-der-union-schaebig-a-27eb4941-a70b-4172-b20b-605e0c559b13> (In German)
21. Rogan, T 2022, 'Is Germany a Reliable American Ally? Nein', *WSJ US*, 23 January, viewed 04 July 2022, https://www.wsj.com/articles/germany-reliable-american-ally-nein-weapon-supply-berlin-russia-ukraine-invasion-putin-biden-nord-stream-2-senate-cruz-sanctions-11642969767?mod=Searchresults_pos3&page=1
22. 'Scholz begrüßt Entzug von Schröders Privilegien' 2022, *BR24: Radiosender*, 19 May, viewed 04 July 2022, <https://www.br.de/nachrichten/meldung/scholz-begruesst-entzug-von-schroeders-privilegien,3004a9f4c> (In German)
23. 'Scholz zum G7-Abschluss. Ohne «faire Vereinbarung mit der Ukraine» werden alle Sanktionen bleiben' 2022, *Der TAGESSPIEGEL*, 28 June, viewed 07 July 2022, <https://www.tagesspiegel.de/politik/scholz-zum-g7-abschluss-ohne-faire-vereinbarung-mit-der-ukraine-werden-alle-sanktionen-bleiben/28457684.html> (In German)
24. Theveßen, E, Müller, P & Stoll, U 2020, 'Operation Rubikon. Wie BND und CIA die Welt belauschen' *ZDF*, 11 February, viewed 03 July 2022, <https://www.zdf.de/politik/frontal/operation-rubikon-100.html> (In German)

Статья поступила в редакцию: 20.07.2022
Одобрена после рецензирования: 15.08.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 20.07.2022
Approved after reviewing: 15.08.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

РЕГИСТР КОММЕНТИРОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: КРЕАТИВНО-ЭМОЦИОГЕННЫЙ АСПЕКТ

**Людмила Юрьевна
Буянова**

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия,
lub_prof@mail.ru

Аннотация. В статье как основная проблема исследуются особенности семиотического и деривационно-когнитивного моделирования гетерогенных языковых структур, функционирующих в инновационном жанре разговорного комментария в Интернет-пространстве; анализ их эмотивного и деривационно-семиотического потенциала, обусловленного актуальностью тематики и аксиологической значимостью для коммуникантов-участников разговорного комментирования в сфере Интернет-коммуникации.

Целью работы является многоаспектное рассмотрение когнитивно-дискурсивных механизмов формирования и вербально-семиотического представления регистра комментирования в пространстве Интернет-коммуникации и специфики его деривационно-семиотических модуляций как фактора эволюции языка.

Научная новизна статьи заключается в разработке теоретических основ исследования инновационной Интернет-структуры – **жанра открытого разговорного комментирования**, представленного в пространстве Интернет-коммуникации особым типом текста – текста Интернет-комментария. Новым выступает систематизация и классификация групп Интернет-коммуникантов по базовым критериям; введение и дефинирование ряда новых понятий и терминов: *деривационно-семиотические модуляции; Интернет-картина мира (ИКМ); картины мира Интернет-коммуникантов (комментаторов); Интернет как виртуальный мегамир; текст Интернет-комментария; дискурс Интернет-комментирования* и другие.

Креативность языкового структурирования различных типов комментирующих текстов в интернет-коммуникациях зависит от степени новизны первичного информационного события (продукта), от экстралингвистических факторов, от уровня мастерства коммуникаторов, комментаторов, от вербально-семиотических и коммуникативно-прагматических средств, от степени сформированности речекоммуникативных «интернет-умений» в целом. Выявляются эмотиогенные, ментально-психологические и семиотико-деривационные механизмы конструирования различных видов (регистров) комментирования; классифицируются словообразовательные и вербально-семиотические характеристики структурных элементов комментирования как жанра. Текст комментария определяется как базовая единица целостного дискурса интернет-комментирования.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, деривационно-когнитивное моделирование, жанр разговорного комментирования, языковая личность коммуниканта, Интернет-комментатор, текст-комментарий, коммуникант-комментатор, оценка, информация.

Для цитирования: Буянова Л. Ю. Регистр комментирования в пространстве Интернет-коммуникации: креативно-эмотиогенный аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 44–53. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-44-53>

Сведения об авторе: Л. Ю. Буянова – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

Scientific Article
UDC 811.161.1'373
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-44-53>

COMMENT CASE IN SPACE OF INTERNET COMMUNICATION: CREATIVE AND EMOTIONAL ASPECT

Lyudmila Yu. Buyanova

Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
lub_prof@mail.ru

Abstract. As the main focus, the article investigates the peculiarities of semiotic and derivative-cognitive modeling of heterogeneous linguistic structures that function in the innovative genre of colloquial commentary in the Internet space; analyses their emotive and derivative-semiotic potential due to the topicality and axiological significance for the communicants participating in colloquial commentary in the Internet communication.

The aim of the work is a multidimensional consideration of the cognitive-discursive mechanisms of formation and verbal-semiotic presentation of the register of comments in the space of Internet communication and the specifics of its derivational-semiotic modulations as a factor in the evolution of language.

The scientific novelty of the article lies in the development of a theoretical framework for the study of the innovative Internet structure - **the genre of open conversational commentary** presented in the Internet communication space by a particular type of text - the text of the Internet commentary. What is new is the systematization and classification of groups of Internet communicators according to basic criteria; the introduction and definition of a number of new concepts and terms: “*derivational-semiotic modulations*”; “*Internet world view (IWV)*”; “*World views of Internet communicators (commentators)*”; “*Internet as a virtual megaworld*”; “*text of Internet commentary*”; “*Internet commentary discourse*” and others.

The creativity of the linguistic structuring of different types of commenting texts in Internet communications depends on the degree of novelty of the primary information event (product), on extralinguistic factors, on the skill level of communicators, commentators, on verbal-semiotic and communicative-pragmatic means, on the degree of formation of speech-communicative “Internet skills” in general. The article reveals emotiogenic, mental-psychological and semiotic derivational mechanisms of constructing different types (registers) of commentary; it classifies word-formation and verbal-semiotic characteristics of structural elements of commentary as a genre. The author defines the text of a commentary as the basic unit of a coherent discourse of Internet commenting.

Keywords: Internet communication, derivational-cognitive modeling, genre of conversational commenting, communicator's linguistic identity, Internet commentator, text-commentary, communicator-commentator, assessment, information.

For citation: Buyanova, LYu 2022, ‘Comment case in space of Internet communication: creative and emotional aspect’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 44–53, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-44-53> (in Russ.)

Information about the Author: *Lyudmila Yu. Buyanova* – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russia.

Введение

К началу XXI века в истории развития цивилизации произошло несколько информационных революций (модификаций общественных отношений из-за конверсии в сфере обработки информации), последняя из которых выдвигает на первый план инновационную отрасль — информационную индустрию, связанную с производством технических средств и разработкой уникальных методов для получения новых знаний, где ключевыми элементами становятся все виды современных информационных технологий, опирающихся на достижения в области компьютерной техники и средств связи. Бурное развитие компьютерных технологий послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего определение *информационного общества*, где деятельность отдельных субъектов всё в большей степени начинает зависеть от их информированности и способности эффективно использовать имеющуюся информацию [2].

Интернет (со всеми коммуникативными ресурсами в виде социальных сетей, чатов, блогов, рекламы и т.д.) как пространство Интернет-коммуникации выступает структурным компонентом особого интегративного социокультурного образования — **медиаферы**. Именно в медиафере фиксируются, интерпретируются и транслируются разнообразные по тематике информационные потоки, отражающие самые актуальные современные реалии в политике, экономике, международных отношениях, культуре, бизнесе, медицине, науке, образовании и т.д. Проблема определения понятия медиаферы по-разному решается в отечественной и зарубежной науке. Сами однокоренные понятия «медиапространство», «медиасреда», «медиаполе», «медиафера» стали функционировать в отечественном масс-медийном дискурсе относительно недавно, пока ещё не приобрели отчётливого смыслового наполнения и чаще всего используются в качестве синонимов. Генетически первым понятием, на основе которого стало интерпретироваться понятие «медиафера», является понятие «информационное пространство». Само понятие «сфера» одним из значений характеризуется следующим образом: область; среда; пределы распространения чего-либо.

Таким образом, медиафера — это основное коммуникативное пространство, информационное ядро социальной жизни, в которой осуществляется конструирование социально значимой проблематики.

В эпоху глобализации важнейшими свойствами феномена коммуникации становятся её тотальность, высокая скорость протекания, многожанровость, вербально-семиотическая лаконичность, стилистическая лапидарность, эмоциогенность и непрерывность. В связи с этим необходимо многоаспектное рассмотрение когнитивно-дискурсивных механизмов формирования и вербально-семиотического представления регистра комментирования в особой коммуникативной сфере — в пространстве Интернет-коммуникации, изучение типов и функций его деривационно-семиотических модуляций как одного из факторов эволюции языка.

Исследование указанных аспектов открывает возможность применения его результатов в дальнейших разработках проблем современной Интернет-коммуникации, типологии текста, дискурса Интернет-комментирования; в лекционных и специальных курсах по теории языка, семиотике, теории текста, типологии текста, дискурсологии, функциональной дериватологии, по лингвистике эмоций, психолингвистике, психологии личности и др. при преподавании в вузе, при подготовке специалистов высшей школы, магистрантов, аспирантов.

Материалы и методы

Материалом исследования выступают различные по тематике и жанрам тексты комментариев, взятые из Интернет-пространства.

Основными методами выступают описательный метод синхронного анализа и контент-анализ; применён социопсихологический подход к установлению прямой зависимости вербально-семиотического содержания и модальности текста Интернет-комментирования от семиотических навыков, психологичности и эмоциогенности языковой личности-комментатора; также использованы методы дефиниционного анализа; дискурс-анализа; текстологический метод; социолингвистические и психолингвистические методики анализа.

Обсуждение

В XXI веке в условиях нынешней виртуализированной информационно-технологической реальности, отличающейся модернизацией и глобализацией коммуникационных и компьютерных направлений, непрерывно развивается и модифицируется особенно интенсивно сфера коммуникативных процессов, сфера Интернет-коммуникации. В современную эпоху перехода к «информационному» обществу, главным национальным ресурсом во всех областях жизни личности и социума становится информация. В рамках такого подхода *коммуникация* определяется как процесс взаимообмена коммуникантами, то есть коммуницирующими личностями, информационными ресурсами, информацией в самом широком понимании этого термина.

В основе любого вида знания, в том числе медийного, лежит понятие информации. Термин «информация» имеет в настоящее время множество значений, что свидетельствует о его широчайшей востребованности почти во всех областях человеческой деятельности:

- 1) ядро и материя коммуникации и средство связи информационно-коммуникационных отношений;
- 2) это взаимонаправленный обмен сведениями между людьми, между человеком и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму;
- 3) это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе приспособления к нему чувств человека. Процесс получения и использования информации – это процесс приспособления человека к случайностям внешней среды и к особенностям жизнедеятельности в этой среде;
- 4) это сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чём-либо, передаваемые людьми другим реципиентам;
- 5) это совокупность математических концепций и теорем, дающих возможность оценить количество информации, содержащейся в том или ином сообщении, определить пропускную способность каналов связи, используемых для передачи сообщений;
- 6) **социальная** информация в широком смысле включает всю совокупность информации о социуме: экономическую, правовую, политическую, торговую, коммерческую и т.д. В узком смысле – это информация, отражающая состояние социальной и политической сферы жизнедеятельности общества, социальную политику государства, социальную деятельность и отношения в обществе. Именно социальная информация представляет собой связующее звено в коммуникации общественного бытия и сознания. Таким образом, в этом смысле понятие информации приравнивается к понятию коммуникативно обусловленного знания.

Интернет-коммуникация в настоящее время являет собой один из самых востребованных и многофакторных по своим техническим и семиотико-символьным возможностям видов массовой коммуникации. По определению А. В. Олянич, массовая коммуникация отражает широкое понимание сферы общения, а не только процесс; которое включает в себя идею сообщения (информационный аспект) и идею воздействия (управленческий аспект). Процесс массовой коммуникации опосредован,

так как осуществляется при помощи технических средств (телефон, телетекст, теле-тайп и т. д.) [6].

Сегодня является аксиомой положение о том, что Интернет представляет собой средство и пространство глобальной коммуникации, для которой не существуют никакие границы. Более того, Интернет объединяет мировые информационные ресурсы в единое коммуникационно-коммуникативное целое. Есть все основания интерпретировать глобальную Интернет-конструкцию как **Интернет-картину мира (ИКМ)**, то есть такую картину мира, которая являет собой «**модель**, отражающую действительность; представление о мире, включающее в себя мировоззрение; системное и схематическое образование, упорядочивающее мировоззрение» [8, с. 2], выступает специфической «... системой представлений о мире и месте человека в нем» [9, с. 3]. По отношению к ИКМ можно считать логичным высказывание о том, что картина мира «призвана дать нам целостное представление о мире», что она представляет собой условие «селекции, верификации и легитимации выдвигаемых гипотез и выстраиваемых теорий. ... этот термин несет на себе знаки своеобразного "двойного кодирования", с одной стороны, собирая хаос в целостность, а, с другой стороны, приглашая к сомнению в эффекте этой целостности» [7, с. 22].

При исследовании вербально-семиотических и ментально-когнитивных особенностей Интернет-коммуникации представляет научный интерес анализ **картины мира Интернет-коммуникантов**, так как каждый участник массовой коммуникации обладает свойственной только ему индивидуальной картиной мира. Если в широком – общечеловеческом – социокультурном аспекте многие картины мира Интернет-коммуникантов могут быть более или менее близки, то, учитывая их различные национальности и разные языки, различные психологические и социально-культурные профили, особенности условия жизни в разных странах мира и т.п., следует отметить безусловную специфику языкового, символического и знакового оформления и структурирования картины мира каждого из Интернет-коммуникантов. В данном аспекте целесообразно классифицировать группы Интернет-коммуникантов по 1) их языковому статусу; 2) стране проживания; 3) этническому критерию; 4) культурно-образовательному уровню; 5) образу жизни; 6) конфессиональной принадлежности; 7) гендерному статусу; 8) профессиональному статусу; 9) семейному положению; 10) по возрасту; 11) материальному положению; 12) социальному статусу и др. Все отмеченные критерии обуславливают специфику и различие регистров комментирования в условиях Интернет-коммуникации. Соответственно, различные типы коммуникантов продуцируют следующие базовые **виды текстов-комментариев** в Интернет-коммуникативном пространстве: 1) комментарий-исповедь; 2) комментарий-воспоминание; 3) комментарий-прогноз; 4) комментарий-оценка; 5) комментарий-поддержка; 6) комментарий-критика; 7) комментарий-рассуждение; 8) комментарий-описание; 9) комментарий-нравоучение/нотация; 10) комментарий-шутка; 11) комментарий-рассказ; 12) комбинированный комментарий.

Эволюция Интернета как глобального транснационального коммуникативно-информационного, коммуникационно-технологического и рекламно-агитационного системного суперконструкта, как **виртуального мегамира** обусловила уточнение некоторых понятий и терминов. Так, при определении понятия «**комментарий**» в словарях уже появилась новая для лексикографических толкований специальная информация о его функции по отношению к Интернету: комментарий – «(от лат. *commentarius* – заметки, записки, толкование) – пояснения к тексту, рассуждения, замечания о чём-либо или в **Интернете** – к посту (сообщению)» [3]. Этимонами к слову «комментарий» выступают также глаголы интеллектуальной деятельности «думать», «размышлять», «обдумывать», «вспоминать», «помнить», которые входят в языковую структуру современных разговорных Интернет-комментариев. Весьма частотны

в них такие вводные конструкции, которые отражают когнитивные механизмы мыслительной деятельности комментаторов, их личностный житейский опыт, основанный на реалиях проживаемой жизни. Например, высказывая оценку и своё личное отношение к интересующей в комментарии информации, за которой стоит реальное событие, явление, случай, факт и т.д., коммуникант-комментатор почти во всех случаях употребляет конструкции *Я думаю, что...*; *Я помню, что...*; *Размышляя об этом, я думаю, что...*; *Считаю, что...*; *Думаю, что...*; и так далее (анализ осуществляется на материале российского сегмента Интернета). В первую очередь в таких языковых построениях ощущается настоятельная потребность репрезентировать социуму своё «Я», у коммуниканта имеется необходимость транслировать через текст личностный смысл и оценку конкретного информационного события, заложенного в тексте комментария.

По наблюдениям психологов и психолингвистов, для каждого человека всегда важнее, чтобы именно его услышали, выслушали, поняли, чем он сам кого-то услышит и поймёт. Разговорный жанр Интернет-комментирования почти идеально подходит для этих целей, поэтому очень многие комментарии отличаются повышенной эмоциональностью и эмоциогенностью, яркой выразительностью, языковой креативностью, то есть такими свойствами, которые отражают духовно-психологическое состояние конкретной языковой личности-коммуниканта.

Текст-комментарий отражает виртуально диалогизированное «переплетение» личных мнений, мыслей, размышлений, воспоминаний другого/других/всех коммуникантов, участвующих в процессах Интернет-комментирования. С учётом опоры на тексты, созданные ранее, каждый текст-комментарий осуществляет когнитивную и тематическую связь между предыдущим и последующим (новым) информационным фрагментом. В пространстве Интернет-коммуникации текст комментария объективирует мыслительно-коммуникативную деятельность комментатора, в силу чего его структура отражает логико-аргументативные взаимокорреляции между коммуникативными действиями, представляя собой особую ментально-лингвистическую структуру. Следует отметить, что кардинальным лингвистическим параметром текста комментирования выступает его семиотичность, актуализирующая в своих референциях социально-культурную эволюцию общества. В Интернет-пространстве одним из актуальных и оптимальных способов диалогического взаимодействия между коммуникантами-комментаторами выступает фактор обратной связи.

Текст-комментарий представляет собой личностно окрашенную форму общения людей, то есть речемыслительную процедуру интерперсонального характера. По этому признаку мы соотносим данный тип текста с **дискурсом**: в антропологической парадигме современной науки установлено, что дискурсивные явления «имеют место и время в особой среде, какой оказывается социально-психологическое, а не только чисто физическое пространство» [10, с. 48]. Как считает Е. С. Кубрякова, «нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления. ... Но нет таких текстов, которые не явились бы конечным итогом **дискурсивной**, то есть социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности» [5, с. 516].

Коммуникативное пространство текста-комментария представляет собой реальное и виртуальное пространство реализации процессов общения и взаимодействия его субъектов, это среда функционирования личностной информации, её объективно-субъективных смыслов, значений и интерпретаций.

Интерпретация Интернет-комментирования как особого рода дискурсивного образования опирается на такие его свойства и признаки, как функциональная направленность на взаимодействие между людьми посредством языка; текст-коммен-

тирование создаётся в процессе именно дискурсивной (речевой) деятельности; использование языка в соответствующих дискурсивных практиках осуществляется с особыми целями – передать коммуниканту особую – **личностную** – модальность и ментальность; текст-комментарий как отражение жизненных реалий и опыта (погружение в жизнь) представляет собой вербализованный компонент, фрагмент определённой социальной деятельности коммуникантов. Можно сказать, что за каждым текстом-комментарием «стоит дискурсивная деятельность отдельного человека» [5, с. 528]. Диалогичность текстов-комментариев следует рассматривать как интеракциональность, что является одним из базовых признаков дискурса.

Неисчислимо многообразие и разнообразие текстов комментариев в пространстве Интернет-коммуникации можно обозначить как **вербально-речевой континуум**, отражающий совокупностью своих смысловых, ментально-мировоззренческих и понятийно-когнитивных модуляций многообразие и гетерогенность сформированных в сознании каждого из Интернет-комментаторов образов реального мира. Исследуемый материал показывает справедливость и точность устоявшихся стереотипов мышления и паремиологических констант культуры о том, что *сколько людей – столько и мнений; на вкус и цвет товарищей нет* и тому подобные. Этот актуальный фактор коммуникации необходимо всегда учитывать, чтобы не допустить речевой агрессии в процессах комментирования как разговорного акта. При комментировании актуализируется изначально заложенная в человеке способность интерпретировать новую информацию (новое знание) через имеющееся знание как информационный конструкт, а также комбинировать новые структуры знания, переводя их в информационный регистр. Таким образом, со смысловой, семантической, грамматической, деривационной и композиционной структурой текста Интернет-комментария напрямую соотнесены его стилевые, стилистические и идиостилистические параметры. Каждый подобный текст обнаруживает конкретную функционально-стилевую векторность, обладая вербально-семиотическими и речезанровыми свойствами, обусловленными целевой и тематической направленностью. С учётом специфики комментирования как коммуникативного процесса следует отнести текст-комментарий к **полиадресатным** текстам, так как Интернет-комментирование осуществляется либо по т.н. «**цепочечному**» принципу (комментирование по порядку, по определённой последовательности), либо по принципу «**косички**», когда на 1-й комментарий отвечает второй коммуникант, на 2-ой комментарий отвечает опять первый, а уже на его комментарий – третий коммуникант и так далее, то есть каждый последующий комментарий как бы вплетается в общее коммуникативное процессуальное целое.

В типологии текстов теоретическая разработка важнейших параметров и аспектов **текста Интернет-комментария** как отдельного жанра ещё не закончена, не определены многие его важнейшие структурно-смысловые элементы. По нашим наблюдениям, тексты этого вида следует отнести к текстам **разговорного** жанра по следующим признакам: 1) выражает преимущественно обиходный тип мышления; 2) наличие элементов «сжатого», как бы свёрнутого синтаксиса; 3) наличие фразеологизмов, пословиц, поговорок, устойчивых сравнений, крылатых фраз и высказываний афористического характера; 4) часто преобладает негативно окрашенная оценочная лексика; 5) наличие просторечий, диалектизмов, обиходно-бытовой лексики, бранной лексики; 6) наличие эмотивной лексики разных частей речи, особенно междометий; 7) отсутствие в синтаксической структуре причинно-следственных связей; 8) наличие неполных предложений разных типов; 9) наличие слов-обращений, слов-предложений, повторов; и др. Например, 1) в тексте-комментарии по поводу проблемы поста «**Не супруги, но друзья: звезды, которым удалось мирно разойтись**» присутствует выражение афористического характера «*Женщина обычно ищет что-то лучшее, мужчина – что-то новое*»; «*Русский авось наше всё?*»; 2) во многих

текстах-комментариях по поводу актуальной проблемы поста **«Живёт со мной, любит другую»** также имеются тематически обусловленные фразеологические и афористические высказывания с оценочной коннотацией, отражающие жизненный опыт и эмоциональное состояние Интернет-комментаторов: *«Хорошие мужья на дороге на валяются»*; *«Лучше проверенная жена, чем новая баба»*; *«Любовь вообще большая иллюзия»*; *«Сердцу не прикажешь»*; *«Радуйтесь тому, что есть»*; *«Ваш поезд ушёл»*; *«Любовь приходит и уходит»*; *«Как сырок в масле катаются»* (трансформация лексических компонентов ФЕ с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов); 3) присутствуют в этих текстах также эмоционально окрашенные устойчивые речения преимущественно просторечного характера, иногда трансформированные: *«ну хоть ты тресни»*; *«ей по барабану»*; *«живите на полную катушку»*; *«голову морочит»*; *«скоро он Вам лапши на уши навешает»*; *«кривая вырулит»* и др.; 4) встречаются экспрессивно-образные лексические единицы прямой негативной оценки человека: *мужики – козлы*; *троль*, *дура*, *дурочка*, *эстрогеновые мужикашки*; *понтыриц*, *терпила*, *самец* и др.

Результаты

Итак, Интернет-коммуникация, особенно в регистре разговорного комментирования, отражает стремление членов социума к взаимопониманию. В узком значении понятия коммуникации американские исследователи Г. Адлер и А. Годман определяют её как контакт типа «лицом к лицу», считая, что коммуникация – это процесс обмена символами [1; 4].

В результате установлено, что креативность языкового структурирования различных по типу текстов комментариев в Интернет-коммуникации зависит от степени новизны первичного информационного события (продукта), от экстралингвистических факторов, от уровня владения коммуникантами-комментаторами вербально-семиотическим и коммуникативно-прагматическим инструментарием, от степени сформированности рече-коммуникативных «интернетных» навыков в целом. Раскрыты эмоциогенные, ментально-психологические и семиотико-деривационные механизмы оформления различных типов (регистров) комментирования; классифицированы деривационные и вербально-семиотические характеристики структурных элементов комментирования как жанра; установлено, что текст-комментарий выступает базовой единицей целостного дискурса Интернет-комментирования.

Тексты-комментарии в Интернет-пространстве характеризуются особой экспрессивностью, эмоциональностью, глубокой личностной тональностью выражения своего мнения. Установлены также специфические деривационно-семиотические модуляции регистра Интернет-комментирования, отражающие современные тенденции «разговорной» окказионализации и языковой креативности текстов комментирования.

Так, в Интернете в текстах комментариев при обсуждении весьма актуальной темы **«В школах хотят полностью запретить мобильники»** выявлены следующие типы деривационно-семиотических модуляций: 1) разговорно-окказиональные лексические деривационные инновации – *игрульки*, *звонилка* (в знач. телефон мобильный), *мобилка*, *развлекуха*, *распиарили* (неадекватных учителей); *беззвучка*, *бестелефонное детство*, *гаджетозависимость*, *обинформировались* (прямо все); *контролезависимость*, *телефонозависимость*, *болванчик* и мн.др.; 2) семантико-смысловые образно-оценочные фразовые инновации: *«шея параллельна полу»*; *«спина бубликом»*; *«дети прозомбированы насквозь»* и др.; 3) фразеологизированно-афористические модуляции: *«Бестолковая работа хуже пьянства»*; *«Чужую беду рукой разведу»* и др.

Деривационно-семиотические модуляции в своей совокупности выступают знаковым признаком, языковыми маркерами именно текстов Интернет-комментирования в силу своей окказиональности, образности, эмоциональности, разговорного характера используемых вербальных единиц, когда можно свободно говорить и обсуждать наболевшее, например: а) *направлялка, понтыриц, бохато, пофигисты-замарашки, тролляки, симпатизант(ы)* и др.; б) «*Враньём попахивает от этих хэпиэндов*» и др.; в) *пятидетная семья, упоротые размноженцы* и многие другие примеры.

Каждый текст Интернет-комментария (ТИК) отражает характерные мировоззренческие, ментально-когнитивные, креативные, оценочные, вербально-семиотические, деривационные и аксиологические доминанты индивидуальной деятельности в сфере разговорного жанра комментирования каждого из участников Интернет-коммуникации. Данный тип текста представляет собой не только коммуникативное пространство, но и **семиотическое** пространство, репрезентирующее совокупностью интегрированных смыслов и ассоциаций особенности языкового сознания и мышления автора-комментатора.

В пространстве Интернет-коммуникации существует относительная вариативность понимания и интерпретации содержания различных видов текста-комментария коммуникантами-участниками разговорного комментирования. Это обычно связано с личностно-когнитивными и личностно-психологическими особенностями воспринимающего информацию и комментарий субъекта, его интересом к обсуждаемой тематике проблемы; обуславливается её аксиологической значимостью для коммуниканта, а также личностными целями и мотивами, побудившими обратиться к данному тексту-комментарю.

Список источников и литературы

1. Адлер Г. Маркетинг будущего: диалог сознаний. Общение с потребителями в XXI веке. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 448 с.
2. Буянова Л. Ю., Завалей Е. Г. Паралингвистическое поле языка информационных технологий // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 350–356.
3. Комментарий // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=692014&oldid=123159285> (дата обращения: 17 августа 2022 г.).
4. Годман А. Коммуникатра Йога. Коммуникация без лжи и конфликтов. М.: Русский язык, 2011. 342 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
7. Сыров В. Н. Значение «картины мира» в современной науке и философии // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всероссийской междисциплинарной научной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука». Томск: ТГУ, 2002. С. 4–28.
8. Хуторянская А. Д. Картина мира в гуманитарной науке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 204–208.
9. Хуторянская А. Д. Картина мира в современной гуманитарной науке // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 2. С. 91–97.
10. Harre R., Gillet G. The discursive mind. London: SAGE Publications, Inc. 1994. 192 p. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781452243788>.

References

1. Adler, G 2003, *Marketing budushchego: dialog soznaniy. Obshcheniye s potrebitelyami v XXI veke (Marketing of the Future: Dialogue of Consciousness. Communication with consumers in the 21st century)*, FAIR-PRESS Publ, Moscow. (in Russ)
2. Buyanova, LYu & Zavaley, EG 2010, 'Paralinguistic field of the language of information technologies' (), (*Language. Text. Discourse: Scientific almanac*), no. 8, pp. 350–357. (in Russ)
3. 'Kommentariy', *Vikipediya: svobodnaya entsiklopediya (Wikipedia, the free encyclopedia)*, viewed 17 August 2022, <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9> (in Russ)
4. Godman, A 2011, *Kommunikatра Yoga. Kommunikatsiya bez lzhi i konfliktov (Communication Yoga. Communication without lies and conflicts)*. Russkiy yazyk Publ, Moscow. (in Russ)
5. Kubryakova, ES 2004, *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii (Language and knowledge: Acquiring knowledge of language. The role of the language in understanding the world)*, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ, Moscow. (in Russ)
6. Olyanich, AV 2007, *Prezentatsionnaya teoriya diskursa : monografiya (Presentation theory of discourse: monograph)*. Gnosis Publ, Moscow. (in Russ)
7. Syrov, VN 2002, Znachenіye «kartiny mira» v sovremennoy nauke i filosofii (The meaning of the "picture of the world" in modern science and philosophy), in *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty : materialy Vserossiyskoy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy shkoly molodykh uchonykh «Kartina mira: yazyk, filosofiya, nauka» (Worldview: models, methods, concepts: Proceedings of the All-Russian interdisciplinary scientific school of young scholars "Picture of the world: language, philosophy, science")*, 1-3 November 2001, Tomsk, TSU publ, Tomsk, pp. 4–28. (in Russ)
8. Khutoryanskaya, AD 2010 'Kartina mira v gumanitarnoy nauke' (Picture of the world in the humanities), *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 1, pp. 204–208. (in Russ)
9. Khutoryanskaya, AD 2010, 'Kartina mira v gumanitarnoy nauke' (Picture of the world in the humanities), *Povolzhskiy torgovo-ekonomicheskiiy zhurnal*, no 2, pp. 91–97. (in Russ)
10. Harre, R & Gillet, G 1994, *The discursive mind*. SAGE Publications, London. doi: <https://dx.doi.org/10.4135/9781452243788>

Статья поступила в редакцию: 30.05.2022
Одобрена после рецензирования: 23.07.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 30.05.2022
Approved after reviewing: 23.07.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Научная статья
УДК 372.881.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-54-66>

НОВАЯ ЛЕКСИКА ЭПОХИ ПАНДЕМИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

**Анастасия Вячеславовна
Коренева¹**

**Нина Николаевна
Бычкова²**

^{1,2} Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия,

¹ korenevaanast@mail.ru,

² ninette27@yandex.ru

Аннотация. В статье утверждается, что на современном этапе развития лингводидактики весьма актуально включать в обучающий процесс по иностранному языку современные неологизмы. Приведены результаты комплексного анализа неологизмов английского языка в материалах английских СМИ за 2020–2022 годы, в ходе которого удалось выявить 289 новых слов. Более подробно охарактеризована ковид-лексика, которая активно пополняла язык во время пандемии коронавирусной инфекции. Описана ее семантика, определены словообразовательные особенности. Проведено сопоставление ковид-лексики английского и русского языков, выявлены сходные черты новых слов как на словообразовательном, так и на семантическом уровнях. Доказано, что неологизмы оперативно отражали все изменения, которые произошли в жизни людей в связи с внезапной вспышкой COVID-19. В статье характеризуется также лингводидактический потенциал современных неологизмов при изучении иностранного языка. Описан учебный словарь английского языка коронавирусной эпохи для обучающихся и учителей, составленный на основании результатов лингвистического исследования. С целью оперативного пополнения словарь имеет не только печатную, но и электронную версию. Он содержит информацию о части речи, исчисляемости существительного, толкование на русском и английском языках. Для передачи звукового облика слова приводится транскрипция неологизмов.

Ключевые слова: неологизмы, русский язык, английский язык, ковид-лексика, учебный словарь, короновирусная эпоха, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Коренева А. В., Бычкова Н. Н. Новая лексика эпохи пандемии в английском и русском языках: лингвистические и лингводидактические аспекты // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 54–66. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-54-66>.

Сведения об авторах: А. В. Коренева – профессор, доктор педагогических наук, Мурманский арктический государственный университет, 183038, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15.

Н. Н. Бычкова – магистрант, Мурманский государственный арктический университет, 183038, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15.

Scientific Article
UDC 372.881.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-54-66>

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF REGIONAL MEDIA TEXTS IN THE STUDY OF NEOLOGISMS IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

*Anastasia V. Koreneva*¹

*Nina N. Bychkova*²

^{1, 2} Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russia,
¹ korenevaanast@mail.ru,
² ninette27@yandex.ru

Abstract. The article argues that at the present stage of development of linguodidactics it is highly relevant to include modern neologisms in the foreign language teaching process. The paper presents the results of a comprehensive analysis of the English language neologisms in the materials of the English media for 2020–2022, which identified 289 new words. The article describes in more detail the covid vocabulary, which actively enriched the language during the coronavirus pandemic. The paper describes its semantics and identifies word-formation features. The authors compare the covid-vocabulary of the English and Russian languages, identifying similar features of new words both on the word-formation and semantic levels. The study proves that the neologisms promptly reflect all the changes that have taken place in people's lives due to the sudden outbreak of COVID-19. The article also characterizes the linguodidactic potential of modern neologisms in a foreign language learning. It describes a covid-era English learning dictionary for learners and teachers, based on the results of a linguistic study. For the purpose of fast updating, the dictionary has not only a printed version, but also an electronic one. It contains information about the part of speech, countability of nouns, definitions in Russian and English. A transcription of neologisms is given to convey the sound appearance of the word.

Keywords: neologisms, Russian language, English language, covid-vocabulary, educational dictionary, coronavirus era, intercultural communication.

For citation: Koreneva, AV & Bychkova NN, 2022, 'Linguodidactic Potential of Regional Media Texts in the Study of Neologisms in the Lessons of Russian as a Foreign Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 54–66, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-54-66> (in Russ.)

Information about the Authors: *Anastasia V. Koreneva* – Associate Professor, Doctor of Science (Pedagogy), Murmansk Arctic State University, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, 183038, Russia.
Nina N. Bychkova – Student, Murmansk Arctic State University, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, 183038, Russia.

Введение

При изучении иностранного языка новая лексика представляет большой интерес, но и большую трудность. Чтение текстов общественно-политического характера, в которых освещаются актуальные события, поиск такой информации в интернете, обсуждение в блогах требуют серьезной языковой работы, которая не будет эффективной без понимания значений неологизмов. В связи с этим на занятиях целесообразно и даже необходимо изучать новейшие неологизмы изучаемого языка.

Это тем более актуально, так как в последние десятилетия лингвисты наблюдают дестабилизацию лексического фонда, обусловленную, прежде всего, экстралингвистическими факторами: в актив переходят слова, находившиеся ранее в пассиве, и, наоборот, теряют свою актуальность целые пласты лексики, некогда пользовавшиеся популярностью. «В эпоху всеобщей информатизации, конвергенции и глобализации общества язык очень быстро аккумулирует социальные и культурно-исторические явления» [10, с. 155], вследствие чего происходит его активная неологизация.

Как отмечает М. А. Кронгауз, «в последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь» [4, с. 155]. Активно пополняется и английский язык, который считается рекордсменом по обогащению словаря за счёт создания и заимствования новых слов. Согласно исследованиям, проведённым Global Language Monitor, в английском языке каждые 98 минут рождается новое слово.

События начала 20-х годов XXI века, связанные с короновирусной инфекцией, ознаменовали новый «неологический взрыв», «бум словотворчества» как в русском, так и в английском языках, который, привёл к созданию целого пласта лексики – COVID-лексики. Именно 20-е годы XXI стали предметом нашего исследования.

Цели исследования

Цель исследования состоит в отборе новейших неологизмов 20-х годов XXI века, в их семантическом описании и в определении их лингводидактического потенциала при изучении английского языка. Необходимо было: 1) выявить и проанализировать новейшие неологизмы 20-х годов XXI века в текстах современных английских СМИ; 2) определить социокультурную специфику новой лексики эпохи пандемии в английском и русском языках; 3) на основании полученных данных составить учебный словарь английского языка короновирусной эпохи; 4) разработать методические приемы и упражнения, направленные на усвоение современных неологизмов английского языка.

Методы исследования

Реализации поставленных целей способствовало применение таких методов, как компонентный анализ и контент-анализ; квантитативный метод; методы направленной выборки, статистического анализа и компьютерной обработки данных; метод лексикографического описания;

Результаты исследования и их обсуждение

В последнее десятилетие появилось немало публикаций по проблемам функционирования новейших неологизмов английского языка [2, 7]. Однако статей, где бы предлагался комплексный анализ лексики эпохи пандемии, нами пока не выявлено.

На первом этапе исследования мы проанализировали публикации таких британских и американских интернет-изданий, как BBCnews [11], The conversation [13], Cambridge Independent [14], The times [16], Glamour [17], The guardian [18] и др. с января 2020 года по апрель 2022 года. В результате их изучения было выявлено 289 английских неологизмов. Уточним, что вслед за другими учеными в области лексикологии [3, 6, 8] мы понимаем под неологизмами как собственно новые, впервые

образованные или заимствованные слова, так и слова, известные в языке ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, или ушедшие из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными. Для выявления неологизмов и определения их семантики в ряде случаев нами использовался такой авторитетный справочный источник, как Cambridge dictionary [16], применялся также British National Corpus [12]. При этом мы, разумеется, учитывали, что в современную эпоху, когда скорость появления новых слов значительно выше, чем прежде, словари нередко «опаздывают» с регистрацией неологизмов или включают слова, уже утратившие данный статус [5].

В ходе работы было выделено девять идеографических (тематических) групп: «Общество. Взаимоотношения»; «Экономика»; «Здоровье. Спорт»; «Образование и работа»; «Досуг и увлечения (музыка, чтение; покупки и др.)»; «Путешествия. Транспорт»; «Интернет. Инновации»; «Природа. Экология»; «Covid-19». В основу выделения данных групп (исключая последнюю) были положены тематические блоки, которые содержатся в рабочих программах по изучению английского языка как иностранного в образовательных учреждениях РФ. Обращение к рабочим программам обусловлено тем, что помимо изучения лингвистических и социолингвистических особенностей новой лексики мы пытались определить ее лингводидактический потенциал при изучении английского языка.

Охарактеризуем результаты исследования. Количественное распределение слов по указанным группам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Идеографические группы неологизмов

Идеографическая группа	Количество новых слов
Общество. Взаимоотношения	70
Экономика	14
Здоровье. Спорт	52
Образование и работа	36
Досуг и увлечения (музыка, чтение; покупки и др.)	52
Путешествия. Транспорт	15
Интернет. Инновации	23
Природа. Экология	45
Covid-19	154

Поскольку самой многочисленной идеографической группой, включающей, что очень важно, лексику из всех остальных тематических блоков, оказалась COVID-19, было принято решение провести более подробное исследование именно данной группы неологизмов.

Ковид-лексика уникальна и заслуживает отдельного внимания по ряду причин, например:

- скорость появления (создания) неологизмов в период пандемии оказалась беспрецедентной; естественные для языка процессы появления новых слов стали происходить лавинообразно;

- данный процесс отличался синхронностью для многих языков мира, что стало возможным вследствие глобализации и массового развития и использования ИКТ, в т.ч. сети Интернет.

Действительно, вызванные коронавирусом процессы, происходящие в русском и английском языках, являются редкими в истории. Такой «лингвистический «пир», который происходил на страницах СМИ и Интернета во время «чумы XXI века», такая лингвопсихологическая реакция на пандемию COVID-19 и особенно – на обусловленные ею карантин и самоизоляцию, безусловно, заслуживают целенаправленного изучения [9, с. 5].

Как уже говорилось выше, пандемия повлияла на все сферы жизни общества, в результате чего ковид-лексика встретила почти во всех тематических группах, выделенных нами ранее (исключение «Природа. Экология»). Результаты исследования представлены на рисунке 1.

Идеографические группы ковид-лексики английского языка

Рис 1. Идеографические группы ковид-лексики английского языка

Приведем примеры ковид-лексики из разных тематических групп с указанием общего количества слов в той или иной группе.

Общество. Взаимоотношения (71 неологизм): *covidivorce, coronadivorce, panpanic, plandemic, social recession, spendemic, Zoombombing, zumping, quarantine, coronial, social bubble, corona corridor, covexit, Blursday, microwedding, revenge spending, air bridge, double bubble, anthropause, quaranteam, lockstalgia, skin hunger, lockdown tache, anti-masker, minimony, vaccine hunter, scariant, flexcation, home separation anxiety, social hangover, re-entry anxiety.*

Экономика (6 неологизмов): *shecession, the Great Resignation, returnment, COVIDollar, coronomics, coronabonds.*

Здоровье (40 неологизмов): *teletherapy, cleanliness theatre, long Covid, maskne, Covid toe, twindemic, coronasomnia, coronacoaster, vaccine stamp, headline stress disorder, vitamin S, flurona, supercold, coronavision, V-day, lockdown foot, bungalow leg, happy hypoxia, herd immunity, covidarium, covidologist, corona, kung-flu, pandemic, panicdemic, self-isolation, superspreade.*

Образование и работа (11 неологизмов): *boffice, super forecaster, flexi-schooling, microschoool, air curtain, adaptability quotient, space marshal, hyflex, medfluencer, pivot space, cloffice*

Досуг и увлечения (19 неологизмов): *workation, schoolcation, live shopping, quarantini, coronarita, covideo, above-the-mask, Zoomwear, dog-sharing (dog*

sharing), *doomsurfing*, *doomscroller*, *doomscrolling*, *doomscroll*, *zombie*, *quarantail*, *Quarantino*, *coronaoke*, *rocrastibaking*, *trikini*

Путешествия. Транспорт (3 неологизма): *revenge travel*, *homecation*, *Vaxi Taxi*

Интернет. Инновации (4 неологизма): *digital republic*, *virtual commute*, *quaranstream*, *zoomification*.

Количественное распределение слов по группам отражает использование неологизмов именно в тех сферах, где появляется большее количество новых явлений, а значит, понятий. Самое большое количество новых слов в группе «Общество. Взаимоотношения» обусловлено тем, что во время пандемии возникли существенные трудности во взаимодействии. Люди, привыкшие проводить много времени с друзьями, родными и близкими, оказались в ситуации стресса и неопределённости (*home separation anxiety*, *social hangover*, *social biom*, *social recession*, *lockstalgia*, *Blursday*). Вырос уровень тревожности и недоверия к близкому человеку (*panpanic*, *spendemic*). Участились случаи разводов, по причине необходимости находиться вместе в закрытом помещении продолжительное количество времени (*covidivorce*). Даже после завершения локдауна остались ограничения по количеству гостей, присутствующих на мероприятии (*microwedding*, *minimony*). За период пандемии даже начало формироваться новое поколение детей и подростков (*quaranteen*, *coronnia*) [19].

Поскольку наиболее частотные и денотативно значимые лексемы *coronavirus* и *COVID* имеют английское происхождение, было принято решение начать анализ ковид-лексики с материалов, изданных на английском языке. Тем более что именно английский язык в период пандемии выступил в роли языка-донора [19]. Однако в ходе исследования нами была предпринята попытка сопоставить процесс образования и функционирования ковид-лексики в английском и русском языках.

С этой целью **на втором этапе исследования** нами был проанализирован «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который включает почти 3500 слов. Методом частичной выборки слова были разделены по идеографическим группам, выбор которых был обоснован ранее. В отличие от аналогичной работы, проведённой с неологизмами английского языка, добавлена группа «Термины языкознания», поскольку были найдены слова, отражающие особое внимание лингвистов к данному явлению.

Результаты анализа представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Идеографические группы ковид-лексики русского языка

Приведем примеры ковид-лексики русского языка из разных тематических групп.

Общество. Взаимоотношения: антиваксер, антивакцинник, антикарантинист, антиковидник, антикоронавирусник, антимасочный, антиперчаточник, антипрививочник, антистатистик, барановирус, безмасочник, бесперчаточный, вакцинатор, вакцина эйфория, вакцинобесие, вакцинодиссидент, вакциноскептик, вакцинофилия, вакцинофобия, вакциноцентризм, вирусобесие, диванный вирусолог, диванный доктор, вирусоскептик, вируспаниель, голомордый, гречник, дистанцирование, дистанцированность, социальная дистанция, домасиделец, домосек, докоронный, допандемийный, досамоизолироваться, заквартирье.

Экономика: вакцинокризис, карантиника, ковид-кризис, ковидные (выплаты), ковидократия, ковидоллар, ковидономика, коронабонды, коронаномика, война вакцин, гонка вакцин, вакцина дипломатия, вакцинный национализм, пандемитинг, вакцинократия, вакцинонационализм.

Здоровье: бесконтактный, бессимптомщик, ковидная болезнь, антиковидная вакцина, антикоронавирусная вакцина, вирус с короной, китайский вирус, уханьский вирус, вирусмажорный, вирусовать, вирусолизация, вирусоносительство, вирусоносный, вирусоборот, волна, второволновый, вывозной, счастливая гипоксия, заковидеть (заковидить), зона, изолянт, изоляционка, иммунопаспорт, карантец, карантин, КОВИД-19, ковидальня, ковид-больница, ковид-больной, ковид-бригада, ковид-волна, ковидец, ковидизм.

Образование и работа: дистант, дистантить, дистантиться, дистантный, дистанционер, дистанционка, дистанционник, дистанционщик, зум-конференция, зум-лекция, карантинголик, ковируочер, полудистант, удалёнка.

Досуг и увлечения: алкоизоляция, балконный, виноизоляция, дачаизоляция, домоизоляция, дивановирус, диванстрация, дистанцы, догшеринг, думсёрфинг, думскроллинг, думскроллер, думскроллить, зум-русалка, зум-сериал, зум-спектакль, изоизоляция, карантейл, карантиндер, карантини, карантиниада, карантинюке, карантинючка, киноизоляция, книгоизоляция, ковидео, ковидовизор, коронавизор, коронавидение, коронаоке, корона-пати, ковидная вечеринка, позумиться, трикини.

Путешествия. Транспорт: вакцинный тур, вакцинный туризм, вакцинный, турист, вакцинотуризм, вакцинотурист, застрянец, ковидовоз, ковидомобиль, коронамобиль, короникулы, путикулы.

Интернет. Инновации (4 неологизма): беззумие, обеззумить, зум, зумбариться, зуминация, зуминг, зумить, зумиться, зумификация, киберкоронавирус.

Язык: ковид-неологизм, коронеологизм, коронавирусистика, короналексика, коронаречь, коронасленг, коронасловарик, коронаяз.

Проведя анализ идеографических групп коронавирусной лексики в русском и английском языках, можно однозначно сказать, что сферами жизни людей, на которые пандемия оказала наибольшее воздействие, в обеих странах стали «Общество. Взаимоотношения» и «Здоровье», в английском языке они составляют 72 % от изученной лексики, в русском языке – 76 %, что говорит нам о том, что ответ общества на пандемию в странах изучаемой лексики был един.

Независимо от уровня развития экономики, медицины, социальной стабильности в обществе, в обеих странах люди ощутили изменения в общении, смену формы работы, ограничения, которые вызвали не только понимание, но и агрессию со стороны противников изоляции (неслучайно очень много слов ковид-лексики в русском языке имеют приставки бес(з) и анти).

Сменилось и отношение к свободе передвижения, не только во время отпускного периода, но и во время работы. Люди чаще стали искать такие формы заработка,

которые бы не привязывали их к определённому месту жительства, что нашло особое отражение в английском языке в словах, типа:

workation – отпуск, когда вы останавливаетесь в отеле или другом месте и работаете оттуда;

work from anywhere – деятельность по удаленной работе из любого места, не обязательно дома;

human cloud – внештатные работники, находящиеся в любой точке мира, которые наняты для работы над индивидуальными задачами, которые могут быть выполнены на компьютере;

virtual commute – способ для людей, которые работают из дома, легче отделять свое рабочее время от личного времени,

half-tourist – человек, который едет в другой город или страну и проводит часть времени, работая удаленно.

В русском языке данные явления не нашли до настоящего времени отражения, но поскольку тенденция к выбору работы без обязательного условия посещать офис в России присутствует, то, вероятно, и в русском языке появятся слова, схожие по смыслу.

Анализ словообразовательных особенностей ковид-лексики в русском и английском языках показал следующее.

Неологизмы, представленные в словаре русского языка коронавирусной эпохи, образованы с помощью следующих основных способов: заимствование (3 %), контаминация (15 %), словосложение (34 %), аффиксация (46,9 %), расширение значения (1 %), аббревиатура (0,1 %). На первый взгляд, полученные данные свидетельствуют, что доминирующим способом словообразования является аффиксация, но в действительности данные неологизмы образуются путём добавления приставок и суффиксов к ранее созданным словоформам с помощью словосложения, заимствования или контаминации. Ярким примером может служить слово ковидизация (заим.), от которой были созданы следующие слова: ковидизировать, ковидизм; вирусосолец (конт.) – вирусоноситель, вирусоносительство, вирусоносный; дистант (сокр.) – дистантить, дистантиться, дистантный, дистанционер, дистанционка и под.

Самыми продуктивными в плане создания новых лексических единиц стали такие способы словообразования, как словосложение и контаминация, например: *вирусмажорный* (*вирус+форсмажорный*), *вирусосолец* (*вирус+авианосец*), *вирусооборот* (*вирус+товарооборот*), *гречкодемия* (*гречка+пандемия*), *диванстрация* (*диван+демонстрация*), *карантикулы* (*карантин+каникулы*), *заквартитье* (*зазеркалье+квартира*), *ковидленд* (*ковид+Диснейленд*) и прочие. Новое значение обрели слова *британец* (штамм коронавируса, появившийся в Великобритании), *волна* (рост заболеваемости), *корона* (новая коронавирусная инфекция), *светофор* (цвета, обозначающие зоны распространения ковида: красная, оранжевая, жёлтая, зелёная).

В процессе исследования коронеологизмов английского языка было выявлено сходство с русским языком в наиболее распространённых словообразовательных моделях. Так, 59,7 % лексических единиц было образовано в результате контаминации: *covideo* = *covid+video*, *quaranteam* = *quarantine + team*, *homecation* = *home+vacation*, *hyflex* = *hybrid+flexible*. Вторым по продуктивности оказалось словосложение. Таким способом образованы 27,9 % из изученных единиц, например, *revenge spending*, *happy hypoxia*, *air curtain*, *Covid toe*, *vaccine stamp*, *dog sharing*. *Supervaxxer*, *anti-vaxxer*, *anti-masker* – яркие примеры аффиксации, которая составила 8,4 % от проанализированных слов. На последнем месте аббревиация (2 %) и приобретение нового смысла у ранее существовавших слов (2 %): *V day*, *self-isolation*, *social distance* и *FORO*, *FONO*, *HOGO*.

Говоря о ковид-лексике русского языка, следует подчеркнуть, что 80 % от общего количества слов образованы от английских слов: COVID-, ZOOM, локдаун, ковид/ковидно-, корона, дистант, карантин, коронавирус, зум, антиковид и др. (см. рис. 3).

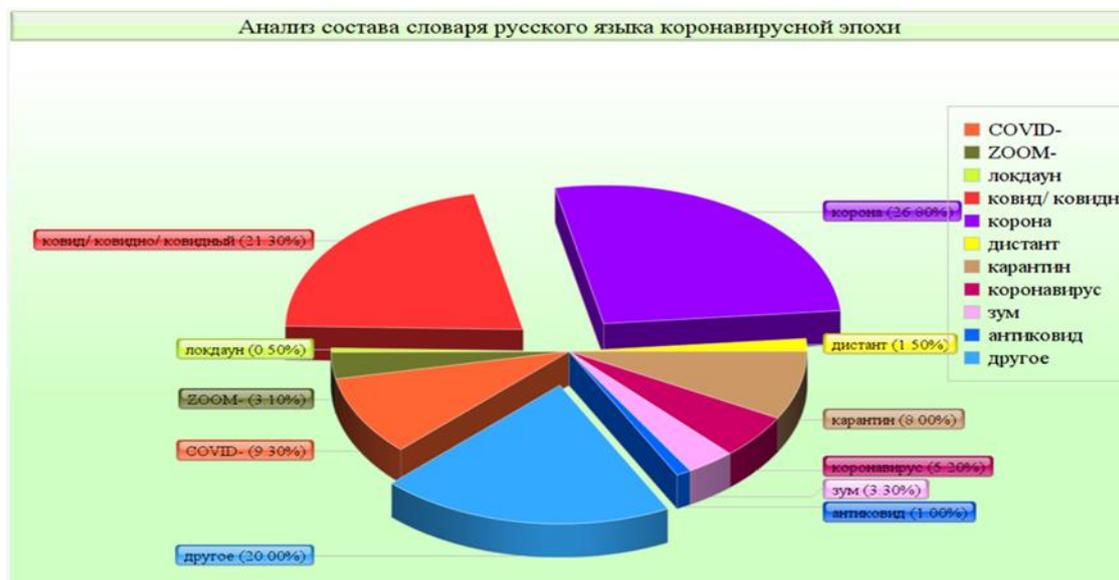

Рис. 3. Анализ состава словаря русского языка коронавирусной эпохи

Пандемия и связанные с ней жёсткие ограничения, направленные на предотвращение распространения инфекции, вызвали настолько яркий психологический отклик каждого человека, что в результате СМИ и социальные сети столкнулись с «цунами» лексических новаций, связанными с объективно новыми реалиями жизни. Всемирная сеть наполнилась лексикой, которая отражала стремление желающих высказаться, самореализоваться, что привело к появлению индивидуально-авторской лексики (окказионализмов). Через словотворчество, иронию, сарказм, а иногда даже юмор человек передавал всё своё отношение к происходящим событиям, стремился избавиться от страхов.

Особый талант в словотворчестве авторы статей в печатных СМИ и интернет-изданиях проявили при описании новой коронавирусной инфекции. В словаре не только слова, образованные с помощью первой части сложных слов «корона-» (26,7 %), но и множество других именовании болезни, таких как ковидная болезнь, новая коронавирусная болезнь, британец, вирус, вирус с короной, китайский вирус, уханьский вирус, вывозной, китайский, КОВИД-19, ковидище, ковидия, ковидка, ковидла, ковидло, ковидовирус, ковидоз, ковидомор, ковидос, корона, ковидство, ковидушка, ковидушко, ковидыч, ковидра, коронавир, коронавирус, коронавирусня, короназавр, коронадемия, коронадемон, короназмея, коронавирусняк, коронавирь, коронарка, коронамонстр, коронка, короновирушка, коронушка, короныч, корыныч, коронашка, мутант, чума, уханька.

В этом списке слов можно найти отражение отношения людей к данному заболеванию. Здесь и Змей Горыныч – Ковидыч или Корыныч как отражение негативного героя сказки, и короназмея, короназавр или коронадемон как ассоциация со всемирным злом, и уменьшительно-ласкательные формы, например, ковидушка, ковидия, коронка. Присутствуют пренебрежительные или даже уничижительные формы: ковидка, коронавирусняк, ковидра, ковидище. В этих словах явно отражается и послед-

ствии заболевания – чума, ковидомор. Нельзя оставить без внимания и страну происхождения штаммов вируса, которые нашли отражение в таких названиях, как уханька, китайский вирус, уханьский вирус, британец.

На третьем этапе исследования решались проблемы лингводидактического характера. Как известно, пополняя язык, неологизмы создают существенные трудности в восприятии значения данных лексических единиц иностранцами. Именно поэтому изучение новейших неологизмов становится неотъемлемой частью процесса постижения иностранного языка. Учебные пособия не успевают отражать те новшества, которые происходят в изучаемом языке: на создание одного учебно-методического комплекта необходимы годы, а английский язык обновляется регулярно. В данном случае сможет помочь создание учителем учебного словаря неологизмов, который он сможет регулярно расширять и обновлять, а также применять при создании упражнений.

Нами был создан учебный словарь английского языка коронавирусной эпохи. Как мы уже говорили, актуальность данного словаря обусловлена отсутствием систематизированных данных о наиболее распространённых лексических единицах, которые вошли в речь в период с января 2020 года по апрель 2022 года. Цель словаря – познакомить изучающих английский язык с лексикой эпохи коронавирусной пандемии, или короналексикой. Кроме того, он может быть полезен обучающимся образовательных учреждений и учителям при планировании урока или создании упражнений, так как содержит информацию о части речи, исчисляемости существительного, толкование на русском и английском языках.

Учебный словарь английского языка коронавирусной эпохи составлен на основе анализа лексики в социальных сетях и Интернет-изданиях, а также изучения статей о новых словах на сайте Cambridge Dictionary. При этом мы опирались на результаты лингвистического исследования, описанного выше.

Неологизмы отбиралась по следующим критериям:

- актуальность использования слов в настоящее время (2020–2022 год) в СМИ и Интернет-изданиях на английском языке;
- частотность употребления лексики по данным British National Corpus;
- коммуникативная ценность слов и фразеологизмов, важность их для межкультурного общения с носителем языка.

В результате отбора в словарь были включены 92 лексические единицы.

Словарь разделён на тематические группы «Общество. Взаимоотношения», «Экономика», «Здоровье. Спорт», «Образование и работа», «Досуг и увлечения (музыка, чтение; покупки и др.)», «Путешествия. Транспорт», «Интернет. Инновации».

Структура словарной статьи включает информацию о части речи, исчисляемости существительного, а также толкование на русском и английском языках. С учётом того, что словарь предназначен для учащихся школ и ВУЗов, которые не являются носителями английского языка, для передачи звукового облика слова приводится транскрипция неологизмов.

Приведем примеры словарных статей:

anti-masker – (исчисл. сущ. - noun [C]) UK [ˌæn.ti.ˈmæskə] – someone who refuses to obey the rule that a mask must be worn in public places to help protect people from covid-19 – человек, который отказывается подчиняться правилу, согласно которому в общественных местах необходимо носить маску, чтобы защитить людей от covid-19;

coronomics – (неисчисл. сущ. - noun [U]) UK [kəˈrɒn.ɪks] – a special brand of pandemic denial that promotes economic status over health and preservation of life – особый вид отрицания пандемии, который ставит экономический статус выше здоровья и сохранения жизни;

long covid – (неисчисл. сущ. - noun [U]) UK ['lɒŋ.kəʊvɪd] – a condition in which people who have had the covid-19 virus continue to have symptoms and feel unwell for a long time – состояние, при котором люди, перенесшие вирус covid-19, продолжают испытывать симптомы и чувствовать недомогание в течение длительного времени;

space marshal – (исчисл. сущ. - noun [C]) UK ['speɪs.mɑːʃl] – someone whose job is to make sure people are obeying the rules of physical distancing in places such as shops, libraries etc. – кто-то, чья работа заключается в том, чтобы убедиться, что люди соблюдают правила социального дистанцирования в таких местах, как магазины, библиотеки и т.д.;

zoomwear – (неисчисл. сущ. - noun [U]) UK ['zuːm.weə] – a style of dressing that involves wearing clothes suitable for the office above the waist and casual clothing below the waist - стиль одежды, который предполагает ношение одежды, подходящей для офиса, выше талии и повседневной одежды ниже талии.

homecation – (исчисл. сущ. - noun [C]) UK [həʊm.'keɪ.ʃn] – a holiday spent completely at home – отпуск, проведенный полностью дома;

virtual commute – (исчисл. сущ. - noun [C]) UK [vɜː.tʃu.əl.kə'mjuːt] – a way for people who work from home to separate their working hours from their personal time more easily – способ для людей, которые работают из дома, легче отделять свое рабочее время от личного времени.

С целью постоянного и оперативного пополнения словаря была создана его электронная версия, содержащая наиболее распространённые лексические единицы коронеологизмов английского языка (режим доступа: https://quizlet.com/_bixxie?x=1qqt&i=4e4jl2). Электронный словарь представлен в виде карточек, где с одной стороны размещено слово и транскрипция, а с обратной – дефиниция. Данный бесплатный сервис позволил также создать ряд упражнений на закрепление знаний и умений по неологии современного английского языка.

Заключение

В ходе исследования неологизмов английского языка короновирусной эпохи был подтверждён факт того, что их появление является ярким отражением изменений в разных сферах жизни общества. Обширной базой для наблюдения за изменениями в обществе и в его языке, для отслеживания общезыковых тенденций, семантических и словообразовательных процессов, происходящих в неологии английского и русского языков, являются интернет-издания, блоги, СМИ.

Изучение новейших неологизмов является неотъемлемой частью занятий по английскому языку, так как способствует преодолению коммуникативных барьеров при чтении англоязычных СМИ, предоставляет возможность создать для обучающихся условия для успешного межкультурного общения с носителями языка.

Список источников и литературы

1. Бычкова Н. Н. Неологизмы как отражение развития мира и мышления на основе изучения публицистических текстов // XX Масловские чтения : сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции. Мурманск: МАГУ, 2022. С. 151–156.
2. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю., Степанян К. А. Selfie, legsie и другие неологизмы для частных фото // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 2 (18). С. 27–33.
3. Котелова Н. З. Первый опыт описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов : монография. Л.: Наука, 1978.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак : Языки славянских культур, 2008. 229 с.
5. Мельник Ю. А., Штехман Е. А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание. 2015. № 2, ч. 1.

- C. 422. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (дата обращения: 28.01.2022).
6. Мишанкина Н. А. Лексикология русского языка. Русский язык как иностранный: профессиональная сфера общения : учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехн. унта, 2017. 124 с.
 7. Мкртчян Т. Ю. Социокультурная характеристика новейших неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 142–144.
 8. Руденко О. Ю. Неологизмы и новообразования как показатели активности иноязычности в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 589–592.
 9. *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
 10. Фаустова Н. А., Гордеева М. Ю. Общественно-политические неологизмы в практике преподавания русского языка как иностранного // Содержание и технологии образования. 2018. № 1. С. 155–167.
 11. *BBC News* : website. URL: <https://www.bbc.com/news> (accessed: 15.10.2021).
 12. British National Corpus : website / University of Oxford. 2015. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 25.10.2021).
 13. *The conversation* : website. URL: <https://theconversation.com/global> (accessed: 15.10.2021).
 14. *Cambridge Independent* : website. URL: <https://www.cambridgeindependent.co.uk/> (accessed: 15.10.2021).
 15. *Cambridge dictionary* : website / Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary> (accessed: 25.10.2021).
 16. *The Times* : website. URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (accessed: 15.10.2021).
 17. *Glamour* : website. URL: <https://www.glamourmagazine.co.uk/> (accessed: 15.10.2021).
 18. *The Guardian* : website. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed: 15.10.2021).
 19. Barabak M. Z. ‘Quarantini.’ ‘Doomscrolling.’ Here’s how the coronavirus is changing the way we talk // Los Angeles Times. 11.04.2020. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2020-04-11/coronavirus-covid19-pandemic-changes-how-we-talk> (accessed: 14.12.2021).

References

1. Bychkova, NN 2022, ‘Neologizmy kak otrazheniye razvitiya mira i myshleniya na osnove izucheniya publitsisticheskikh tekstov’ (Neologisms as a reflection of the world and thinking development (based on the study of articles in newspapers and magazines)), in *XX Maslovskiy chteniya : sbornik nauchnykh statey vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (All-Russian scientific-practical conference ‘20th Maslovskiy chteniya’)*, 8 December 2021, Murmansk, MAGU Publ, Murmansk, pp. 151–156. (In Russ.)
2. Gorshunov, YuV, Gorshunova, YeYu & Stepanyan, KA 2019, ‘Selfie, legsie i drugiye neologizmy dlya privatnykh foto’ (SELFIE, LEGSIE AND OTHER NEW WORDS FOR PRIVATE PHOTOS), *Filologicheskkiye nauki v MGIMO (Linguistics & Polyglot Studies)*, no. 2 (18), pp. 27–33. (In Russ.)
3. Kotelova, NZ 1978, ‘Pervyy opyt opisaniya russkikh neologizmov’ (The first experience of describing Russian neologisms), *Novyye slova i slovari novykh slov : monografiya (New words and dictionaries of new words: a monograph)*, Nauka Publ, Leningrad. (In Russ.)
4. Krongauz, M 2008, *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva (The Russian language is on the verge of a nervous breakdown)*, Znak Publ, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ, Moscow. (In Russ.)
5. Melnik, YuA & Shtekhman, YeA 2015, ‘K voprosu o statuse neologizma v sovremennoy lingvistike’ (Revisiting the issue on status of neologism in modern linguistics), *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2, part 1, p. 422, viewed 28 January 2022, <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (In Russ.)

6. Mishankina, NA 2017, *Leksikologiya russkogo yazyka. Russkiy yazyk kak inostrannyi: professional'naya sfera obshcheniya : uchebnoye posobiye (Lexicology of the Russian language. Russian as a foreign language: professional sphere of communication)*, Izd-vo Tomskogo politekhn. un-ta Publ, Tomsk. (In Russ.)
7. Mkrtychyan, TYu 2017, 'Sotsiokul'turnaya kharakteristika noveyshikh neologizmov v sovremennom angliyskom yazyke' (Sociocultural characteristic of the newest neologisms in the modern English language), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philology. Theory & Practice)*, no. 9-1 (75), pp. 142–144. (In Russ.)
8. Rudenko, OYu 2011, 'Neologizmy i novoobrazovaniya kak pokazateli aktivnosti inoyazychnosti v sovremennom russkom yazyke' (Neologisms and new formations as indicators of the activity of the foreign in the modern Russian language), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)*, no. 6-2 pp. 589–592. (In Russ.)
9. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi (Covid-era Russian Language Dictionary)*, 2021, In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
10. Faustova, NA & Gordeyeva, MYu 2018, 'Obshchestvenno-politicheskiye neologizmy v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo' (Social and political neologisms in the practice of teaching Russian as a foreign language), *Soderzhaniye i tekhnologii obrazovaniya*, no 1, pp. 155–167. (In Russ.)
11. *BBC News*, viewed 15 October 2021, <https://www.bbc.com/news>
12. British National Corpus, 2015, *University of Oxford*, viewed 25 October 2021, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
13. *The conversation*, viewed 15 October 2021, <https://theconversation.com/global>
14. *Cambridge Independent*, viewed 15 October 2021, <https://www.cambridgeindependent.co.uk/>
15. Cambridge dictionary, *Cambridge University Press*, viewed 15 October 2021, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary>
16. *The Times*, viewed 15 October 2021, <https://www.thetimes.co.uk/>
17. *Glamour*, viewed 15 October 2021, <https://www.glamourmagazine.co.uk/>
18. *The Guardian*, viewed 15 October 2021, <https://www.theguardian.com/international>
19. Barabak, MZ 2020, 'Quarantini.' 'Doomscrolling.' Here's how the coronavirus is changing the way we talk', *Los Angeles Times*, 11 April, viewed 14 December 2021, <https://www.latimes.com/world-nation/story/2020-04-11/coronavirus-covid19-pandemic-changes-how-we-talk>

Вклад авторов:

Коренева А. В. – идея; написание статьи; научное редактирование текста.

Бычкова Н. Н. – сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Contribution of the authors:

Koreneva A. V. – idea; article writing; scientific text editing.

Bychkova N. N. – collecting material; processing material; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2022
Одобрена после рецензирования: 20.08.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 02.07.2022
Approved after reviewing: 20.08.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 67–74.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 2 (10). P. 67–74.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-67-74>

К ВОПРОСУ ВТОРЖЕНИЯ ЛАТИНИЦЕЙ В СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Мину Бхатнагар

Университет им. Джавахарлала Неру,
Нью Дели, Индия,
meenu.bhatnagar@gmail.com

Аннотация. Вторжения латиницей в русский язык является одним из ярких проявлений словотворчества в наше время. Латиница используется наряду с кириллицей не только для написания новых англицизмов, но и в написании даже русских слов. Использование латиницы наблюдается, в основном, в информатике, рекламных текстах, соцсетях, и также в названии книг и фильмов. Тенденция к гибридизации, т.е. скорее всего, относится к межъязыковой словообразовательной игре, что осуществляется сознательно с целью привлечь к товару больше внимания и даже создать комический эффект. Данное явление представляет собой специфический способ пополнения словарного состава русского языка в настоящее время. Количество подобных гибридных слов в языке постоянно растет, тем более, фиксация многих из таких слов в новейших словарях русского языка демонстрирует их освоенность русским языком. Внедрение латиницей в русский язык предполагает тесный контакт и взаимодействие между русским и английским языками. Настоящая статья посвящена вопросу новообразований-гибридов в русском языке, написавших посредством латиницы. В ней характеризуются различные структурные типологии подобных гибридных неологизмов. Высказывается мнение о необходимости всестороннего изучения обсуждаемой межъязыковой игры, так как этот вопрос касается не только лексического уровня, но и других уровней языковой системы.

Ключевые слова: новообразования-гибриды, межъязыковая игра, латиница, кириллица, графические неологизмы.

Для цитирования: Бхатнагар Мину. К вопросу вторжения латиницей в современный русский язык // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 67–74. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-67-74>.

Сведения об авторе: *Бхатнагар Мину* – ассистент профессор, Центр русских исследований, Университет им. Джавахарлала Неру, 110067, Индия, Нью Дели, ул. Новая Мехраули.

© Бхатнагар Мину, 2022

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-67-74>

ON THE INVASION OF MODERN RUSSIAN BY THE LATIN ALPHABET

Meenu Bhatnagar

Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India,
meenu.bhatnagar@gmail.com

Abstract. Invasion of the Latin alphabet into the Russian language is one of the brightest manifestations of word-making in our time. The Latin alphabet is used along with Cyrillic not only to write new Anglicisms, but also in the spelling of even Russian words. The use of the Latin alphabet is mainly seen in informatics, advertising texts, social networks, and also in the titles of books and films. The trend towards hybridization, i.e. most likely refers to an inter-lingual word-formation game, which is carried out deliberately in order to draw more attention to the product and even to create a comic effect. This phenomenon represents a specific way of enriching the vocabulary of the Russian language at present. An increasing number of such hybrid words in the language, the more so, the fixation of many such words in the latest dictionaries of the Russian language demonstrates their mastery of the Russian language. The introduction of Latin into the Russian language implies a close contact and interaction between Russian and English. This article deals with the issue of hybrid neologisms in the Russian language, written through the Latin alphabet. It characterizes different structural typologies of such hybrid neologisms. An opinion on the necessity of a comprehensive study of the discussed interlanguage game is expressed, as this issue concerns not only the lexical level, but also other levels of the linguistic system.

Keywords: newly-formed hybrids, interlanguage play, Latin, Cyrillic, graphic neologisms.

For citation: Meenu Bhatnagar, 2022, 'On the invasion of modern Russian by the Latin alphabet', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 67–74, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-67-74> (in Russ.)

Information about the Author: *Meenu Bhatnagar* – Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India.

© Bhatnagar Meenu, 2022

Как известно, новейший период характеризуется разнообразностью процесса неологизации в русском языке. Можно сказать, что этот период сильно отличается от всех предыдущих периодов (например: период принятия Русью христианства, период татаро-монгольского ига, период петровских реформ, золотой век русской культуры, период октябрьской революции, советский период) не только массовым внедрением новых заимствованных слов, но и многообразием способов их интеграции в словарный состав русского языка.

В настоящее время влияние английского языка на развитие русской лексики невообразимо велико. Англицизмы обычно проникают в русский язык посредством калькирования (дорожная карта, свободный доступ, рыночная экономика и др.) или транслитерации (леди, принтер, брокер, сити, бренд, тренд, дедлайн, дизайнер и др.). Но в последнее время для ассимиляции англицизмов наблюдается тенденция к использованию слов в написании латиницей, особенно в рекламных текстах, в страницах периодической печати и соцсетях и т.п. Процесс вторжения латиницей в русский язык отмечалось уже к концу XX века. Об этом Алиева В.В. пишет, что «Появление латиницы в русском тексте во многом связано с периодом перестройки. До того использовались латинские сокращения- формулы, напр.: etc., P.S...». [1, с. 130].

Латиница проникла в русскую письменность в связи с названием компьютерной терминологии, например: CD, CD-ROM, IBM, Bluetooth, Windows и т.п.; но латиница постепенно распространяла и для названия предметов или явлений многих других сфер. Например: для названия марки автомобилей (Pajero, BMW, VOLVO, TOYOTA); для названия иностранных фирм, организаций и брендов (Adidas, Uniqlo, Reebok, Coco Cola, Prada); для названия новых предметов и явлений (Bluetooth-часы, crash-курсы, SMS-сообщение, IT-бизнес); даже для названия художественных произведений и фильмов (Роман Виктора Пелевина «iPhuck 10», 2017; Роман Оксаны Робски «Про любoff» и одноименный фильм по этому роману; Роман Сергея Минаева «Духless» и одноименный фильм основанный на этом романе).

Нельзя не согласиться с тем, что использование латиницей считается модно, престижно, привлекательно, но тем самым вызывает возмущение у многих. Вопросам неологизации русского языка посвящены много исследований. Можно упомянуть имена Потевни А. А., Бодуэн де Куртенэ И. А., Щербы Л. В., Сорокины Ю. С., Реформатского А. А., Брагиной А. А., Костомарова В. Г., Котеловой Н. З., Земской Е. А., Крысина Л. П., Скляревской Г. Н., Алаторцевой С. И., Мариновой Е. В. и мн. др., исследования которых осветили особенности пополнения русской лексики как путем образования новых слов на русской почве, так и путем заимствования слов из других языков.

Следует отметить, что в Толковом словаре русского языка конца XX века – языковые изменения, вышедшем в 2000 году под редакцией Г. Н. Скляревской «нашла отражение специфическая особенность языка наших дней: определённые слова, преимущественно термины информатики, употребляются в текстах современных газет, журналов, деловой литературы в написании латиницей, что демонстрирует их освоённость языком (*Windows, Unix, Notebook*)» [12, с. 11]. В приложении [12, с. 697–700] к этому словарю были зафиксированы 26 слов в написании латиницей (CD, CD-ROM, DOS, Internet, Hardware, Software, Laptop, IBM, и др.). 4 слова из всего 26 слов являются дериватами и имеют гибридный характер (DOS-овский, IBM-подобный, IBM-совместимость, IBM-совместимый). В этих словах латиницы и кириллицы разделены

дефисом. В 2008 году вышел Толковый словарь русского языка начала XXI века – актуальная лексика под редакцией Г. Н. Складневской [11, с. 1111–1131], в котором были зафиксированы более 150 слов в написании латиницей, включая 74 новообразования гибридного характера: (CD-ROMный, CD-плеер, HR-менеджер, IT-индустрия, PR-агентство, SMS-ка, VIP-гость, WAP-доступ, Web-страница). Из всего 74 гибридных новообразований, три слова пишутся без дефиса между латиницей и кириллицей: CDшка, PRшик, VIPовский.

И так можно сказать, что количество новообразований-гибридов в русском языке постепенно возрастает. Гибридизация, т.е. использование в написании латиницей вместе с кириллицей для интеграции заимствованных (точнее английских) слов или понятий в русскую лексику набирает большую популярность. Определяя подобные слова, Середина Т. Н. пишет, что «особенно частотным в современный исторический период становятся сложные слова, в которых одна из составляющих их частей передается на письме с помощью латиницы, а другая – посредством кириллических буквенных знаков» [10, с. 155]. Радбиль Т. Б., Маринова Е. В. и др. обсуждая вопрос об адаптации иноязычных слов в субстандарте пишут, что «Ряд неологизмов (как правило, они относятся к сфере компьютерных, электронных технологий) представляют собой гибридные написания, в которых латиницей пишется лишь часть слова. Многие гибриды являются полукалками- в них графическим заимствованием можно считать лишь часть слова, передаваемую в графике языка-источника» [7].

Новые англо-русские гибриды появляются в результате сознательного словотворчества с целью усиления выразительности текста и привлечения внимания к объекту. Алиева В. В. отмечает, что ««Союз» латиницы кириллицы создает своеобразный русско-латинский гибрид, основанный на межъязыковой игре, также и в пределах словосочетания или цельнооформленной фразы» [1, с. 130]. О новых гибридных словах Прокутина Е. В. пишет, что «Новообразования-гибриды отличаются не только произвольным характером внутрисловных, межморфемных границ, но и увеличением семантического объема, семантической компрессией, что отражает стремление автора к максимальной информационной емкости текста в рамках ограниченного пространственно-временного континуума, а также желание достичь определенного стилистического (в частности комического) эффекта» [8, с. 127].

Необходимо отметить, что проблема написания слов с латиницей представляет собой большой лингвистический интерес. Но, «Несмотря на активный интерес лингвистов к названной проблеме, в литературе нет единого наименования фактов графической окказиональности, не существует единой дефиниции названного понятия, четко не определен круг явлений, входящих в него, целостно не описаны механизмы возникновения таких новаций, не представлена системная классификация данного явления, не проведено четкой дифференциации со смежными понятиями» [2, с. 68–70]. Для обозначения гибридных слов используются различные термины, как *графические каламбуры* (Костомаров В. Г.), *кентавры* (Крысин Л. П.), *визуальные неологизмы* (Маринова Е. В.), *графические гибриды* (Середина Т. Н.), *графическая окказиональность* (Грищева Е. С.), *новообразования-гибриды* (Рацибурская Л. В.) и др.

Анализ гибридных сложных слова позволяет выделить их по некоторым словообразовательным/структурным моделям. Наиболее распространенной моделью для образования подобных слов является сочетание английской аббревиатуры в написании латиницей с русским словом в написании кириллицей, обычно разделено дефисом. К данной модели относятся такие слова как: IT-технология, IT-сектор, IT-гигант, IT-сфера, IT-бизнес, IT-специалист, IT-компания, VIP-приглашение, VIP-версия, VIP-персона, VIP-статус, VIP-номер, PR-директор, PR-деятельность, PR-специалист, PR-

компания, PR-мероприятие, PR-программа, SMS-сообщение, SMS-ка, IP-телефония, FM-станция, MIDI-сообщение, BB-пудра, OLED-экран, POST-код.

Наблюдается группа гибридных слов, образовавшихся сочетанием английского слова в написании латиницей и русского слова в написании кириллицей. В качестве примеров данных слов можно привести следующие слова: Web-страница/страничка, Web-издатель, Web-служба, Web-строительство, Flash-память, Flash-анимация, Face-контроль, STEREO-движение, Internet-кафе, Andriod-браузер, Apple-система, Beauty-подарок, Bluetooth-часы, Live-выступление, Nude-макияж, crash-курсы, Стейк House, The-гриль. Многие подобные сложные слова пишутся с дефисом, но наблюдается использование некоторых сложных слов и без дефиса.

Следующая модель сложения слов характеризуется слиянием английской аббревиации (иногда слов) в написании латиницей с частью исконно русского слова. Прокутина Е. В. размышляет, что «Суть такого вида деривации заключается в том, что слово и соответственно, смыслы, наслаиваются на одном и том же материальном отрезке, на одной и той же цепочке языковых знаков. Такие графические новообразования несут в себе двойной смысл, т.к., в них выделенный латиницей иноязычный «фрагмент» представляет собой самостоятельное слово. Например: VIPендриваться → VIP (от англ. Very important person – особое важное лицо) + выпендриваться), клубиться → club (от англ. (клуб)+ клубиться) [8, с.126]. В написании таких новообразований, английский фрагмент выделяется большой буквой, как например: PRодукция (PR+(пр)одукция), PRопоганда (PR+(пр)опоганда), PRостота (PR+(пр)остота), PRофессия (PR+ (пр)офессия), первоPROходцы (PR+(пр)оходцы), SOSульки (SOS+(сос)ульки), TVоё (TV+(тв)оё). Среди подобного рода новообразований наблюдаются случаи смещения латиницей и кириллицей, в которых иноязычный фрагмент не представляет собой самостоятельного слова, а просто заменяет некоторые русские буквы (русский фрагмент) на основе фонетической близости. Например: PRIёмистый (PRI+(при)емистый), PRIятный (PRI+(при)ятный), PRIемлемый (PRI+(при) емлемый), VOLVOХОТА: SЕНСАЦИОННЫЙ, ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ.

Подобная гибридизация также наблюдается в заголовках статей в издании и также в названиях книг. Например: в последнее время название некоторых изданий также были оформлены посредством латиницей, как например: книга Ю. Луговской «REALная любовь», роман И. Богатырева «АвтоSTOP: роман поколения next», роман Оксаны Робски и фильм «Про любовь», роман Сергея Минаева и фильм «Duxless) и др.

К употреблению латиницы на основе случайного совпадения одинаково звучащих букв латиницей и кириллицей относятся и такие слова, как Ваниль, Галерия, СПБар; Рай; ОкиДоки; Зебра. В этих словах латиницей заменяется обычно начальная (реже последняя кириллическая буква. Графические гибриды типа, PrintКОпия, КОНТРАКТ, Starперцы, Generation П также стали распространенными.

Заметны и случаи употребления латиницей в середине русского слова. Эти слова представляют собой примеры особого рода межъязыковой игры. Например, реклама автомобильной марки VOLVO-безопасное удоVOLVствие; Реклама пиво Tuborg-Двигай на вечеGREENку. Реклама автомобильной марки LADA: Хватить мечтать. Пора обLADАть. Подобные графические выделения латиницей в словах направлены на обыгрывание названия брендов в каламбурной фразе. Они создаются скорее всего с целью привлечь к товару больше внимания. Как оказывается, такое межъязыковое обыгрывание основывается на замене латиницами случайного совпадения одинаково звучащих слогов кириллицей.

Стоит отметить, что в некоторых случаях наблюдается использование варианты новообразований-гибридов. Используются варианты и с латиницей, и путем транслитерации английского фрагмента на русском. Например: веб-страница/web-страница; интернет-кафе/Internet-кафе; хай-тек рынок/Hi-tech рынок, ноу-хау новинки/know-how новинки; арт-клуб/Art-клуб; art-бизнес/ART- бизнес; лоукост-авиакомпания/Low-cost-Авиакомпания/Low-cost авиакомпания; спам-рассылка/spam- рассылка; нейл-дизайн/ Nail-дизайн; Open-air-концерт/опен-эйр концерт; е-газета/E-газета; По вопросу написания вариантов слов путем транслитерации пишут Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова и др., что «Гибридная «внешность» новых слов так же, как и написания в их оригинальной графике, может быть временной (см. *Internet-кафе и Интернет-кафе*). Изменение письменного облика слова – свидетельство его «обрусения», перехода данной единицы в систему заимствующего языка» [7, с. 202].

В заключении можно сказать, что гибридные неологизмы, реализуемые путем слияния латиницей и кириллицей, главным образом, используются для привлечения внимания. Стремление полностью или частично заменять русские буквы латиницами основываются на креативной межъязыковой словообразовательной игре. В результате такой сознательной межъязыковой игры с графикой образуются новый пласт слов нестандартной лексики для создания особого стилистического и комического эффекта. Обсуждаемая тенденция межъязыковой игры характеризуется оценочностью и разнообразностью, что требует серьезного изучения явления с точки зрения лексики и графики, но и даже словообразования, стилистики, и также культуры речи.

Список источников и литературы

1. Алиева В. В. К вопросу реализации межъязыковой игры через гибридизацию языковых единиц // Университетские чтения – 2015 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. Ч. 2. С. 130–136.
2. Грищева Е. С. К вопросу о статусе графической окказиональности в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7, ч. 2. С. 68–70. URL: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/ (дата обращения: 02.05.2022)
3. Зыкова Е. Н. Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка // Современная филология : материалы Международной научной конференции (Уфа, март 2015). Уфа: Лето, 2015. С. 42–45. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7473/> (дата обращения: 02.05.2022).
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак : Языки славянских культур, 2008. 232 с.
5. Крысин Л. П. Словообразование или заимствование // Русский язык в школе. 1997. № 6. С. 24–30.
6. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 36–44.
7. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* : колл. монография / Т. Б. Радбиль [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. Москва: Флинта, 2016. 301 с.
8. Прокутина Е. В. Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7: Филология. Искусствоведение. С. 123–127.
9. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.
10. Середина Т. Н. Графические гибриды в составе формальных вариантов новых иноязычных слов современного русского языка // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 155–158.

11. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / Г. Н. Складеревская [и др.]. М.: Эксмо, 2008. 1113 с.
12. Толковый словарь современного русского языка конца XX века: языковые изменения / под ред. Г. Н. Складеревской. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.

References

1. Aliyeva, VV 2015, 'K voprosu realizatsii mezh"yazykovoy igry cherez gibridizatsiyu yazykovykh yedinit' (On the realisation of inter-lingual play through the hybridisation of linguistic units), in *Universitetskiye chteniya – 2015 : materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU (Universitetskiye chteniya – 2015)*, 13-14 January 2015, Pyatigorsk, PGLU Publ, Pyatigorsk, pp. 130–136. (In Russ.)
2. Grishcheva, ES 2012, 'K voprosu o statuse graficheskoy okkazional'nosti v sovremennom russkom yazyke' (On question about graphic occasionality status in modern Russian language), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philology. Theory & Practice)*, no. 7, part 2, pp. 68–70, viewed 20 August 2022, <https://www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/> (In Russ.)
3. Zykova, EN 2015, 'Anglo-russkiye gibridnyye obrazovaniya kak odin iz sposobov popolneniya leksicheskogo sostava russkogo yazyka' (English-Russian hybrid formations as one of the ways to enrich the lexical composition of the Russian language), in *Sovremennaya filologiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (International scientific conference 'Modern Philology')*, March 2015, Ufa, Leto Publ, Ufa, pp. 42-45, viewed 20 August 2022, <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7473/> (In Russ.)
4. Krongauz, M 2008, *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva (The Russian language is on the verge of a nervous breakdown)*, Znak Publ, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ, Moscow. (In Russ.)
5. Krysin, LP 1997, 'Slovoobrazovaniye ili zaimstvovaniye' (Word formation or borrowing), *Russkiy yazyke v shkole*, no. 6, pp. 24–30. (In Russ.)
6. Krysin, LP 2002, 'Leksicheskoye zaimstvovaniye i kal'kirovaniye v russkom yazyke poslednykh desyatiletiy' (Lexical borrowings and calques in the Russian language of the last decades), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 6, pp. 36–44. (In Russ.)
7. Radbil', TB & Ratsiburskaya, LV (eds.) 2016, *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka : koll. monografiya (New trends in the Russian language of the early 21st century)*, Flinta Publ, Moscow. (In Russ.)
8. Prokutina, EV 2009, 'Yazykovaya igra kak sposob obrazovaniya nestandartnoy leksiki russkogo yazyka na baze angliyskikh zaimstvovaniy' (Language games as a way of forming non-standard vocabulary of the Russian language on the basis of English borrowings), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University)*, no 7: Filologiya. Iskusstvovedeniye, pp. 123–127. (In Russ.)
9. Zemskeya, EA (ed.) 2000, *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995) (Russian Language at the End of the 20th Century (1985-1995))*, Yazyki russkoy kul'tury Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Seredina, TN 2020, 'Graficheskkiye gibridy v sostave formal'nykh variantov novykh inoyazychnykh slov sovremennogo russkogo yazyka' (Graphic hybrids in the composition of formal options of new foreign language words in modern Russian language), *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University)*, no. 2 (287), pp. 155–158. (In Russ.)
11. Sklyarevskaya, GN et al (eds.) 2008, *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka: aktual'naya leksika (The Explanatory Dictionary of the Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Topical Vocabulary)*, Eksmo Publ, Moscow. (In Russ.)

12. Sklyarevskaya, GN (ed.) 1998, *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka kontsa XX veka: yazykovyye izmeneniya (The Explanatory Dictionary of Contemporary Russian at the End of the Twentieth Century: Linguistic Changes)*, Folio-press Publ, Saint Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.04.2022
Одобрена после рецензирования: 20.07.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 02.04.2022
Approved after reviewing: 20.07.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 75–81.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 2 (10). P. 75–81.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81>

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В СТАНОВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА ТУЛЬСКОГО КРАЯ)

**Ксения Сергеевна
Мозгачёва**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия,
mozgachevak@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прецедентных единиц в контексте исторического развития оружейного производства в Тульском регионе. Также она включает анализ и выявление особенностей имен собственных, которые перешли в категорию прецедентных имён. Объектом исследования являются прецедентные имена, отражающие региональную идентичность Тульского края. Автор ставит своей целью доказать, что прецедентные имена являются культурным и историческим отражением изменяющейся действительности в региональном аспекте. Для анализа и сбора информации рассмотрены работы выдающихся краеведов и историков, таких как И. Н. Юркин, В. А. Кубаткин, С. Зыбин, А. И. Вальтер, а также выдающихся филологов – Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. А. Маслова, Г. В. Токарев. В процессе отбора языкового материала автор ориентировался на такие признаки, как частотность употребления и ярко выраженный коннотативный характер. Актуальность данного исследования заключается в малоизученности прецедентных имён как лингвокультурных единиц на основе материалов Тульского оружейного дела. Статья будет актуальна для изучения филологам, а также всем, кто проявляет живой интерес к языку и истории Тульского региона.

Ключевые слова: региональная идентичность, язык, культура, языковая личность, прецедентные имена, лингвокультурология, маркеры.

Благодарности: исследование «Симболов региональной идентичности» выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и правительства Тульской области (соглашение №6 от 10 апреля 2022 г.).

Для цитирования: Мозгачева К. С. Роль прецедентных имен в становлении региональной идентичности (на примере оружейного производства Тульского края) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 75–81. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81>.

Сведения об авторе: К. С. Мозгачева – студент, факультет русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125.

© Мозгачёва К. С., 2022

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81>

THE ROLE OF PRECEDENT NAMES IN THE FORMATION OF REGIONAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF WEAPON PRODUCTION IN THE TULA REGION)

Ksenia S. Mozgacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia,
mozgachevak@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of precedent units in the context of the historical development of weapons production in the Tula region. It also includes the analysis and identification of the features of proper names, which have moved into the category of precedent names. The object of the study is precedent names that reflect the regional identity of the Tula region. The author aims to prove that precedent names are a cultural and historical reflection of the changing reality in the regional aspect. To analyse and gather information, the author considers the works of prominent local lore scholars and historians such as I. N. Yurkin, V. A. Kubatkin, S. Zybin, A. I. Valter, as well as prominent philologists – Yu. N. Karaulov, D. B. Gudkov, V. A. Maslova, G. V. Tokarev. In selecting language material, the author has been guided by features such as frequency of use and pronounced connotative nature. The relevance of the research lies in the insufficiently studied precedent names as linguocultural units based on the materials of the Tula armory. The article will be relevant to the philologists as well as anyone with a keen interest in the language and history of the Tula region.

Keywords: regional identity, language, culture, linguistic personality, precedent names, linguoculturology, markers.

Acknowledgments: the study «Simbolarium of Regional Identity» was carried out at the expense of the Russian Science Foundation № 22-28-20342 and the Government of the Tula region (agreement № 6 of April 10, 2022).

For citation: Mozgacheva, KS 2022, 'The role of precedent names in the formation of regional identity (on the example of weapon production in the Tula region)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 75–81, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-75-81> (in Russ.)

Information about the Author: *Ksenia S. Mozgacheva* – Student of the Department of Russian Philology and Documentation, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Лингвокультурология как наука, изучающая проблему взаимодействия языка и культуры, безусловно затрагивает вопросы языковой личности. Язык динамичен по своей природе и формируется под влиянием человека, который принадлежит к определённой культуре. Помимо этого, каждый представитель той или иной культуры соотносит себя с определённым краем, городом, с жителями конкретной местности, то есть является носителем признаков региональной идентичности. Одними из маркеров региональной идентичности могут выступать прецедентные имена.

Прецедентными именами называются индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами, с ситуациями, которые доступны для понимания большинству представителей представленной нации [9, с. 53]. Так, город Тула, хорошо известен жителям не только нашей страны как, прежде всего, пряничная, самоварная и оружейная столица. Это прослеживается, в первую очередь, в пословицах и поговорках: «Со своим самоваром в Тулу не ездят», «Туляки тем хороши, что все родом от Левши», «Прицелишься ловко – не подведет тульская винтовка», «Туляк в гости приглашает – самоваром привечает», «Для друзей у Тулы – пряник, для врагов у Тулы меч». Тула прославилась своими оружейниками – Мосин, Грязев, Шипунов, своими писателями – Л. Толстой, культурными памятниками – Ясная Поляна, Куликово поле. Эти имена носят массовый характер, так как уже давно перешли из разряда собственных в нарицательные, сохраняя в себе определённые коннотативные признаки.

Термин «прецедентность» был впервые введён Ю. Н. Карауловым. Известный лингвист пишет о том, что прецедентные имена фиксируют определённые аспекты национальной картины мира, связанные с процессами номинации [7, с. 216]. Прецедентное имя придаёт номинации иной коннотативный характер благодаря своей отсылке к первоначальному имени собственному. Черты данного имени должны быть известны всем носителям языка, легко узнаваемы и читаемы в контексте. Теоретическое обоснование признаков прецедентных имён помогает нам отобрать нужный материал для исследования, так как не все они становятся нарицательными. Л. В. Моисеенко утверждает, что прецедентная единица функционирует в дискурсе как культурный знак, а также имеет надличностный характер [10, с. 100].

Одними из наиболее узнаваемых символов любого региона выступают имена выдающихся людей, чья деятельность принесла им мировое признание. Источником нашего исследования послужили имена собственные, в первую очередь, известных оружейников Тульской области, а также названия предприятий и учреждений этой отрасли. «Тула веками оружие ковала, стала похожа сама на ружьё», – это строчки написал в далёком 1958 году В. Гурьян. Действительно, уже в названии города прослеживается аллюзия к оружейной столице. Тула, ТОЗ, оружейная столица образуют в некотором смысле синонимический ряд. Такие имена, как Пётр I, Токарев, Мосин, Грязев, Шипунов доступны в своем понимании всем представителям национальной лингвокультуры в связи с частотностью их употребления и яркими чертами.

Изучая прецедентные имена, стоит обратить внимание, что они всегда соотносятся с именами собственными. Словник прецедентных имён тульского оружейного дела насчитывает несколько десятков языковых единиц.

Обратимся к персоналиям, которые являются широко известными благодаря своим достижениям в оружейном мастерстве. Например, Пётр I, который приезжал нередко в Тулу, лично убедился во всей несостоятельности местного производства и твёрдо решил его преобразовать. Конечно, он известен и по другим своим историческим преобразованиям, но для туляка примечателен тот факт, что 15 февраля 1712 года Пётр Великий издаёт указ постройки настоящего завода, где изготавливалось бы оружие доступным, для того времени, машинным способом [5, с. 11]. Другой оружей-

ник – Никита Демидов, основатель династии тульских оружейников. Именно он поставлял русской армии в Северной войне со шведами самое дешёвое и самое качественное оружие [14, с. 106].

Расширяют численность словарного состава прецедентных единиц лица, которые известны, прежде всего, по тульским брендам – продукции, популярной во всём мире. Например, на вооружение Красной Армии были приняты: ручной пулемёт «**МТ**» (Максима – *Токарева*), 1925 г., пистолет «**ТТ**» (Тульский *Токарев*), 1930 г. [1, с. 265–267]. «Метод работы Токарева был необычным, чисто тульским» [12, с. 138].

Уроженец Тулы, Грязев Василий Петрович, прославился благодаря 23-мм дувольной авиапушки «**ГШ-23**» (*Грязев-Шипунов*). Пушка принята на вооружение более чем в 40 странах мира. В 2000 году им был открыт музей оружия в Тульском государственном университете. [1, с. 73–79] ТулГУ, или как это называют туляки «политех», тоже может быть отнесён к прецедентным единицам, так как выпускники образовательного учреждения прославились как оружейные умельцы.

Дегтярёв Василий Алексеевич – наш земляк, родился в семье потомственного оружейника А. Н. Дегтярёва. В 1927 году принято на вооружение Красной Армии 7,62-мм ручного пехотного пулемёта системы Дегтярёва (**ДП**). С 1936–1940 г.г. было принято на вооружение **ДШК** и пистолета-пулемёта **ППД**. Таким образом, наша армия была оснащена целой системой оружейного стрелкового комплекса Дегтярёва. В 1941 год было создано противотанковое ружьё **ПТРД**. Кстати, Ковровский оружейный завод носит имя В. А. Дегтярёва [1, с. 83–86].

Самозарядный пистолет «**ТК**» (Тула-**Коровин**) сконструировал С. А. Коровин. Уникален пистолет тем, что вес его всего 400 грамм [1, с. 138].

Макарову Н. Ф. удалось усовершенствовать пружину, тем самым увеличить выпуск пистолета-пулемёта, известного как «*папаша*» (**ППШ**). В 1951 год был принят на вооружение **ПМ-9** (пистолет Макарова). Число выпущенных экземпляров 10 млн штук. Стоит отметить, что имя Макаров стало популярно именно после разработки ПМ-9. То есть имя связано напрямую с определённым брендом – изделием автора. Например, с Н. М. Афанасьевым Макаров участвовал в разработке 23-мм авиационной пушки (АМ-23, «АМ» означает «Афанасьев-Макаров»), но оно не так известно [1, с. 155–157].

Имя Петра Ивановича Мамонтова связано с его назначением на должность начальника Тульской оружейной школы (в дальнейшем преобразовано в Тульский артиллерийский инженерный институт) [1, с. 162–164]. На данный момент учебное заведение прекратило свою работу в Туле, но жители города до сих пор называют это здание «Артуха», можно услышать в речи туляков: «*Я живу возле Артухи*», или «*Встретимся возле Артучилица*».

В Туле вы точно не встретите человека, который бы не знал, кто создатель трёхлинейной винтовки. Но заслуженную славу автор оружия – Мосин Сергей Иванович приобрёл не сразу. «Образец стрелкового оружия был утверждён под названием «трёхлинейная винтовка образца 1891 г.», однако слово «русская» и имя автора были удалены» [1, с. 171–175]. Были предложения со стороны США с сохранением имени автора, но Мосин отказался. Он также подавал жалобу, с просьбой доказать авторство винтовки. В России её уже давно называли «**ружьё Мосина**». В Туле есть улица Мосина, памятник великому стрелковому оружейнику, колледж им. С. И. Мосина, который студенты зовут коротко – «мосинский». В 1960 году возродилась премия С. Мосина. Хотя Мосин не является коренным туляком, жители оружейной столицы с гордостью соотносят наш город с именем этого мастера.

А вот другой мастер – Стечкин Игорь Яковлевич родился в Тульской области в Алексине и посвятил свою деятельность Тульскому оружейному заводу. В 1951 году была принята на вооружение конструкция, названная «**Автоматический пулемёт**

Стечкина» [1, с. 253–255]. Кстати, именем оружейника было названо уже закрывшееся кафе «Stechkin», излюбленное место туристов.

Шипунов Аркадий Георгиевич, выдающийся оружейник Тулы, главным детищем была **ГШ-23**, созданная совместно с Грязевым. Об этом мы уже упоминали выше. Кстати, она и сейчас используется в Российской армии. В 1962 год Шипунов был назначен руководителем и генеральным конструктором в тульское ЦКБ-14 (КБП), а также стоял во главе создания «Панцирь-С1», которое до сих пор выпускается на предприятии «**Щегловский вал**». Именно Шипунову мы обязаны созданием этого предприятия. Тульской Конструкторское бюро приборостроений, которое функционирует и ныне, носит его имя [1, с. 296–300].

В рамках исследования нами было опрошено 387 жителей Тульской области, которые отвечали на вопрос: с именем какого оружейника у вас в первую очередь ассоциируется наш город? Результаты оказались следующие: 260 жителей ответили – С. Мосин и его винтовка, 100 – Макаров, 20 – Токарев, и лишь 7 назвали сначала Дегтярёва. Также в числе знаменитых фамилий называли Стечкина, Грязева, Шипунова, но вторично.

К числу прецедентных имён в своём исследовании мы также отнесли наименования предприятий и учреждений. Например, «Тульский оружейный завод» («ТОЗ»), который не раз за всю историю существования, а это более 300 лет, менял свое название – от Императорского до Тульского оружейного. Но именно он стал отправной точкой производства оружия в регионе. «Конструкторское бюро приборостроений им. А. Г. Шипунова» занимает приоритетное место не только в России, но и за рубежом, разрабатывая системы высокоточного оружия. «Щегловский вал» создано не так давно, в 2001 году, однако уже завоевало успех. Предприятие занимается производством ракетного, зенитного и артиллерийского вооружения. НПО «Стрела» и НПО «Сплав» – заводы мирового значения, известны своей продукцией далеко за пределами не только нашего города, но и страны. АК «Туламашзавод» включает в себя работу над оборонно-промышленным комплексом. АО «ТПЗ» – Тульский патронный завод, крупнейший поставщик патронов, в том числе и на внешние рынки.

Интерес к Туле и её оружейникам проявляли и русские писатели. Например, Левша – герой одноимённого произведения Н. Лескова. Сам автор не раз говорил, что это «плод его фантазии». Однако, историк С. Зыбин в 1905 году высказал предположение, что прототипом литературного героя является реальный мастер-оружейник Алексей Сурнин. Кстати, памятник в Туле установлен именно Левше, который прославился тем, что подковал блоху.

Анализ прецедентных имён позволил выявить определённые закономерности: более 20 прецедентных имён насчитывает сфера оружейного производства Тульского края. Прежде всего оно связано с именами реальных людей, которые создали различные виды стрелкового и пушечного оружия, с названиями предприятий, где непрерывно ведётся производство оборонно-промышленного комплекса, а также малая часть с литературными произведениями.

Система прецедентных имён оружейного дела Тульского края составляет основу идентичности, являясь культурным маркером. Упомянутые в статье прецедентные имена являются носителями национальной культуры региона, раскрывают особенности жизненного уклада туляков, а также хранят в себе историю нашей малой родины.

Список источников и литературы

1. Вальтер А. И. Биографический альманах тульских оружейников. Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. 314 с.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 286 с.
3. Дроздова Е. Е. Система подготовки кадров оружейных заводов России в 1850–1914 гг. : монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 325 с.
4. Кубаткин В. А. Во главе Тульского оружейного: XX век. Тула: Гриф и К, 2004. 78 с.
5. Зыбин С. История тульского императора Петра Великого Оружейного завода. М.: типо-лит. т/д И. Н. Грызунова, 1912. Т. 1. 357 с.
6. История Тульского оружейного завода. 1712–1972. М.: Мысль, 1973. 494 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
8. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 334 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2010. 202 с.
10. Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Моисеенко Лилия Васильевна. М., 2015. 404 с.
11. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии : учебник. Тула: ТППО, 2020. 171 с.
12. Тула оружейная: люди, достижения, перспективы : к 300-летию начала государственного оружейного производства. М.: Оружие и технологии, 2012. 619 с.
13. Юркин И. Н. Пётр Железный : Пётр Великий и тульский край : факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский дом, 2012. 352 с.
14. Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых : 1695–1782 : Из истории становления и развития доменной металлургии России. М.: Наука, 1996. 240 с.

References

1. Valter, AI 2020, *Biograficheskiy al'manakh tul'skikh oruzheynikov (Biographical almanac of Tula gunsmiths)*, Izd-vo TulGu Publ, Tula. (In Russ.)
2. Gudkov, DB 2003, *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii (Theory and practice of intercultural communication)*, Gnozis Publ, Moscow. (In Russ.)
3. Drozdova, EE 2008, *Sistema podgotovki kadrov oruzheynykh zavodov Rossii v 1850–1914 gg. : monografiya (The system of personnel training of arms factories in Russia in 1850–1914: monograph)*, Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ, Tula. (In Russ.)
4. Kubatkin, VA 2004, *Vo glave Tul'skogo oruzheynogo: XX vek (At the head of the Tula Armory: 20th century)*, Grif i K Publ, Tula. (In Russ.)
5. Zybin, S 1912, *Istoriya tul'skogo imperatora Petra Velikogo Oruzheynogo zavoda (History of the Tula Emperor Peter the Great Arms Factory)*, vol. 1, tipo-lit. t/d I. N. Gryzunova Publ, Moscow. (In Russ.)
6. *Istoriya Tul'skogo oruzheynogo zavoda. 1712–1972 (History of the Tula Arms Plant. 1712–1972)*, 1973, Mysl' Publ, Moscow. (In Russ.)
7. Karaulov, YuN 1987, *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and language personality)*, Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
8. Karaulov, YuN & Filippovich, YuN 2009, *Lingvokul'turnoye soznaniye russkoy yazykovoy lichnosti: modelirovaniye sostoyaniya i funktsionirovaniya (Linguistic and cultural consciousness of the Russian linguistic personality: modeling of the state and functioning)*. Azbukovnik Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Maslova, VA 2010, *Lingvokul'turologiya : ucheb. posobiye dlya stud. vuzov (Linguoculturology)*. Akademiya Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Moiseyenko, LV 2015, *Lingvokognitivnyye osnovy teorii pretsedentnosti : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19 (Linguistic and cognitive foundations of the theory of precedence)*, doctoral thesis, MSLU, Moscow. (In Russ.)
11. Tokarev, GV 2020, *Osnovy lingvokul'turologii : uchebnik (Fundamentals of linguoculturology)*. TPPO Publ, Tula. (In Russ.)

12. *Tula oruzheynaya: lyudi, dostizheniya, perspektivy : k 300-letiyu nachala gosudarstvennogo oruzheynogo proizvodstva (Armory Tula: people, achievements, prospects: to the 300th anniversary of the beginning of state arms production)*, 2012, Oruzhiye i tekhnologii Publ, Moscow. (In Russ.)
13. Yurkin, IN 2012, *Pyotr Zheleznyy : Pyotr Velikiy i tul'skiy kray : fakty, gipotezy, dokumenty (Peter the Iron: Peter the Great and the Tula region: facts, hypotheses, documents)*. Yevropeyskiy dom Publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
14. Yurkin, IN 1996, *Tul'skiy zavod Demidovykh : 1695–1782 : Iz istorii stanovleniya i razvitiya domennoy metallurgii Rossii (Tula plant of the Demidovs: 1695–1782: From the history of the formation and development of blast-furnace metallurgy in Russia)*, Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.06.2022
Одобрена после рецензирования: 25.08.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 08.06.2022
Approved after reviewing: 25.08.2022
Accepted for publication: 03.10.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 82–90.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 2 (10). P. 82–90.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-82-90>

МИКРОПОЛЕ «РАСТЕНИЯ» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРИРОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

*Луиза Равшановна
Сидоркова*

Бухарский государственный университет,
Бухара, Узбекистан,
kitti-lu@yandex.ru

Аннотация. Термин «поле» в настоящее время используется в различных областях науки: психологии, философии, социологии и др. В лингвистике это понятие стало рассматриваться с точки зрения восприятия языка как системно-структурной парадигмы, предполагающей взаимообусловленность и взаимосвязь всех элементов. Семантическое поле – самая крупная смысловая парадигма, объединяющая слова разных частей речи, значения которых имеют интегральный семантический признак. Семантическое поле может включать ряд микрополей, состоящих из ядра, околоядерной части, ближней и дальней периферии, границы между которыми являются диффузными. Семантическое поле природы весьма значимо в произведениях К. Г. Паустовского, мастера пейзажных зарисовок. Для писателя человек – это часть природы, познающая себя через нее и ответственная за нее. Данная статья посвящена изучению структуры микрополя «Растения», являющегося одним из репрезентантов семантического поля природы в повестях и рассказах К. Г. Паустовского. Микрополе «Растения» включает в свой состав как конкретные названия деревьев, цветов, трав средней полосы России, так и наименования мест их произрастания (лес, луг, сад и др.), которые метонимически вбирают в себя представление о самих растениях, составляя, таким образом, ядро и околоядерную часть данного микрополя. В зону ближайшей периферии входят названия различных частей растений: плоды, хвоя, стебли, ветки, лепестки цветов. Диффузную зону между ними образуют глагольные формы, обозначающие действия растений (природа у Паустовского деятельна). К зоне дальней периферии относятся признаки растений: цвет, запах, форма, которые не менее значимы в общей структуре микрополя «Растения».

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, природа, структура, ядро, периферия, сема, художественный текст.

Для цитирования: Сидоркова Л. Р. Микрополе «растения» в семантическом поле природы произведений К. Г. Паустовского // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 82–90. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-82-90>.

Сведения об авторе: Л. Р. Сидоркова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Бухарский государственный университет, 200100, Узбекистан, Бухарская область, г. Бухара, улица Мухаммада Икбола, 11.

© Сидоркова Л. Р., 2022

Scientific Article
UDC 81'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-82-90>

THE MICROFIELD "PLANTS" IN THE SEMANTIC FIELD OF THE NATURE IN KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S WORKS

Louisa R. Sidorkova

Bukhara State University,
Bukhara, Uzbekistan,
kitti-lu@yandex.ru

Abstract. The term "field" is currently used in various sciences: psychology, philosophy, sociology, etc. In linguistics, this concept began to be considered from the point of view of the perception of language as a system-structural paradigm, assuming the interdependence and interrelation of all elements. The semantic field is the largest semantic paradigm that unites words of different parts of speech, the meanings of which have an integral semantic feature. The semantic field may include a number of microfields consisting of the nucleus, the near-nuclear part, the near and far periphery, the boundaries between which are diffuse. The semantic field of nature is very significant in the works of Konstantin Paustovsky, a master of landscape sketches. For the writer, a person is a part of nature, knowing himself/herself through it and being responsible for it. This article is devoted to the study of the structure of the microfield "Plants", which is one of the representatives of the semantic field of nature in the novels and short stories of K. G. Paustovsky. The microfield "Plants" includes in its composition both specific names of trees, flowers, grasses of the central part of Russia, and names of their places of growth (forest, meadow, garden, etc.), which metonymically absorb the idea of the plants themselves, thus forming the core and the near-nuclear part of this microfield. The zone of the nearest periphery includes the names of various parts of plants: fruits, needles, stems, branches, flower petals. The diffuse zone between them is formed by verb forms denoting the actions of plants (nature is active in Paustovsky's works). The zone of the far periphery includes features of plants: color, smell, shape, which are no less significant in the overall structure of the microfield "Plants".

Keywords: semantic field, microfield, nature, structure, core, periphery, sememe, artistic text.

For citation: Sidorkova, LR 2022, 'The microfield "Plants" in the semantic field of the nature in Konstantin Paustovsky's works', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (10), pp. 82–90, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-2-82-90> (in Russ.)

Information about the Author: *Louisa R. Sidorkova* – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Bukhara State University, 200100, Uzbekistan, Bukhara region, Bukhara, Muhammad Iqbol Street, 11.

Теория полевой структуры языка, которую начали разрабатывать в начале XX века, в настоящее время получила широкое распространение при рассмотрении разных ярусов языка и применяется с целью глубинного изучения произведений художественной литературы, особенностей идиостиля писателей и поэтов. В связи с этим проблема изучения семантических полей в художественном тексте представляется весьма важной, что обуславливает актуальность данного исследования.

Интерес к изучаемому нами объекту объясняется несколькими причинами: во-первых, постоянно возрастающим вниманием к тексту и его составляющим; во-вторых, разнообразием способов выражения семантического поля природы и необходимостью систематизации и детального изучения его составляющих; в-третьих, недостаточным количеством лингвистических исследований, посвященных анализу семантического поля природы в русском художественном тексте.

Понятие *поле* является объектом исследования во многих областях знания. В лингвистике оно изучается в рамках системно-структурной парадигмы, рассматривающей язык как целостную семиотическую систему взаимосвязанных элементов, центром которой выступает слово.

Теория полей интерпретируется по-разному представителями разных лингвистических школ и направлений. При выделении полей принято ориентироваться как на общность лексического значения, так и на близость грамматических свойств языковых единиц.

Разными лингвистами принято выделять следующие виды полей: семантические / лексические и понятийные (Г. Ипсен, И. Трир, О. Духачек, З. Н. Вердиева [5], Л. Н. Новиков [11]), синтаксические (В. Порциг, Л. Вайсгербер, Н. И. Филичева [15]), функционально-семантические / грамматико-лексические (А. В. Бондарко [4], Л. М. Васильев, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [6]), ассоциативные (Ш. Балли, Ю. Н. Караулов, Т. Н. Ушакова). Поле обычно имеет сложную гетерогенную структуру, строится по иерархическому принципу, состоит из единиц различных языковых ярусов и может включать в себя несколько микрополей, с различными или даже противоположными значениями.

Если в ранних работах по теории полей поля рассматривались только на уровне парадигматики или только синтагматики, то в поздних исследованиях ученые основываются на сочетании принципов парадигматики, синтагматики и ассоциативно-derivационных отношений [11, с. 14].

Семантическое поле состоит из двух основных частей: ядра и периферии, граница между которыми является диффузной [5, с. 4]. Поэтому в структуре семантического поля принято выделять еще околоядерную часть, ближайшую и дальнюю периферию. Они включают в себя единицы разных частей речи, объединенных интегральными семами. Разные поля, отличаясь по объему и типам связи между компонентами, могут взаимодействовать друг с другом.

Предметом изучения в данной статье являются лексические единицы, представляющие микрополе «Растения» в семантическом поле природы творчества Паустовского. Материалом для выборки и анализа являются повести Паустовского «Золотая роза», «Мещорская сторона» и сборники рассказов «Встречные корабли», «Летние дни», «Романтики», «Родина», «Повесть о жизни», «Стальное колечко». Выбор семантического поля природы обусловлен его значимостью в творчестве и писательском мировидении Паустовского.

Контекстуальный анализ проводился при помощи сплошной выборки исследуемых единиц с целью выявления их функций и взаимосвязей в составе художественного текста.

Паустовского часто называют несравненным мастером пейзажа, и это действительно так. Но отмечается одна особенность: у него никогда не встречается пейзаж в

чистом виде, обстоятельное описание только того, что связано с животным и растительным миром. Писатель раскрывает красоту окружающего мира опосредованно, через восприятие своих персонажей.

Образ природы может быть статичным и динамичным. Общей функцией статичного и динамичного пейзажа является создание фона сюжетных событий. Для Паустовского природа – это не просто фон действия, как часто бывает у других писателей, а полнозначный субъект этого действия. Сам же человек – часть природы, познающая себя через нее. Поэтому назначение пейзажа имеет для писателя не столько пространственную, сколько антропоцентрическую направленность, так как образ природы является не целью, а средством углубленного раскрытия образов героев (и автора, в том числе) и их физического или нравственного состояния.

Свои рассказы о природе Паустовский всегда составлял на основе личных наблюдений. Именно поэтому каждый факт, представленный им в произведениях, достоверен. Писатель признавался, что во время работы над тем или иным рассказом или повестью он постоянно открывал для себя что-то новое, однако секретов в жизни природы от этого не становилось меньше.

Проза Паустовского увлекает не интригующим сюжетом или остротой конфликта, а тем вниманием к мелочам, которые при внимательном рассмотрении оказываются трогательными в своей обыденности.

В основе огромного количества картин природы у Паустовского лежит его глубокое знакомство с такими науками, как ботаника, зоология, орнитология, краеведение и т. д. Таким способом он претворял в жизнь свое требование к художнику быть человеком образованным, стараться глубже понять и профессионально освоить важные для него темы. Но основным для него, разумеется, было эстетическое созерцание – «искусство видеть мир», (так называется глава в его повести «Золотая роза», посвященной непростою труду известных и неизвестных представителей различных творческих профессий).

Растения, животные, явления природы, описанные в произведениях Паустовского, легко узнаются читателем. Повествование писателя наполнено яркими, запоминающимися звуковыми и зрительными образами. При известной доле воображения можно даже без труда почувствовать и запахи, которыми наполнен воздух. Автор считает, что для более полного восприятия произведения читатель обязательно должен погрузиться в обстановку, которая окружает персонажей, понять их взаимоотношения друг с другом и природой. А это возможно, если писатель тонко владеет приемами пейзажной характеристики.

Сосуществование с человеком одушевляет природу, вдыхает в нее жизнь, придает аксиологический акцент; в противном случае она не может представляться ни прекрасной, ни безобразной, ведь оценивать ее было бы некому. Паустовский создал свою стройную философию природы, которой он следует во всех своих произведениях, убедительно иллюстрируя обоснованность и правоту личных убеждений.

Н. В. Сапрыкина отмечает, что писательский путь Паустовского демонстрирует наличие в его творчестве двух основных линий искусства, которые она условно называет «гриновской» и «левитановской». При внимательном рассмотрении его книг можно, с одной стороны, отметить в них определенное количество страниц экзотической романтики, чего-то «необычайного», «с запахами цветов, которых он, вероятно, никогда не видал, с океанскими ветрами, которыми он, может быть, никогда не дышал. Но, наряду с этим, целая галерея людей и десятки пейзажей, отличительной чертой которых является показ скрытой, не бросающейся в глаза красоты» [13, с.52].

Своеобразие Паустовского состоит в гармоничном переплетении этих двух линий, особенно в зрелый период его творчества. Однако важно отметить, что «левита-

новская» линия в творчестве писателя со временем вытесняет «гриновскую», по крайней мере, в рамках описания картин природы. Писатель не раз утверждал, что он во многом учился именно у художников искусству словесной пластики.

Можно отметить три основных этапа эволюции творчества писателя: 1) ранний этап, где выделяются черты модернизма, предопределенные общим новаторским развитием литературного процесса, и романтизма; 2) этап зрелого творчества, связанный с соцреализмом; 3) поздний этап, обусловленный тяготением к классическому реализму с его народностью и лиричностью.

В своих произведениях Паустовский не просто изображает красоту и богатство природы. Он борется за бережное отношение к ней, подчеркивая при этом ответственность как государства, так и каждого человека, который является частью природы, а не ее властителем. Описывая красоту русской природы, писатель подчеркивает ее связь с одаренностью народа, богатством и силой русского искусства.

Семантическое поле природы, представленное в повестях и рассказах Паустовского, актуализируется в ряде микрополей: «Растения», «Животные», «Рыбы», «Птицы», «Насекомые», «Вода», «Небо», «Времена года».

Большое значение в творчестве Паустовского имеет **микрополе «РАСТЕНИЯ»**, объединяющее флористическую лексику. С одной стороны, в его состав входят различного рода наименования конкретных деревьев, трав, цветов, а с другой – более широкие по своему семному составу названия мест их произрастания (сад, лес, луг, поле, овраг), которые образуют партитативные конструкции, включающие в себя представление о самих растениях. В тексте эти элементы сплетаются в единую картину, перемешиваясь как общее и частное. Они образуют ядро и околоядерную часть данного микрополя.

Описания деревьев у Паустовского несколько статичные: если дерево и совершает какое-то движение, то под влиянием внешней силы (ветра, дождя, снега, человека, животного). Это скорее объект для наблюдения и любования. Поэтому в их представлении важную роль играет не действие, выраженное глаголами, причастиями и деепричастиями, а определения, выраженные сочетаниями существительных с прилагательными.

В произведениях Паустовского чаще всего встречаются описания ивы, березы, ракиты, осины – типичных **деревьев** средней полосы России. При этом любимым его деревом, отмеченным во многих рассказах, можно признать иву: «*Покрытые паутиной и росами ивы стояли под солнцем, как сказочные деревья*» («Желтый свет»); «*за рекой стояли, как шары серо-зеленого дыма, вековые ивы и ракиты*» («Ильинский омут»). Описания ивы и березы создают атмосферу легкой грусти, так как включают в свой семный состав сожаление, печальные воспоминания, утраченные иллюзии, хрупкость, ранимость, нежность: «*В сосновых чащах дрожали от холода березы, осыпанные сусальной позолотой*» («Желтый свет»).

С еще большей нежностью писатель повествует о **цветах**. Изображение цветов у него также связано с ощущением печали и жалости к их полной незащитности, хрупкости, уязвимости: «*последние лилии лежали на тихой поверхности воды*»; «*розовый кипрей цветет невысокими стенами*»; «*на широких водяных кругах качаются желтые кувшинки*» («Акварельные краски»); «*Заросли их [цветов приточной травы] были похожи на маленькие озера с густой синей водой*» («Приточная трава»). Однако цветы у Паустовского, в отличие от деревьев, более подвижны и деятельны, как будто даже самостоятельны в своих действиях, активны, что передается глагольными формами: «*Белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нем сидел маленький жук кузька-звон*».

наръ и бил лапкой по серебряной паутине» («Стальное колечко»); «Особенно его поразили бересклет, - его черные ягоды были спрятаны в венчик из карминных лепестков» («Бабушкин сад»).

В рассказах упоминаются и названия различных **трав**, входящих в микрополе «Растения»: *«высокие и узкие, как факелы, цветы конского щавеля»; «венчик чабреца»; «Скромная невысокая кашка»; «доверчивые стебли и травы» («Ильинский омут»).* Интересно, что травы в анализируемых произведениях еще более активны, чем цветы, иногда даже агрессивны: *«крапива встала такой густой стеной и так жглась...» («Бабушкин сад»); «Сладкий конский щавель хлестал нас по груди. Медуница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким медом» («Золотой линь»).*

К семантическому микрополю «Растения» можно отнести не только названия, характеристику и действия самих растений, но и описание **составляющих их частей**, образующих зону ближайшей периферии. Отметим, что детали в рассказах тоже очень впечатляющи. Они создают определенный эмоционально-оценочный фон.

Чаще всего это описания осенних листьев: *«каждый желтый лист на траве горел от света, как бронзовый слиток» («Акварельные краски»); «Каждый осенний лист был шедевром, тончайшим слитком из золота и бронзы, обрызганным киноварью и чернью» («Наедине с осенью»).* Писатель одушевляет листья, сближая их внешне с животными и даже с человеком: *«Его зеленые листья перемешивались с багровой осенней листвой. Казалось, что на плюще сидят сотни красных бабочек» («Горная роса»); «листья ольхи похожи на детские ладони – с их нежной припухлостью между тоненьких жилок» («Ильинский омут»).* Внешнее сходство дополняется иногда актуализаторами, придающими описаниям больший антропоморфизм: *«Листья висели, как в летаргии» («Ильинский омут»); «Лепестки маков летели по ветру легкими стаями, как мотыльки» («Синева»).*

Объектом внимания писателя становятся также плоды, хвоя, стебли, ветки, лепестки цветов: *«Берг собирал ягоды шиповника и пахучий можжевельник, длинную хвою, листья осин, где по лимонному полю были разбросаны черные и синие пятна...»; «каждый стебелек и веточка живут своей отдельной живописной жизнью» («Родник в мелколесье»).*

Как было указано выше, микрополе «растения» в более обобщенном виде предстает в концептах сада, леса, поля, луга. **Сад** воплощает в себе нечто рукотворное, созданное совместными усилиями природы и человека: *«За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую листву, она лежала шумными горами на земле и распространяла тусклое сияние» («Желтый свет»).* Это цельный живой организм, который постоянно испытывает какие-то метаморфозы и предвкушает следующие.

Лес у Паустовского представляет собой конгломерат растений, животных, насекомых. Он более самостоятелен в своем развитии, чем сад, поэтому человек встречает в лесу много неожиданных красот: *«Леса, наискось освещенные солнцем, казались ему горами легкой медной руды» («Акварельные краски»); «В мелколесье много прелести... Там всегда светло и чисто, как в прибранной к празднику крестьянской горнице» («Родник в мелколесье»).*

Если сад и лес в рассказах Паустовского – это очень большие, но все же ограниченные территории, то **поле** и **луг** – пространства безграничные. Эта безграничность с оксюморонной противоречивостью подчеркивается краткостью пейзажных зарисовок: *«На полях Бородина мы чувствуем особую торжественность природы и слышим ее звенящую тишину» («Наедине с осенью»); «зеленел и пестрел цветами сухой луг – суходол»; «поля зрелой ржи, гречихи и пшеницы. Они лежали разноцветными платами» («Ильинский омут»).* При этом лексический состав части

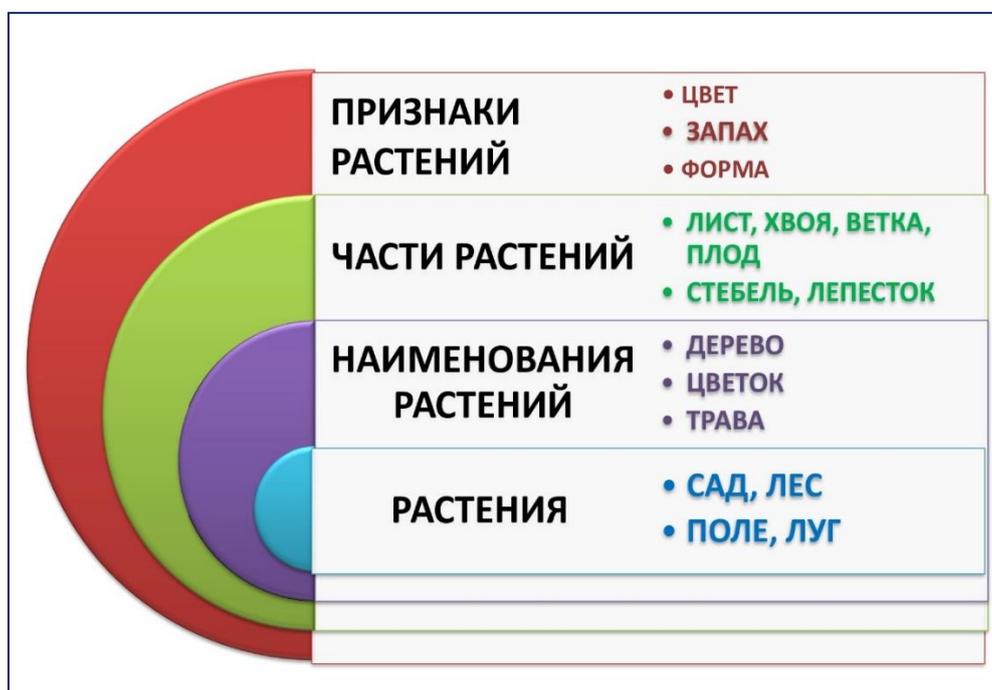
семантического поля природы, связанной с садом и лесом, более широк и разнообразен, включает в себя большее количество элементов. При описании сада и леса главное внимание уделялось наименованиям и описаниям деревьев, в зарисовках же поля и луга писатель может себе позволить раскрыть во всей полноте красоту трав и полевых цветов.

К зоне дальней периферии можно отнести слова с такими семами, как цвет, запах, форма. Среди колоративной лексики Паустовского особенно часто используются такие цвета, как *зеленый, желтый, рыжий, розовый, черный, белый, синий, седой, багровый*, а также составные наименования описательного характера: *сусальная позолота; золото и бронза, обрызганные киноварью и чернью; тусклая медь; нежнейшего розового цвета; тусклое серебро листьев* и т.п. Запахи автор выражает обычно словосочетаниями или повтором: *острый запах ореховых листьев; сухой, целебный, южный запах чабреца; таволга пахучая-пахучая; опьяняющий запах цветущих лип; в этом запахе была свежесть ночи, целомудрие и нежность* и т.п. Форма репрезентантов семантического поля «растения» передается писателем как с помощью соответствующих прилагательных (*узловатый вяз, невысокая кашка, высокие цветы иван-чая, высокие и узкие, как факелы, цветы конского щавеля, густая трава*), так и предложно-падежных конструкций (*венчик чабреца, волны овса и ржи, зеленая стена леса, водопад лисвы, чертополох высотой в человеческий рост* и т.п.).

Семантическое поле «растения», таким образом, можно представить в виде нижеприведенной схемы.

Схема 1

Структура микрополя «Растения» семантического поля природы произведений К. Г. Паустовского

Итак, лексические элементы, составляющие микрополе «Растения», играют важную, эстетически значимую роль в творчестве Паустовского: они относятся к ряду слов, существенных для понимания национальной культуры, служат одним из

средств выражения авторской идеи, его мироощущения, участвуют в формировании сюжета и раскрытии характеров героев.

Список источников и литературы

1. *Абдураманова Л. Ш.* Понятие «поле» в лингвистике и пути его исследования в XX веке. // *Культура народов Причерноморья*. 2004. № 55. Т. 1. С. 105–108.
2. *Абрамов В. П.* Синтагматика семантического поля (на материале рус. яз.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 107 с.
3. *Башарина А.К.* Понятие семантическое поле. // *Вестник ЯГУ*. 2007. № 1. Т. 4. С. 93–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole/viewer> (Дата обращения: 25.04.2022).
4. *Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация и идеи времени. С.-Пб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 257 с.
5. *Вердиева З. Н.* Семантические поля в современном английском языке. М.: Высшая школа, 1986. 118 с.
6. *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
7. *Карпеченко Т. В.* Писатель и творчество в эстетической концепции К.Г. Паустовского. – Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М.: МГПУ, 2000. С.15. URL: <https://www.dissercat.com/content/pisatel-i-tvorchestvo-v-esteticheskoi-kontseptsii-k-g-paustovskogo/read> (Дата обращения: 17.04.2002).
8. *Касаткина Т. Ю.* Ассоциативное поле как модель анализа значения слова. // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного ун-та, 2020. С. 589–603. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnoe-pole-kak-model-analiza-znacheniya-slova/viewer> (Дата обращения: 12.04.2022).
9. *Медников А.* Уроки мастерства: Воспоминания о Константине Паустовском. М.: Советский писатель, 1983. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/mednikovuroki-masterstva.htm> (Дата обращения: 14.02.2022).
10. *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 166 с.
11. *Новиков Л. А.* Эскиз семантического поля // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2011. №2. С. 8–17.
12. *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений. В 8-ти т. М.: Художественная литература, 1984.
13. *Сапрыкина Н. В.* Приемы толкования слов в художественном тексте (на материале повести К.Г.Паустовского "Золотая роза") // *Язык и стиль произведений К. Г. Паустовского*. Одесса: ОГУ, 1987. С. 52.
14. *Трефилова Г. К.* К. Паустовский, мастер прозы. М.: Художественная литература, 1983. 128 с.
15. *Уфимцева А. А.* Теория семантических полей и возможности их применения. // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 30–68.
16. *Филичева Н. И.* О словосочетаниях в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1999. С. 78–84.
17. *Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике. М.: URSS, 2007. 253 с.

References

1. Abduramanova, LSh 2004, Ponyatiye "pole" v lingvistike i puti ego issledovaniya v XX veke (The concept of "field" in linguistics and the ways of its research in the twentieth century), *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of the peoples of the Black Sea region)*, no. 55, vol. 1, pp. 105–108. (in Russ)

2. Abramov, VP 1992, *Sintagmatika semanticheskogo polya (na materiale rus. yaz.) (Syntagmatics of the semantic field (based on the material of the Russian language))*, Rostov University Publ, Rostov-on-Don. (in Russ)
3. Basharina, AK 2007, Poniatiye semanticheskoye pole (The concept of semantic field), *Vestnik yakutskogo gosudarstvennogo universiteta (Science Journal of Yakutsk State University)*, no. 1, vol. 4, pp. 93–96, viewed 25 April 2022, <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole/viewer> (in Russ)
4. Bondarko, AV 1999, *Osnovy funktsional'noy grammatiki: yazykovaya interpretatsiya i idei vremeni (Fundamentals of Functional Grammar: Language Interpretation and Ideas of Time)*, St.-Petersburg University Publ, St.-Petersburg. (in Russ)
5. Verdieva, ZN 1986, *Semanticheskiye polya v sovremennom angliyskom yazyke (Semantic fields in modern English)*, Vysshaya shkola Publ, Moscow. (in Russ)
6. Gulyga, EV & Shendel's, EI 1969, *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemetskom yazyke (Grammatical and lexical fields in modern German)*, Prosveshchenie Publ, Moscow. (in Russ)
7. Karpechenko, TV 2000, *Pisatel' i tvorchestvo v esteticheskoi kontseptsii K.G. Paustovskogo (Writer and creativity in the aesthetic concept of K.G. Paustovsky)*, abstract, PhD thesis, Moscow State University, Moscow, p.15, viewed 17 April 2022, <https://www.dissercat.com/content/pisatel-i-tvorchestvo-v-esteticheskoi-kontseptsii-k-g-paustovskogo/read> (in Russ)
8. Kasatkina, TIu 2020, Assotsiativnoye pole kak model' analiza znacheniya slova (Associative field as a model for analyzing the meaning of a word), *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)*, Udmurt State Institute Publ, Izhevsk, pp. 589-603, viewed 12 April 2022, <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnoe-pole-kak-model-analiza-znacheniya-slova/viewer> (in Russ)
9. Mednikov, A 1983, *Uroki masterstva: Vospominaniia o Konstantine Paustovskom (Skill lessons: Memories of Konstantin Paustovsky)*, Sovetskiy pisatel Publ, Moscow, viewed 14 February 2022, <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/mednikov-uroki-masterstva.htm> (in Russ)
10. Morkovkin, VV 1977, *Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki (Experience of ideographic description of vocabulary)*, Moscow University Publ, Moscow. (in Russ)
11. Novikov, LA 2011, Eskiz semanticheskogo polya (Sketch of the semantic field), *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika (RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics)*, no. 2, pp. 8–17. (in Russ)
12. Paustovsky, KG 1984, Sobraniye sochineniy. V 8-mi t. (Collected Works. In 8 vols), Khudozhestvennaya literatura Publ, Moscow. (in Russ)
13. Saprykina, NV 1987, Priemy tolkovaniya slov v khudozhestvennom tekste (na materiale povesti K.G. Paustovskogo "Zolotaya roza") (Methods of interpreting words in a literary text (based on the material of K. G. Paustovsky's novel "The Golden Rose")), *Yazyk i stil' proizvedeniy K. G. Paustovskogo (Language and style of K. G. Paustovsky's works)*. Odessa State University, Odessa. (in Russ)
14. Trefilova, GK 1983, *K. Paustovskii, master prozy (K. Paustovsky, master of prose)*, Khudozhestvennaya literatura, Moscow. (in Russ)
15. Ufimtseva, AA 1961, Teoriya semanticheskikh poles i vozmozhnosti ikh primeneniya (Theory of semantic fields and possibilities of their application), *Voprosy teorii yazyka v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike (Questions of language theory in modern foreign linguistics)*. Academy of Sciences of the USSR Publ, Moscow, pp. 30–68. (in Russ)
16. Filicheva, NI 1999, *O slovosochetaniyakh v sovremennom nemetskom yazyke (About phrases in modern German)*, Prosveshcheniye Publ, Moscow, pp. 78–84. (in Russ)
17. Shchur, GS 2007, *Teoriya polya v lingvistike (Field theory in linguistics)*, URSS Publ, Moscow (in Russ)

Статья поступила в редакцию: 18.08.2022
Одобрена после рецензирования: 30.09.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 18.08.2022
Approved after reviewing: 30.09.2022
Accepted for publication: 03.10.2022